K63 2/71

К63
71
158/10

Акад. Е. Ф. Карский

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка).

Разговорный язык простого народа достоин глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням; оне говорят удивительно чистым и правильным языком.

А. С. Пушкин. «Грамм. замечания».

Всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень... [я] убедился вскоре, что мы русского языка не знаем.

В. И. Даль. «Автобиография».

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕЯТЕЛЬ
Е. В. ВЫСОЦКОГО
ЛЕНИНГРАД
1924

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 233
3 « 1 1931 г.

Ленинградский Гублит № 3386. Напечатано 2000 экз.

Набор сделан в гос учебно-прак. школе-типографии имени тов. Алексеева. Ленинград. Красная, 1.

Листы отпечатаны в типогр. «Свитель» Е. В. Высоцкого, Ленгр., Пр. Майорова, 53.

„Русская диалектологи“ является отголоском курсов автора по этому предмету, читанных в университете за последние 25 лет. Им руководило желание дать популярную справочную книгу для лиц, интересующихся живою русскою речью, распространенною в пределах СССР, как она раздается в устах не только образованного общества, но и крестьянина и рабочего; имелось в виду также познакомить с основными чертами новых литературных языков — белорусского и украинского, постепенно создавшихся на западе и юге русской области. По возможности везде вводятся и научные объяснения языковых явлений. Ближайшим образом выпускаемая книга имеет в виду удовлетворение основной задачи краеведческих запросов, так развившихся в обществе за последнее время. Не бесполезна она будет, при бедности нашей учебной литературы, и для студентов-филологов и вообще учащейся молодежи, не безразлично относящейся к главному орудию распространения культуры среди народных масс.

Предмет диалектологии. Необходимость её изучения.

Предметом русской диалектологии (от греч. διάλεκτος наречие, говор) является указание особенностей живой русской речи, как она звучит в устах населения разных областей, занятых русским народом.

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению, необходимо в общих чертах коснуться вопроса о том, как в одном неделимом русском языке, каким мы представляем его себе в доисторическую эпоху, после выделения из праславянского языка, могли появиться диалектические особенности, легшие в основу современных наречий и говоров.

Причины, вызвавшие современное диалектическое разнообразие в русском языке, те же самые, которые содействовали распадению основного индоевропейского и основного славянского праязыков и которые до сих пор вызывают появление наречий и говоров в разных живых языках; это прежде всего те причины, которые вообще производят изменения в языке — условия физиологического, психологического и отчасти социального характера. Благодаря этим условиям сначала в языке отдельных лиц, часто различающихся по полу [1]), возрасту (иногда народности) и развитию, потом в языке их семейств и целых деревень появляются некоторые отличия; являются они и особенностями отдельных сословных групп — из духовенства, напр., и купечества — и развившихся из них мелких этнографических типов. Попав в благоприятные условия, эти особенности выступают все более и более рельефно и затем усваиваются новыми поколениями и остаются характерной принадлежностью языка данной местности или сословия. К этим чертам присоединяются новые, возникшие отчасти подобным же образом, отчасти каким-нибудь другим путем, и данный говор постепенно обо-

---

[1]) Ср. пришепётывание женщин-казачек на Урале („модное произношение" Зеленин, 356), чоканье у мужчин и преобладание цоканья у женщин Вят. и Орл. уездов Вятск. г. (ib. 386).

собляется, превращаясь в наречие. Наречие, если оно получает литературную обработку и становится способным выражать умственные интересы народа — поэтические, религиозно-нравственные, социально-общественные, экономические и научные — превращается в особый язык. Для того однако, чтобы указанный процесс произошел, нужны особые условия, при отсутствии которых зародившиеся диалектические черты могут исчезнуть.

Такими условиями являются следующие:

1) Расселение племен по разным областям, часто отличающимся иными климатическими и вообще природными условиями. Такое расселение чаще вызывается экономическими и вообще социальными причинами. Если отделившаяся часть племени или целые племена поставлены в такие условия, что сообщение с основным народом затруднено или даже совсем невозможно, то язык выделившихся народных масс, не встречая для себя поддержки в речи родного племени, быстро развивает свои диалектические особенности; наоборот, если общение между разделившимися племенами усиливается, то разница в их языке обыкновенно становится меньше, а иногда и совершенно сглаживается. Поясню сказанное примером. Несомненно, рано отделились от общерусского племени новгородские кривичи („словѣне“ Начальной летописи). Живя вдали от других русских славян в особых климатических условиях, окруженные финнами, они рано развили, в своем языке особую черту, уже заметную в памятниках XI в., смешение *ч* и *ц* (купчи и доць); эта особенность прочно усваивается всем племенем где бы ему потом не пришлось жить, и не покидает его в течение всей его жизни и до сих пор. Однако, когда Новгород вошел в тесную связь с русским государством, эта черта начала значительно ослабевать и, несомненно, исчезнет окончательно с развитием путей сообщения и особенно просвещения в стране. С другой стороны, среднерусские племена, которые жили в более тесном общении между собою, сравнительно поздно развивают свои характерные черты (в XIII — XIV в.).

2) Переселившиеся племена нередко попадают в такие соседства, которые незаметно налагают свой отпечаток и на язык переселенцев. Это влияние тем заметнее, если новые соседи будут из того же народа или народа ближайше родственного. Припомним, напр., случаи насильных переселений белорусов в Новороссию или малорусов в Нижегородскую губернию — в земли разных богатых помещиков во время крепостного права; здесь поселенцы поневоле начали усваивать особенности языка своих новых соседей, окружающих их со всех сторон, и в настоящее время уже почти окончательно утратили свои основные

черты. И язык местного основного населения не обходится без влияния новых поселенцев: и у последних нередко заимствуют разные черты (белорусское дзеканье в разных великорусских областях, мягкие *г*, *к*, *х*, после смягченных согласных и *й*, занесенных однодворцами из детей боярских на юг и на север Великороссии. Зеленин). Соседством объясняется появление разных смешанных и переходных говоров, напр., белорусско-польских, великорусско-белорусских, малорусско-белорусских и т. п. Влияют на переселенцев и наоборот — неродственные соседи, хотя и в меньшей степени, напр., в Сибири русские поселенцы нижнего течения Енисея позаимствовали у остяков *з* и *с* на месте *ж* и *ш* (зарко, посол). Общеизвестно обратное влияние белорусов на латышей и литовцев.

3) На выработку и обособленность наречий влияют и политические события: белорусская народность и язык сложились главным образом вследствие того, что западнорусские племена (дреговичи, радимичи, смоленские и полоцкие кривичи), объединившись под властью Литвы, насильно были оторваны от восточных и севернорусских племен. Нечто подобное на наших глазах происходило в Галицкой и Угорской Руси, которые ревниво оберегались от тесных сношений с Русским государством. В последнее время (после Рижского мира 1921 г.), с подпадением некоторых русских областей под власть Польши, началась сильная полонизация русского населения, что естественно вызовет сначала появление белорусско-польских и малорусско-польских диалектов, а затем превращение их в польско-белорусские и польско-малорусские, как переходную ступень к полной полонизации [1]).

Уже отчасти из сказанного можно видеть, что изучение русской диалектологии интересно во многих отношениях; но можно привести и разные серьёзные соображения в пользу того, что изучение народной речи вполне своевременно и желательно.

Станем ли изучать историю языка, везде будем наталкиваться на такие факты, которые без знания народной речи объяснены быть не могут. Всем известно, что существует преемственная связь нового с древним. О старинных звуках и формах, сохраненных до нашего времени в передаче разных письменных знаков, мы не всегда сумеем составить более или менее точное понятие, если обратимся только

---

[1]) Вопрос об условиях образования говоров и наречий в русском языке рассматривается между прочим в диссертации *Н. Н. Дурново:* „Диалектологич. разыскания в области южно-великорусских говоров“ (М. 1917), стр. 1—13. Тут же литература предмета.

к теперешнему нашему литературному языку, в известной степени искусственному. В другом положении окажется исследователь, если он привлечет для сравнения данныя живых русских говоров: сохраняясь в устах простого народа, древний язык менее поддается чуждым влияниям и удерживает больше свежести; кроме того, народная речь во многих случаях отличается большою консервативностью. Тут мы находим громадное разнообразие материала, представляемого наблюдениям и изысканиям исследователя. Приведу пример. Старинная форма родительного падежа у прилагательных и местоимений женского рода на звук *-е* (из *-ѣ*) никак не может быть усмотрена в теперешнем литературном языке, где преобладает *-ой* (той, новой). Другое дело, если мы обратимся к народной речи: здесь до сих пор живут подобные формы, как: таѐ или ты́е ха́ты, но́вое ха́ты, старої хати и т. п. (в белорусском и малорусском наречиях). Или напрасно мы стали бы искать в литературном языке следов того, что приставка *въз-* когда то играла роль самостоятельного предлога, управлявшего именем; в ином положении опять окажется дело, если мы обратимся к народной речи: в разных местах Белоруссии до сих пор говорят: „уз плота“ (возле забора), „по-ўз ха́ты“, не говоря уже о таком наречном выражении, как „ўздоўш“ (=*въз дължь вдлину). Далее, если мы станем стремиться открыть психические законы языка, то опять только живые говоры окажут нам в этом отношении несомненную пользу, так как литературный язык и вообще речь интеллигентного класса общества часто подчинены иным законам, искусственно выработанным грамматикой. Отсюда происходит, что жизненные силы, которые действуют в языке народа, не имеют в этих обработанных формах вполне естественного и правильного развития. Наконец, народная речь есть корень и основание, откуда черпает свои живительные соки и чем обновляется речь литературная. Словесность того или другого народа достигает наивысшего развития и расцвета лишь тогда, когда питается чистым народным источником.

И историк литературы, не только языка, не может обойтись без знания народных говоров: в старинных произведениях часто попадаются такие слова и выражения, которые уже давно исчезли из литературной речи, но зато живут в народных говорах. Как хорошо объясняются из просторечия такие места Слова о полку Игореве (памятника XII в.), как „лисици *брѣшутъ*“, „*смагу* мычючи“, „коніе приломити *конець* поля половецкаго“, или летописное „приспа“, „не лагодите“ в Поучении Влад. Мономаха и т. п. Многие места в древнеруских произведениях, напр., в Русской Правде, и до сих пор еще не объяснены; но есть

надежда, что при более обстоятельном знакомстве с русскими народными говорами и они найдут подходящее толкование.

Знание диалектологии в качестве вспомогательной дисциплины приносит пользу и другим наукам, напр., истории и географии. Разные спутанные колонизационные вопросы при посредстве диалектологии могут быть разрешены очень удачно. Приведу примеры. Из какого племени образовалось население Москвы? Аканье москвичей говорит за принадлежность их к южновеликорусам, но произношение *г* как g, форма 3 л. глагола на *-т* твердое (несёт), родит. п. на *-ова* (слепова) роднят их с северновеликорусами. Отсюда тот вывод, что московское население имеет в своей основе смесь северных и южных великорусов. Отсюда понятно, почему Ломоносов, северный великорус, не затруднился положить московское произношение в основу русской литературной речи: тут он находил и черты, свойственные его родному наречию, и особенности громадной части русского акающего юга. Или возьмем другой пример. В Лукояновском уезде Нижегородской г. есть места с русским населением особого типа, которое слывет под именем „панов". Если прислушаться, к их речи, то можно заметить белорусские особенности, напр., дзéканье. Принадлежность этого населения к белорусам подтверждается и документальными данными [1]).

Вообще говоря, знание диалектологии необходимо: как напр. распространить просвещение среди народной массы, если не знать её языка? Для школьного работника по русскому языку знание диалектологии приносит еще и частную пользу: зная особенности говора местности, он сумеет искоренить разные погрешности, обусловленные такими особенностями, в речи устной литературной и письменной (напр., аканье у южных великорусов, твердость *р* у белорусов, смешение *и* и *ы* у малорусов, смешение *у* и *в* у тех и других и т. п.).

Несмотря на такую важность знакомства с русской диалектологией, разработка её началась не особенно давно. Еще до настоящего времени не вполне установился взгляд на то, на какие наречия и говоры распадается русский язык. Откладывая подробное рассмотрение этого вопроса к концу очерка, здесь отмечу лишь, что буду придерживаться принятого в обычном употреблении деления русского языка, во-первых, на наречия великорусское, белорусское и малорусское (украинское). Во-вторых, в первом выделим говоры северновеликорусские, южновеликорусские и переходные — среднерусские; во втором — говоры северо-

---

[1]) Ср. *Б. М. Ляпунов.* Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегород. г. (Живая Старина 1894, № 2).

восточные и югозападные; в третьем — говоры северномалорусские, южномалорусские (украинские) и угорскогалицкие.

Источники для изучения диалектологии.

Для знакомства с народной речью мы располагаем двоякого рода источниками: а) живою речью и б) записанными произведениями. Конечно, все преимущества за живою речью; однако, в виду разнообразия русских говоров и обширности пространства, на котором живет русский народ, пользование этого рода источником во всем его объеме оказывается почти невозможным. И действительно, никому из бывших до сих пор исследователей живой русской речи не удалось осилить его полностью. *В. И. Даль* в своей записке „О наречиях русского языка“ (1852 г.) касается только великорусских говоров, с которыми он будто бы познакомился непосредственно, хотя позднейшая критика во многих случаях отрицает такое знакомство [1]). *М. А. Колосов* в „Обзоре звуковых и формальных особенностей народного русского языка“ (В. 1878) только относительно с верновеликорусского наречия приводит данныя, заимствованные из непосредственного наблюдения. Подобным же образом поступают и другие исследователи (Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново и им подобные).

Но главным источником для всех изучающих народную речь обыкновенно являются разные записи народных произведений. Тут следует отдать преимущество простой разговорной или повествовательной речи: записи произведений народной словесности – песен, особенно былин, сказок, пословиц —, представляя также богатый материал для знакомства с диалектологией, имеют тот недостаток, что в них вследствие песенного склада, а также своих особых приемов творчества (напр., в сказках, былинах) иногда попадаются формы и особенно слова, уже вышедшие из употребления в живой речи. Впрочем фонетическая часть и здесь очень богата, а морфологическая и синтактическая дает обильный материал для истории языка, представляя богатый запас старины, сохраненный в большинстве случаев благодаря рифме и ритму. Главное — были бы эти произведения записаны, как следует, точно, что́ можно сказать только относительно некоторых из них.

---

[1]) „Пользовался архивными материалами (И. Русск. Геогр. Общ.) и *В. И. Даль*. Многое в его статье о наречиях русского языка, что я относил (как и другие конечно) на счет личных его наблюдений над народным языком, оказывается заимствованием, целиком или в сокращении, из рукописей архива“ (*Колосов*, Русск. Филолог. Вестник 1879 г., т. I, 92, выноска).

Собирать словесные народные произведения начали у нас еще в конце XVIII столетия; но записи, удовлетворительные в фонетическом отношении, появляются лишь в сравнительно позднее время. Произошло это оттого, что при знакомстве с народной словесностью сначала обратили внимание лишь на содержание песен, сказок и т. п., достоинство же формы, языка оценено лишь во время общего подъема филологических знаний общества. Кроме того, и записывать фонетически в старину не решались, да и не умели, как это в большинстве случаев заметно и теперь.

Великорусское наречие.

Источники и пособия.

Переходя к источникам для изучения великорусских говоров, точнее—к записям народных произведений, отметим, что, хотя их и сравнительно много, однако не все они равной ценности. Больше достоинства имеют, как мы уже говорили, записи последнего времени. Старые собрания, особенно конца XVIII столетия, в лингвистическом отношении имеют мало цены. Мы уже касались и причин этого обстоятельства; здесь прибавим еще, что собиратели народных произведений конца XVIII столетия с своими неудовлетворительными записями в некотором смысле были и правы. С точки зрения псевдоклассической аристократической теории, которой они строго держались, желая быть на высоте тогдашних литературных требований, народная поэзия, как произведение „подлого“ (низшего класса) народа, считалась в подлинном своем виде недостойной вкуса образованных людей, и поэтому при издании народных произведений признавали необходимым очищать их от грубости, украшать и вообще приспособлять к современному вкусу. Понятно, что такие переделанные песни, при суждении о языке, не имеют почти никакого значения. Впрочем, если быть осторожным, то и в подобных собраниях можно найти не мало любопытных данных, подобно тому, как можно судить о свойствах древнерусского языка на основании невольных ошибок переписчиков старинных произведений.

Из старинных собраний народных произведений особенно замечателен сборник, появившийся во второй половине XVIII столетия, известный под именем сборника *Кирши Данилова*, в свое время довольно удовлетворительно изданный Калайдовичем в Москве в 1818 г., под заглавием „Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым“. Для языка особенно ценно последнее издание (Спб. 1901 г.) по подлинной рукописи, сделанное Российской Публ. библиотекой с дипломатической точностью. Судьбу сборника, считавшегося долгое время утерянным, узнаем из статьи *Шеффера*: „Заметки о сборнике Кирши Дани-

лова“ (Известия ОРЯС РАН 1897, т. II, и предисловие к последнему изданию). Имя Кирши Данилова, может быть собирателя или владельца сборника, стояло на первом листе, при Калайдовиче уже утерянном.

Затем для изучения живого русского языка имеют важное значение труды *В. И. Даля* (1801 — 1872). Датчанин по отцу, он родился в России и получил чисто русское образование; врач по профессии, и притом военный, он имел возможность встречаться с людьми из разных концов России и лично побывать в более интересных пунктах. „Всю жизнь свою“, говорит он в автобиографии: „я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень... Сама жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком: служба во флоте, врачебная, гражданская, занятия ремесленные, которые я любил, — все это вместе обнимало широкое поле, а с 1819 г., когда я убедился, что мы русского языка не знаем, я не пропускал дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов“. Даль записывал не только слова и отдельные выражения, но также и пословицы, собирал песни и сказки, поверья и суеверья. Результатом всех этих трудов были следующие интересные работы для знакомства с народной речью: „Толковый словарь живого великорусского языка“. Выходил выпусками с 1861 по 1868 г. 3-ье (1903 — 1909) и 4 издание (1912 — 1913 г.) в четырех томах вышли под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, который значительно пополнил словарь, введя в него даже obscoena. По словам самого Даля, „словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но и толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова: живого великорусского языка — указывают на объем и направление всего труда“. Словарь Даля заключает не только слова живого языка и их объяснения, но также массу пословиц, поговорок и изречений, приводимых в пояснение того или другого значения слова. Другим капитальным трудом Даля являются „Пословицы русского народа“ (М. 1862, новое изд. 1879). Даль собрал здесь до 30000 мелких произведений и тем спас их от потери, так как всё это „изникает в глазах наших, как вешний лёд“. Даль составил еще целый сборник песен, который передал И. В. Киреевскому; ему же принадлежит значительное собрание сказок, переданное Афанасьеву. Наконец, Даль написал и чисто теоретическую статью по русской диалектологии: „О наречиях русского языка“ (V кн. Вестника Р. Геогр. Общ. за 1852 г.; перепечатана в предисловии к I т. Словаря[2]).

Ценные материалы имеем и в собрании *П. Н. Рыбникова* (1832 — 1885). Это был один из просвещеннейших людей своего времени,

довершивший высшее филологическое образование путешествием за границей. Свою собирательскую деятельность он начал в Черниг. губ., но вследствие связей со старообрядцами был выслан отсюда в Петрозаводск в 1859 г. Однажды, отправившись по служебным поручениям на восток Олонецкой губ., он нашел целый ряд лиц, знавших былины (Богданов, Романов, Рябинин, Щеголенков и др.); от них он и записал множество этих произведений, превосходивших всё известное до него. Плодом его собираний в Олонецком крае явились „Песни, народные былины, старины и побывальщины". 4 части (М.-Спб.-Петрозаводск. 1861 — 1867, 2-ое изд. М. 1909 — 1910).

В пятидесятых годах XIX ст. началась деятельность и известного этнографа *П. В. Шейна* (1826 — 1900). В качестве домашнего учителя, а затем уездного и учителя гимназии он побывал во многих местах России; не мало записал сам, а еще больше завел знакомств и, благодаря многочисленным своим корреспондентам, составил большое собрание песен, которые и появились в свет под названием: „Русские народные песни". Ч. I М. 1870 (Чтения в ОИДР). Его меньший сборничек великорус. песен напечатан еще в 1859 г. (ib. III). В конце своей жизни Шейн решил было объединить все свои издания в одном: „Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях" и т. д., но этого предприятия вышел только I-ый том (Спб. 1898 — 1900), правда, очень объемистый, в двух выпусках.

К тому же времени относится появление двух сборников *А. Н. Афанасьева* (1826 — 1871): 1) „Русские народные сказки" (М.1855 — 1863, были и позднейшие издания). Сюда вошли сказки, собранные как самим Афанасьевым, так отчасти и другими лицами (Далем через Киреевского); 2) „Народные русские легенды" (М. 1859, новые издания в текущем столетии).

С шестидесятых годов XIX столетия начали выходить песни известного установителя народноисторических положений славянофильской школы *П. В. Киреевского* (1808 — 1856). Хотя собирание Киреевского началось еще с 30-х годов XIX ст., но по разным обстоятельствам издание скопленных им материалов произошло гораздо позже. При его жизни напечатаны только духовные стихи: „Русские народные песни, собранные П. Киреевским", ч. I (Чтения 1848 №9). По смерти его Московское Общество Любителей Росс. словесности поручило издание его песен П. Бессонову, под редакцией которого напечатаны в 10 выпусках „Песни собранные П. В. Киреевским" (М. 1860 — 1874). Новая серия начата тем же обществом в 1911 г. Вып. I. Песни обрядовые.

К тому же времени относится и начало собирательской деятельности *Е. В. Барсова* († 1917). Главный его классический и единственный в своем роде труд: „Причитания сев. края". 2 тома (1872 и 1882).

Очень выдающееся собрание по северновеликорусскому наречию представляют: „Онежские былины", записанные *А. Ф. Гильфердингом* (1831—1872) летом 1871 г. (Спб. 1873, 2 изд. в сборнике ОРЯС РАН, тт. 59, 60, 61). Гильфердинг предпринял свое путешествие в Олонецкий край с целью проверить записи Рыбникова, где не только убедился в несомненной их подлинности, но и сам сделал еще большие приобретения. Гораздо большая точность записей, нежели в рассмотренных раньше изданиях, делает сборник Гильфердинга особенно ценным для изучения языка.

По пути Гильфердинга пошли *А. В. Марков* (Беломорские былины. М. 1901), *Н. Е. Ончуков* (Печорские былины. Спб. 1904. Северные сказки. Спб. 1909), *А. Д. Григорьев* (Архангельские былины и историч. песни. М. 1904 и Спб. 1910).

Еще интересные диалектологические данные находим в следующих изданиях: *М. А. Колосова*: Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия (Спб. 1876—1877); *Варенцова*: Песни Самарского края (1862); *Савельева*: Донские... (1866); *Лаговского*: Костромские, Вологодские, Нижегородские, Ярославские (1877); *Студитского*: Новгородские... (1874); *Можаровского*: Казанские... (1873); *Магнитского*: Чебоксарские... (1877); *Попова*: Чердынские...; *М. Е. Соколова*: Историч. песни Саратовской г., записанные фонетически (Труды Сар. Уч. Арх. Комиссии. 1908); *И. А. Худякова*: Сказки... (1861); *Д. Садовникова*: Загадки... (1876); *Л. Н. Майкова*: Заговоры и заклинания... (1869) и во многих др.

Словари: *Подвысоцкого*: Словарь Архангельского наречия (1885); *Якушкина*: Материалы для словаря народного языка в Ярослав. г. (1896); *Куликовского*: Словарь областного Олонецкого наречия (1898). Очень ценные диалектологические данные разного рода, наконец, имеются в „Словаре русского языка", издаваемом Отделением р. яз. и сл. РАН., сначала под редакцией *А. А. Шахматова*, а потом и др. лиц. Вышли буквы *Е, Ж, З, И* (начало) и несколько вып. *К*, затем *Л* (начало). Словарь имеет в виду зарегистрировать, кроме литературных, и все слова живой русской народной речи. То или другое слово иллюстрируется примерами, буквально воспроизводящими источники.

Есть еще *сборники* народных произведений, составленные при участии нескольких лиц, это а) „Этнографический сборник, издаваемый Р. Географ. Обществом" с 1853 по 1864 г. (6 выпусков). Здесь имеется

описание разных местностей России в отношениях географическом и этнографическом, при чем описания сопровождаются иллюстрацией при посредстве народных произведений. Согласно заявлению редакции Сборника, „все статьи напечатаны с дипломатической точностью... песни, сказки, поговорки, названия—все это передано из буквы в букву, без малейших изменений" (I вып., IX). б) С своей стороны и Академия Наук в прежних „Известиях" (4°) ОРЯС печатала произведения народной словесности, которые потом были собраны в отдельную книжку: „Памятники великорусского наречия" (Спб. 1855). Академией же был издан „Опыт областного великорусского словаря" (1852 г. с дополнением). Областные словари издаются ею и до сих пор. Много диалектологического материала помещается и в новых „Известиях" (8°) в ответ на разосланные Академией программы для собирания особенностей народных говоров, а также в „Сборнике" ОРЯС; здесь также печатаются отчеты лиц, командированных для изучения народных говоров (Чернышева, Будде и многих др.). в) Отдельные местные ученые учреждения и общества также издают сборники, содержащие диалектологические материалы. Особенно много их в разных „Памятных книжках" по той или другой губернии, издаваемых статистическими комитетами, „Трудах ученых Архивных Комиссий", и др. изданиях местных краеведческих комиссий. Из более выдающихся местных сборников назовем: Новгородский сборник под редакцией *Богословского*, вып. I—V (1865—1866), Нижегородский сб. под ред. *Гациского*, томы I—V (1867—1875), Пермский сб., т. I—II (1859—1860); Воронежский сб. под ред. *Дикарева* (1891); Курский сборник под редакцией *В. И. Резанова*; Саратовский сб. *Е. М. Соколова* (1908 г.), о чем уже была речь. г) Много всякого рода диалектологического материала разбросано в разных периодических изданиях, больше провинциальных, особенно в „Губернских Ведомостях". д) Наконец, немало диалектологического материала имеется и в некоторых научных журналах, как „Русском Филологическом Вестнике", издававшемся в Варшаве с 1879 г. Здесь много интересных данных, сообщенных основателем журнала Колосовым, а также Халанским, Будде, Филатовым, Дурново, А. Никольским и мног. другими. Здесь же (с 1907 г.) между прочим печатались „Труды Моск. Диалектологической Комиссии". Такие же интересные материалы находим в „Этнографическом Обозрении", выходившем с 1889 г. в Москве, и в „Живой Старине", издававшейся в Петрограде Русск. Географическим Обществом под редакцией Ламанского с 1891 г. Интересные для диалектологии материалы имеются в разных томах „Записок Русск. Географич. Общества по Отд. Этнографии", напр. *Д. К. Зеленина* и др.

Подробный указатель разных диалектологических материалов за прежнее время можно найти в библиографических работах *Межова* по географии и истории в отделе „Этнография".

Переходим к пособиям.

Пособий по изучению великорусских говоров, вообще говоря, имеется немного и притом не все они одинаковой ценности. Произошло это оттого, что еще не особенно давно ученые занимались диалектологией лишь в самых редких случаях, урывками, проездом, отмечая случайно попадающиеся черты. В 40-х годах XIX столетия находим статью в этом роде, принадлежащую перу *Надеждина*: Mundarten der russischen Sprache (в Венских Jahrbücher der Literatur 1841 г.); но Надеждин только отчасти касается особенностей русских наречий, а все свое внимание сосредоточивает на происхождении этих наречий. Больше значения имеет упомянутая нами выше статья *Даля* „О наречиях русского языка" (1852 г.), но, как показывают новейшие исследования, в ней много погрешностей. Отличается научным характером, но основана почти исключительно на печатном материале статья *Потебни*: „О звуковых особенностях русских наречий" (Филол. Записки 1865 г.). Дальнейшей ступенью в ученой разработке русского народного языка являются труды *Колосова*. Его наблюдения над фактами северновеликорусского наречия изложены в пяти отчетах Отделению РЯС Ак. Н. и в обширном сочинении „Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка" (Варш. 1878). Последнее сочинение дает много интересного материала, но он расположен очень неудобно: все местности перепутаны, так что пользоваться им не легко. Строгой систематичностью отличается работа *Соболевского*: „Очерк русской диалектологии" (Живая Старина за 1892 г. №№ 1 — 4) и отдельно изданная под заглавием „Опыт русской диалектологии" (Спб. 1897, наречия великорусское и белорусское). Здесь даются не только отдельные очерки целых наречий, но отмечаются и разные диалектические разветвления. Жаль только, что и эта работа написана почти исключительно по печатным материалам. Другие работы общего характера по русской диалектологии, явившиеся в то время, как сжатый очерк в книге *В. А. Богородицкого* „Общий курс русской грамматики" (4 изд. Казань. 1913, стр. 335 — 382), ничего нового в сравнении с книгой Соболевского, не дают. Ценные руководящие вопросы по собиранию диалектологического материала имеются в изданных Академией Наук „Программах для собирания особенностей русских народных говоров" (впервые напечатанных в 1896 г.); особенно интересно издание 1900 г. Основа для великорусских программ положена *Шахматовым*, затем она дополнена спе-

циалистами по каждому из русских наречий, так что уже в своей вопросной форме они дают много надежного материала. Шахматовым редактировались и ответы на эти программы, под названием: „Материалы для изучения великорусских говоров“ (вышло уже XI выпусков, два последние под редакцией Каринского и Дурново). Наконец, Шахматову принадлежит и теоретическая статья по русской диалектологии, напечатанная в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона „Русский язык“ (отдел „Россия“, стр. 566 — 570, 578 — 579. Спб. 1900). Шахматову принадлежат и лучшие статьи об образовании русских наречий и народностей в ЖМНП 1899, апрель (от которой он впрочем уже отчасти отступил в своих литографированных лекциях, читанных в Петроградском университете, и особенно в „Очерке древнейшего периода истории русского языка“), и в книге „Древнейшие судьбы русского племени“ (Пгр. 1919). Последняя работа общего характера по русской диалектологии издана в 1915 г. (М.) Московской диалектологической комиссией: „Опыт диалектологической карты русского языка“, составл. *Дурново*, *Соколовым* и *Ушаковым* (из Р. Ф. В. т. LXXIV, 1915 г. № 4). Тут же в примечаниях (77 — 130) и литература предмета.

И отдельные великорусские говоры также мало исследованы. Более или менее замечательных работ в этом отношении мы имеем немного; таковы, напр.: *А. Лескина*: „Ueber den Dialect der russischen volkslieder des Gouvern. Olonec“ (Beiträge z. vergl. Sprachforsch. VI) — по песням Рыбникова; *Н. Белоруссова:* „Об особенностях в языке жителей Вологодской губ.“ (РФВ. 1887, т. XVIII); *Е. Будде*: „К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора“ (Варш. 1892 из РФВ.); *его же:* „К истории великорусских говоров (о говорах Касимовского у.)“ (Казань. 1896). Обе работы замечательны и потому, что в них для освещения тех или других явлений привлечены и личные наблюдения автора над живою речью, а также исторический материал. Главным образом на собственном наблюдении построены выводы в работе *К. Филатова*: „Очерк народных говоров Воронежской г.“ (Варш. 1898 из РФВ.). В этом же роде сочинение *М. Халанского*: „Народные говоры Курской г.“ (Спб. 1904 г. из 76 т. Сборника ОРЯС). В ином роде исследование *Д. К. Зеленина*: „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеёбных согласных“ (Спб. 1913). Здесь внимание автора сосредоточивается не столько на описании основных черт разных говоров и особенно неорганического смягчения *г*, *к*, *х*, но главным образом на рассмотрении исторических условий колонизационного характера, вызвавших появление разных особенностей в народной речи. Углублению разных

диалектологических вопросов посвящены строго методические работы *Н. Дурново*: „Описание говора д. Парфёнок Рузского у. Моск. г.“ (Варш. 1900 г. из XLIV т. РФВ.) и диссертация: „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие“ (М. 1917), вып. II (Шамординская пустынь 1918). Точностью наблюдения отличается работа *Олафа Брока*: „Говоры к западу от Мосальска“ (Пгр. 1916). Из сочинений последнего времени отметим еще *А. М. Селищева*: „Диалектологический очерк Сибири“ (Иркутск. 1921); *С. А. Еремина*: „Описание Уломского и Ваучского говоров Черепов. у. Новг. г.“ (Пгр. 1922. Сб. ОРЯС, 99); *Ю. В. Петровской*: „К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр Зарайского у.“ (Пгр. 1922. Сборник, т. 99); *П. Я. Черных*: „Русские говоры Мамырской волости Тулунского у. Иркутск. г.“ (Ирк. 1923). Вопросам исторической диалектологии посвящена работа *В. В. Виноградова*: „Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука *ъ* в севернорусском наречии“ (Пгр. 1923), на исторической основе рассматривающая лишь одно явление северновеликорусской фонетики. Есть небольшие, а иногда и довольно крупные статьи и по языку других мест (Никольского, Соколовых, Голанова, Чернышева и мн. др., печатавшиеся в ГФВ. и разных других изданиях). В заключение отметим очень интересную, широко задуманную статью, к сожалению не оконченную *П. К. Симони*: „Русский язык в его наречиях и говорах“ (Известия ОРЯС 1896).

Что касается живого литературного русского произношения, то довольно правильную его характеристику имеем в курсе *Р. Ф. Брандта*: „Лекции по исторической грамматике русского языка“. Вып. I, фонетика (М. 1892). Очерк физиологии звуков русского литературного языка и великорусских говоров дан *Олафом Броком* в вып. 5.2. Энциклопедии Слав. Филологии“ (Спб. 1910). Довольно точно понято и передано звуковым письмом русское литературное произношение в книжке: „Lärobok i ryska språket av *J. A. Lundell*“ (Stockholm, 1911). Но особенно много в этом отношени сделано *Рад. Кошутичем* в книге на сербском языке: „Граматика руског језика“ (Птгр. 1919).

Область, занимаемая великорусским наречием.

Область, занимаемая великорусским наречием, очень обширна, хотя граница её не может быть точно определена, особенно в тех местах, где великорусские говоры соприкасаются с белорусскими и малорусскими. Иногда бывает очень трудно решить, к какому наречию рациональнее отнести те или другие переходные говоры. Часто смежные

местности, не отделенные одна от другой резкими физическими границами, представляют сравнительно большие разности в звуковых чертах населения, и наоборот — сходные и даже тождественные черты можно встретить в очень отдаленных местностях. На подобные явления могли влиять разные причины, в роде а) колонизации данной области жителями других, сопредельных ей, а иногда и отдаленных местностей; б) насильственного переселения крестьян, особенно в прежнее время волею помещиков; в) влияния городов на села и особенно школ, а также военной службы на язык простого народа и т. п. причин, о которых мы уже имели случай говорить в начале. Однако, со-временем черты одного говора терялись, а другого возобладали, и в общем колорит местности в лингвистическом отношении оказывался более или менее одинаковым.

Таким образом область великорусских говоров может быть определена следующими границами: на севере в Европе она достигает Ледовитого оксана, будучи в разных местах прерываема речью народов финского племени: зырян, карел, самоедов и др., которые в Архангельской, С.-Двинской, Вологодской, автономной области Коми (зырян) и Пермской губерниях составляют преобладающий элемент. То же следует сказать и относительно Карельской трудовой коммуны (б. Олонецкой г.).

В указанной северной местности великорусы живут больше по рекам, по берегам Белого моря и озер Ладожского и Онежского, а также в городах. Начиная от Ленинграда, граница может быть определена более точно. От устья Невы с некоторыми перерывами она идет до устья Наровы, затем по этой реке и озеру Чудскому, далее по западной границе Псковской г. почти до Витебской. Здесь она сворачивает на восток, отделяя великорусские говоры от белорусских. Вследствие незаметных переходов одних говоров в другие трудно определить указанную границу точно; приблизительно её можно провести так: сначала по югозападной границе Псковской г., далее по южным её частям, не достигая границы Витебской г., так как части уездов Опочецкого, Торопецкого и Великолуцкого уже в области белорусских говоров. Далее граница идет внутри Тверской г., причем югозападная её часть — за Волгой — южная часть Осташковского уезда, а также югозападная Ржевского представляет отражение некоторых особенностей белорусской речи. Далее, не доходя г. Зубцова с запада, граница великорусского племени идет на юг по губернии Смоленской, где в уездах Сычевском, Гжатском, Юхновском, Вяземском и некоторых других местах на востоке говорят по-великорусски.

Идя дальше на юг, граница великорусского наречия направляется по западной части Брянской г. (Жиздринский у.) почти до г. Брянска.

и далее на юг, захватывая Трубчевск, к северной границе Черниговской г., где в восточных уездах, примыкающих к Брянской и Курской губерниям, слышится речь очень близкая к великорусской. Затем граница идет на восток по Курской, где в южных окраинах, напр., в уезде Обоянском, есть уже малорусы. Северная половина Воронежской г. тоже занята великорусами. В области войска Донского великорусские поселения по рекам Хопру и Медведице и вообще по Дону и к востоку от нижнего Донца, хотя здесь кое-где живут и малорусы. Далее с разными перерывами граница великорусского племени достигает устьев р. Волги и Урала. Много великорусов в Сибири (по торговым пунктам, а также в качестве поселенцев и добровольных переселенцев), по Тереку в северном Кавказе, в восточной части Харьковской г. (в Змиевском, Старобельском, Волчанском, Харьковском и Купянском уездах) и отчасти в Новороссии. Наконец, великорусская речь слышится на всем пространстве С. С. С. Р. в устах интеллигентного общества, преимущественно в городах.

На указанном пространстве живет более 70 миллионов великорусского населения, в состав которого вошли славянские племена, перечисляемые в Начальной летописи под именем „словѣнъ“ новгородских, кривичей (ближайше родственных им), вятичей и отчасти северян. В великорусский отдел влились в незначительном количестве и некоторые обрусевшие инородцы, в настоящее время стремящиеся объединиться в особые политические группы.

Великорусское наречие распадается *на две* большие *группы*: говоры северновеликорусские и южновеликорусские. Основой такого деления служит одна очень выдающаяся примета: произношение безударного *о* или как *о* (о̀канье), или как *а* (а̀канье). Северновеликорусские говоры о̀кающие, южновеликорусские а̀кающие. Первое поднаречие называется речью низкою (на *о*), второе — высокою или свысока (на *а*). Есть и другие различия между этими наречиями, напр.: в сев.-великорусском: аналогично *о* и звук *е* либо остается без перемены, либо переходит в *о* (*ё*) независимо от положения под ударением; везде слышится звук *г* = *g*; 3-ье лицо глагола оканчивается на *-т* твердое. В южновеликорусском наречии: *е* безударное переходит в *а* (*я*) или *и*; везде *г* = *h*; 3 лицо на *-ть* (мягкое) и др. черты, о чем речь в своем месте.

Провести точную границу между о̀кающими (северными) и а̀кающими (южными) говорами вследствие указанных нами раньше причин, а также переходных говоров — трудно. Приблизительно она проходит по Псковской губ., где только северовосточный угол в Порховском

уезде окает, внутри Тверской губ. (окают в Бежецком, Калязинском, Корчевском и Кашинском уездах), касается северной части Московской г. (здесь в Дмитровском и отчасти Богородском уездах на границах с Владим. губернией уже окают). Далее граница идет к Покрову, затем по меже Рязанской с севера, захватывая южные части Меленковского уезда Влад. г. в область акающих говоров, далее по Нижегородской губ., при чем южная ее окраина (части уездов Ардатовского, Сергачского и Лукояновского) а́кает. Аканье заходит и в южную часть Казанской губ., где оно переходит даже за Волгу (Лаишевский и Чистопольский уезды); часть Симбирской губ. (Буинский, Симбирский и сев. часть Курмышского уезда к северу от р. Пьяны) окает. Таким образом весь север, а затем Приуралье и большая часть Сибири о́кают, а средняя, самая населенная часть республики, а́кает. Акающее произношение, как литературное, понемногу вытесняет о́канье. Это особенно заметно в тех местах, где сильно развиты отхожие промыслы. Побывав в Москве, Ленинграде, жители окающих местностей усваивают акающее произношение.

Вследствие влияния одних говоров на другие, а также распространения литературного произношения, между северновеликорусским и южновеликорусским поднаречиями образовалась полоса с *переходными* говорами. К числу таких принадлежит, напр., Московский, возникший на почве северновеликорусского поднаречия, но очень рано сделавшийся акающим. Переходные говоры тянутся по Псковской губ., Новгородской, Тверской, Московской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской, отчасти Владимирской и в Поволжьи.

Свое изложение мы начнем с южновеликорусских говоров, как легших в основу нашего литературного языка и произношения. Центром этих говоров является Москва. Московский говор положен Ломоносовым в основу нашего литературного языка „не только для важности столичного города, но и для его отменной красоты“. Мы увидим, что московский говор не является типичным из южновеликорусских, ему свойственны даже некоторые особенности северновеликорусские, но мы исходим из него, как говора, каждому из нас известного по литературному произношению и употреблению.

Русская литературная речь.

Фонетические явления.

С литературным языком, как органом общественных интересов, науки и устного общения друг с другом, каждый из нас знаком практически, и вследствие постоянного обращения к нему мы до того свыклись с ним, что даже не даем себе отчета в главных его особенностях. Только в случае нарушения правильного пользования этим орудием, когда, напр., кто-либо в своей речи допускает провинциализмы, мы замечаем эти отклонения, но особенностей литературной речи и тогда себе ясно не представляем. Против сказанного можно возразить, что мы еще со школьной скамьи знакомы с грамматикой литературного языка, представляющей теоретическое изложение предмета; но неосновательность подобного возражения тотчас же обнаружится, коль скоро мы попробуем буквально говорить по грамматике: нас поймут с трудом. Другое дело, если свою речь мы изложим письменно по грамматике... Это происходит от того, что наши элементарные грамматики до последнего времени имели в виду только одну задачу — орфографию и притом историческую. В этом случае они вполне достигали цели. В научном отношении однако и грамматическое наше знание орфографии также окажется не особенно ценным, если мы будем иметь в виду дело со звуками, а не буквами. При знакомстве с живым языком особенно ценна та орфография, которая точно передает звуки, а это можно сказать только о звуковом письме, а не об историческом. В своем дальнейшем изложении мы и будем держаться звуковой орфографии. Но для этого прежде всего необходимо изложить ее основания. Последние вытекут сами собой из знакомства с природой гласных и согласных звуков русского языка.

Звуки русского языка и их передача на письме.

Если мы возьмем из речи какое-либо слово и станем рассматривать те элементы, из которых оно состоит, то увидим, что слово распадается на неделимые части, которые обыкновенно называются членораздельными звуками. Слова́ русского языка отличаются богатым разнообразием звуков как гласных, так и согласных; причем гласные, находясь под ударением, а согласные перед гласными, отличаются ясностью и определенностью, даже некоторой резкостью звука; тогда как гласные, лишенные

ударения, а согласные в некоторых случаях на конце слов, а иногда и в группах согласных — отличаются некоторой неявственностью, иногда даже подтвергаются редукции, т.-е. сильному качественному и количественному ослаблению, а подчас даже исчезновению.

Начнем с *гласных* звуков.

Если наблюдать за их произношением, то можно заметить, что в одних случаях язык своим концом или серединой приближается к переднему или среднему нёбу, вследствие чего раствор рта бывает довольно узок, при чем губы расширяются в стороны; в других случаях язык лежит совершенно спокойно в полости рта или же несколько приподнимается в корне у гортани, а губы действуют сильнее и принимают округленное положение. Типичным представителем гласных первого рода является *и (i)* , а затем приближающийся к нему *э (e)*, который, как увидим дальше, иногда может произноситься и довольно широко. Типичным представителем гласных второго рода является *у (u)* и отчасти *о*. Гласные *и* и *э* являются в русском языке преимущественно небными, палатальными, а *у* и *о* преимущественно губными, лабиальными. Как увидим после, палатальные и лабиальные гласные оказывают соответствующее влияние и на предшествующие им согласные: или умягчают их, или сообщают им твердое произношение (ср. пи́ли—с мягкими *п* и *л* и по́лу—с твердыми). А это последнее обстоятельство (т.-е. твердость или мягкость согласных) в русском языке в той или другой степени сказывается на качестве предшествующих им гласных.

Дело в том, что звуки русского языка, как и вообще, редко воспринимаются нами в отдельности, чаще мы их наблюдаем в связной речи или в целых словах. А в этом случае мы замечаем такое явление: готовясь произнести данный звук, мы в то же время настраиваем свои органы речи так, чтобы произнести и следующий за ним, для чего приходится несколько видоизменять артикуляцию, нужную для данного звука. Это влияние особенно становится заметным в том случае, если согласный, следующий за данным гласным, бывает мягким или умягченным, несколько нёбным; тогда и гласный звук, предшествующий ему, становится несколько у́же. В русском языке это сужение гласных особенно заметно, даже акустически, на звуке *э (e)*, который вследствие этого бывает или широким, как французское *è* ouvert, немецкое *ä*, или узким, как французское *é* fermé. В научном письме первое обозначают через *æ—ä—e* (у Брока): шäст, мäл, а второе через ɛ—eⁱ—ê (у Брока): шɛ̈ст, мɛ̈л'. Прислушиваясь внимательнее, можно заметить более широкое и более узкое произношение и среди других гласных (*а, о*, даже *и* и под.), хотя и не так явственное, как при *э (e)*. В научной термино-

логии гласный, становящийся у́же, закрытым, называется *напряженным*, так как при произнесении его мускулы языка бывают более напряжены, и расстояние между спинкой языка и нёбом уменшается. В противоположность этому каждый гласный, произносимый при обыкновенном положении, открыто, называется *ненапряженным*.

Еще русские гласные литературного языка могут быть классифицированы, смотря по тому, с какой силой или энергией они произносятся, т.-е. с какой силой выдавливается из легких воздух, и какое сопротивление ему оказывают голосовые связки (струны). На этом основании гласные делятся на ударяемые и безударные. Только при первых звук бывает вполне ясен и определенен, иногда даже несколько протянут; при вторых же получается некоторая неопределенность в звуке, краткость его. Иногда бывает трудно решить, слышим ли мы без ударения *о*, или *ă*, или *ы* (голова́—гăлăва́—гы̆лы̆ва́). Этот неопределенный звук обыкновенно передают посредством ъ, а после мягких согласных посредством ь (ι у Кошутича и Люнделя), обозначая этими знаками крайне редуцированные звуки гълăва́, в'ьсила́).

После всего сказанного систему русских гласных (в литературном произношении) можно представить в следующем виде:

Ударяемые гласные.	Безударные гласные.
и́ (і̨) : ми́л	и (ї) (ь) : пе́сни, пиче́нья̆
έ : мέл'	ε̆, ä } ь: нисо́тε(и), ты́сьчьі̨у; ти́шä!, ко́льм.
ä : мäл	ă, ă° } ъ: выдăва́т', до́мă! стър'ико́м
а́ : да́м	ŏª, ŏ } ъ: гд'ắ-тŏª, здέс' ŏн, бърăда́
о́ : до́м	ў : дуба́ми
у́ : ду́ба	ы̆, ъ : възы̆ва́л, б'ăднъх
ы́ : бы́к	

В этой системе можно бы указать еще несколько оттенков для *а́* и *о́*, когда за ними следуют смягченные согласные; для *и́* (*і́*) открытого и закрытого, и вообще для гласных напряженных, обозначаемых Броком знаком ^; для ы́ при соединении его с шипящими, да и для некоторых других гласных, особенно лабиализованных (ü, ö), но об этом речь при согласных. Гласный *и* (*і*), постепенно сокращаясь, может перейти в і̯ неслоговой, полугласный *й*. Такой неслоговой і̯ мы имеем в слове „вы́йти" при „иду", „мой" (при старосл. мои в древнейшую пору). В таком соединении гласных некоторые ученые (Бётлинг, Грот) видят в русском языке дифтонги (двугласные): *ай*, *ей*, *ой*, *уй*, *ый*, *ий*. Такой і̯ неслоговой может быть и в середине слов между

гласными: маi̯ɛ̯́i̯у (= моёю). О других особенностях гласных звуков и в применении к русскому языку может быть сказано то же, что обыкновенно излагается в соответствующем отделе введения в языковедение. Повторю это в таблице.

По степени подъема языка.	Гласные переднего ряда.		Гласные среднего ряда.	Гласные заднего ряда
гласные верхние	и (i): вид	ü (лаб.i): стараюсь	ы: сын	у: дуб
гласные средние	ɛ: пень й: мел	ö (лаб.e): тётя		о: дом
гласные нижние	'а': зять			а: дар

Переходим к *согласным*.

Физиологическая особенность согласных звуков заключается в том, что для произнесения их нужны своего рода движения в полости рта при участии двух каких либо органов речи; при чем органы произношения или тесно примыкают один к другому, или только значительно сближаются друг с другом. В первом случае по уничтожении препоны, полагаемой струе воздуха, выходящей из легких, уничтожается и самый звук; во втором же случае представляется возможность при произношении тянуть звук, сколько угодно. Звуки первого образования называются мгновенными или взрывными, а второго рода протяжимыми, длительными, фрикативными. Такое деление согласных количественное.

По качеству, т.-е. смотря по тому, какой орган при произношении того или другого согласного принимает большее участие, согласные делятся на язычные и губные. Первые, смотря по тому, к чему приближается та или другая часть языка, делятся на задненёбные, средненёбные и зубные; вторые делятся на собственно губные и зубногубные. При классификации согласных по органам произношения еще следует обратить внимание на то, куда направляется из легких струя воздуха: в полость рта или носа. В последнем случае получаются согласные носовые.

Еще надо принять к сведению, что при образовании одних согласных язык находится в дрожательном состоянии, тогда как при образовании

других он спокойно приближается к той или другой части полости рта. Дрожание языка является условием образования согласных дрожащих.

Наконец, при произнесении одних согласных голосовая щель настолько сужена натянутыми голосовыми связками, что проходящий воздух приводит их в дрожательное состояние; при произнесении других воздуху предоставлен свободный проход, и связки (струны) остаются в покое. Это дает возможность разделить все согласные на звонкие (голосовые) и глухие (безголосные). Первые произносятся голосом, и поэтому их можно выговаривать разными тонами, петь; вторые образуются без участия голоса, и их петь нельзя.

Есть разряд согласных — плавные — по старинной терминологии, при произношении которых только дрожат голосовые связки и появляется только голос, но не бывает шумов, сопровождающих другие согласные. Они называются сонорными, в отличие от других шумных. Все они звонкие и глухими не бывают.

Еще примем во внимание характерную особенность русского консонантизма, что в нем сильно развиты согласные а) твердые, стоящие перед гласными заднего и среднего ряда: *а*, *о*, *у*, *ы*, а также бывшие перед *ъ*, со-временем исчезнувшим из произношения, и б) мягкие. Таковыми стали все согласные, за коими в прарусском первоначально следовали *и*, *ъ*, *е*, *ѣ* и *а* из ę носового (ѧ), т.-е. гласные переднего ряда. Сюда принадлежат и те согласные, которые еще в общеславянскую эпоху стояли перед j.

После всего сказанного систему русского литературного консонантизма можно представить в следующем виде. (См. таблицу на стр. 28).

В эту таблицу согласных не вошли еще *ц* и *ч* — согласные составные, впрочем некоторыми учеными, как Потебней, считаемые за простые звуки. Обе части их так тесно срослись между собою, что они действительно напоминают простые согласные, *ц* = t͡с, а *ч* = t͡ш. Для того, чтобы убедиться в сложности этих согласных, обыкновенно предлагают следующий опыт: начать протягивать их; тогда — говорят — будет произноситься только вторая часть их: t͡ссс..., t͡шшш... Не отрицая сложности указанных звуков, заметим однако, что приведенный опыт недостаточно убедительный, так как первая часть *ц* и *ч* звук *т* мгновенный и, следовательно, не могущий протягиваться. В связной речи можно наблюдать еще два дифтонга: *дз* и *дж*, являющиеся звонкими к *ц* и *ч*; в русской азбуке для них нет особых написаний (в научной графике они передаются посредством з и ž): месяц был = mieśaз był, дочь была =

dož̌ byl̀a. Если дифонгу *ч* предшествует еще *щ* (больше из *с*), то получается согласный трифтонг $\widehat{\text{шт}}\widehat{\text{ш}}$, для которого у нас на письме существует особое написание *щ*, в литературном произношении впрочем

Деление согласных по органам произношения.		Струя воздуха направляется в полость рта (ртовые)						в полость носа (носовые)
		Мгновенные согласные			Протяжимые согласные			
		Качество согласного	Звонкие (голосовые)	Глухие (безголосные)	Проточные		Дрожащие	
					Звонкие	Глухие	Сонорные (плавные)	
Язычные	Заднеёбные	твердые	г:глаз	к:кот	г=h:благо	х:хата	—	—
		мягкие	г̓:гибель	к̓:кисть	г̓=h:боги	х̓:хилый	—	—
	Средненёбные	твердые	—	—	ж:жар	ш:шар	р:радость	—
		мягкие	j:яма	—	ж̓:езжу (=jéж'у)	ш̓:пущу (=пуш'у)	р̓:ряд	—
	Зубные	твердые	д:дар	т:так	з:замок	с:сон	л:лыко	н:наш
		мягкие	д̓:дед	т̓:тень	з:земля	с̓:сяду	л̓:липа	н̓:няня
Губные	Зубногубные	твердые	—	—	в:вол	ф:факел	—	—
		мягкие	—	—	в̓:вёл	ф̓:финик	—	—
	Собственно губные	твердые	б:бык	п:пыль	—	—	—	м:мак
		мягкие	б̓:битва	п̓:пили	—	—	—	м̓:мил

обозначающее обыкновенно звук двойного (или лучше долгого) *ш* мягкого: пуш̄'ý (=пущý). Ему соответствует звонкий двойной (долгий) ж̄:jéж'у (=éжу).

Согласные заднеёбные образуются посредством подъема задней части языка к мягкому нёбу. Обыкновенно их называют гортанными, но этот термин может быть применим только к звуку *h* в языках гер-

манских, означающему лишь придыхание. Наш же звук *г* = *h* [1]) уже будет задненёбным. Впрочем в литературном языке этот звук мало распространен. Он встречается в словах: господь, благо, бог, перешедших из старославянского языка под влиянием южнорусского произношения, что́ и естественно. Центром духовного просвещения некогда был Киев, и его южнорусское произношение считалось образцовым (Бодуэн-де-Куртенэ). Кроме того *г* = *h* слышится в некоторых чисто русских словах (лёгок, мягок) и в группах согласных вторичного образования (после пропуска ъ): когда, тогда, иногда. Становясь мягкими, задненёбные несколько меняют свою артикуляцию, обращаясь в средненёбные, так как нельзя одновременно приподнимать среднюю часть верхней спинки языка к переднему нёбу (мягкие согласные) и приближать или примыкать заднюю часть её к заднему нёбу; при этом звук *г̓* = *h̓* очень приближается к *j*: о бо́ге = а бо́jă (Брандт).

В таблицу вставлен и звук *j*, который слышится в начале некоторых слов: jáма (яма), jе̂jу (ею), jóлка (елка), jу́нъшă (юноша). Подобный же, но не совпадающий с ним звук можно находить и в середине, а также в конце некоторых слов, напр. в роя, моею, поёт, змею, рой, змей, край. Во всех этих случаях слышится не j, а неслоговой i̯—*й*, т.-е. нечто среднее между *j* и *i* (рói̯a, маi̯е̂i̯у, паi̯óт, з̓миi̯у́, роi̯, з̓м̓е̂i̯, краi̯). Это ясно уже из того, что этот йот не переходит, подобно звонким согласным, в соответственный глухой. Такой глухой наблюдается, напр., у немцев, которые при множественном Berge (чит. Bärje) имеют единственное Berg (чит. Bärch — бăрх̓).

Если после всего сказанного обратимся к употребляющейся у нас азбуке, то увидим, что она, прекрасно выполняя свою задачу в обыденном употреблении, для целей научных оказывается во многом недостаточной. Не говоря уже о том, что в ней до последней реформы было много лишних начертаний (е—ѣ—э, и—і, ф—ѳ, ъ—ь), она представляет еще следующие неудобства: а) в ней нет очень обычного начертания для j (а также i̯, только отчасти заменяемого посредством *й*), вместо чего существуют так называемые йотованные гласные (*я*, *е*, ё, *ю*); нет написаний для гласных широких, ненапряженных, и узких-напряженных; нет знаков для гласных неявственных; б) хотя русские согласные бывают твердыми и мягкими, однако в азбуке есть начертания только для твердых согласных, для обозначения же мягких изобретатель кириллицы, переродившейся затем у нас в гражданскую азбуку, придумал йотованные гласные буквы, поставляемые после согласных. Этот

[1]) В научном письме обозначают его также посредством греч. γ.

прием хотя в механическом отношении и очень удобен, но в научном употреблении представляет большие затруднения, напр., хотя бы при разделении слов на членораздельные звуки. Возьмем, напр., написание „няня". Здесь вместо того, чтобы написать ńаńа (или латин. письмом ńаńа) — с *н* мягким и звуком *а* мы пишем *н* твердое и за ним как бы целый слог j*а*=*я*. Лишь на конце слов и вообще в слогах закрытых мягкость согласных обозначается у нас особым знаком ь. В научном письме для последовательности и здесь будем употреблять обычное обозначение ': кoı' (koń) = конь, употребляя знак ь для обозначения неявственного гласного, стоящего после мягкого согласного.

В научном письме имеет большое значение еще обозначение ударения. Мы увидим в последствии, что в зависимости от ударения или безударности гласных происходят среди них те или другие изменения.

Гласные ударяемые.

После всего сказанного приступим к более подробной характеристике звуков литературного языка и легшего на основу его южновеликорусского поднаречия.

Начнем с ударяемых гласных.

Звук *á* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного (орфографич. *я́*) вообще звук широкий, открытый, резко отличающийся от ó. Почти без перемен он остается широким и в слогах закрытых, напр., в словах: рука́ф, дар. Здесь звук заднего ряда, положения на границе среднего. Несколько у́же он перед мягкими согласными: дан' (ср. дан) и особенно среди мягких согласных. Здесь *а* (*я*) может становиться передним, приближаясь к ä (опять = ap̍ét', зять — z'ét'). Брок (12) в этом случае для á устанавливает следующий ряд: а — ȧ — ä, но для привычного русского уха эта сравнительная узость á неуловима. Не оказывает никакого влияния на качество звука *а* ударяемого и его происхождение: из прасл. *а* (дам, ба́н'а), ę ч'ас'т', м'а́са), *ѣ* (рум'а́н старосл. роумѣнъ, баја́ца из * боѣгисѧ).

Звук ó с предыдущею твердостью или мягкостью согласного (орфографическое ѐ) в литературном языке и южновеликор. говорах ближе к *а*, нежели к *у*, т.-е. он тоже открытый, широкий (гн'издó, маjó). Почти таким он остается и в слогах закрытых (ров, паjд'ом), несколько уже он перед мягкими согласными (кóс'т', т'óт'а). Здесь ó, несколько напряженное, слегка подвигается вперед, а в последнем примере — сильное продвижение артикуляции вперед и 'ó' близко к ö. По своему происхождению ó бывает различно, что сказывается и на его

характере. О соответствует праславянскому о (дом) и ъ (сон). В последнем случае, являясь без ударения, *о* обыкновенно бывает беглым (сна), а в подражание ему иногда и основное *о* тоже выпадает, находясь в подобном же положении (рвъ). *О* из ъ появлятся только под ударением и в группах, неудобных для произношения вследствие стечения согласных. По аналогии с последним случаем иногда является просто вставочное *о*, не отражающее прасл. ъ (агóнь старосл. огнь). Звук *о* является, наконец, вместо инославянского *е* (ѥ) в начале некоторых слов (óзьро[a], óс'ьнь = ст.-сл. ѥзеро ѥсень).

Но особенно интересны случаи появления *о* ć предыдущей мягкостью согласного (*ё*) на месте прасл. *е*—ъ: в'óл, шóл, жóны и т. д. Именно, звук *е* (из прасл. *е* и ъ), находясь под ударением, перед твердым согласным, меняет свое *е* в *о* с предыдущей мягкостью согласного что в общепринятой орфографии передается посредством *ё*, а после шипящих и ц и просто *о*: с'óла, л'от, ч'óрствъi, ш'оки (щоки), канцóм. Звук *е* из прасл. ѣ подобному переходу не подвергается, за „исключением" известных слов, которые приводились в дореформенных элементарных грамматиках: „гнѣзда", „звѣзды", „сѣдла", „пріобѣлъ", „цвѣлъ" и т. д. Впрочем не во всех подобных „исключениях" ѣ имело для себя историческое основание: „сѣдло" = ст.-сл. ѣдло, „цвѣлъ" = цвѣлъ. Орфогр. ѣ обязано было в них своим происхождением влиянию форм „сѣсть" и „цвѣтъ". Что касается *ё* в остальных из приведенных слов вм. ожидаемого звука *е* (ă) то, оно развилось здесь на письме по аналогии с такими чередованиями, как с'ило́ (село́) — с'óла, жына́ — жóны; в подражание им к зв'изда́ („звѣзда") явилось зв'óзды, к гн'издó („гнѣздо") — гн'óзда и т. д. Глагол „пріобрѣлъ", очевидно смешан с бр'ис'т'и': бриду́ — бр'ол.

В о́ (*ё*) обращается и конечное ударяемое *е*: маіó, хърашó, кал'цó, кап'jó и т. д. Это явление можно объяснять отчасти тем, что в живой речи нет абсолютного конца слов, так как слова произносятся связно. В каком-либо выражении „маіó кал'цó" *е* также стоит перед твердым согласным; с другой стороны, тут могла оказать влияние и аналогия форм твердого различия: „маjó" как „то".

Из только что указанного закона обращения *е* ударяемого в 'о есть и несколько „исключений", но они, как и отмеченные нами выше, больше кажущиеся и находят для себя то или другое оправдание. Так 1) в *о* не обращается то 'е, стоящее перед твердым согласным, которое хотя и писалось прежде и теперь через *е*, но равно прасл. ѣ: блеск, вред, член, мéлкий, запрéт, опéка, ночлéг, нéкого и т. д. Происхож-

дение здесь *е* из *ѣ* видно из отсутствия только что отмеченного перехода, а также из сравнения с другими славянскими языками, знающими особый звук на месте *ѣ* и особенно со ст.-слав.: блѣскъ, пл. blask, врѣдъ, члѣнъ, мѣлъкъ, пл. miałki, запрѣтъ, малор. опіка, ночліг и т. д. 2) Есть немало слов, в которых и *'е* основное в указанном положении не переходит в *'о* (*ё*); это в тех словах, которые в русский язык зашли из ст.-славянского, не знающего рассматриваемого перехода, напр.: крест, нéбо, клеврéт, судéб, чудéс и т. д. Все подобные слова и свойственны больше литературной речи, но не народной. 3) В некоторых случаях сохранение *'е* вместо ожидаемого *'о* (*ё*) объясняется позднейшим отвердением следующего за ним согласного, особенно стоящего перед старинными суффиксами *-ѣнъ*, *-ѣцъ*, не говоря уже о положении перед *ч*, который в литературном произношении обыкновенно мягок: л'äснъį (ис льстьнъ), ат'äц (из отьць), авéч'ка (из *овьчька) и т. п.

Не касаясь других отступлений в этом отношении, отметим еще „исключения" в другую сторону, также легко объясняемые разными соображениями. Имею в виду появление *о* и перед мягким согласным: т'óт'а, рубл'óв'ик, а кл'óн'и и т. д. Во всех подобных случаях *о* явилось по аналогии слов того же корня, но с твердым согласным после *'о*: т'óтка, рубл'óвъį кл'он.

Звук *ó* иногда, повидимому, появляется на месте ожидаемого *á*. Так в литературной речи в настоящем времени глагол „плати́ть" пишут „пла́тишь", пла́тят" и т. д., а произносят: пло́т'иш, пло́тат и. т. д.; также пишут „запла́чен", „упла́чен", а произносят: запло́ч'ьн, упло́ч'ьн. В областной речи еще можно услышать: падо́риш, пригло́с'иш, посо́б'иш и под. Во всех таких случаях *ó* вызвано аналогией замены *о* безударного посредством *а*: как говорят: ja нашу́ — ты но́сиш, так естественно стали говорить: ja плачу́ — ты пло́тиш. Здесь же следует упомянуть и о переходе другого *а*, с предыдущей мягкостью согласного, равного основному прасл. ę (стсл. ѧ), в *'о*. Так обыкновенно приходится слышать: запр'óк, тр'óс при орфографических „запряг", „тряс" к неопределенному: запр'éч, трис'ти́ (запрячь, трясти). Появление *'о* в этих словах можно объяснить следующим образом: формы с безударным *'а* представляют *и*, каковое обыкновенно возникает на месте *а* безударного, как и на месте *е* (из прасл. *е* и *ь*). Это дало возможность отожествить эти звуки, и под ударением одинаково заменить посредством *'ó*.

Звук *é*, какого-бы происхождения он ни был (из прасл. *е*, *ь*, *ѣ*), в литературном языке и южновеликорусском поднаречии всюду бывает умягчительным, т.-е. смягчает предшествующий ему согласный звук, кроме вторично отвердевших (*ж*, *ш*, *ц*). *Е* твердое в середине слов,

кроме разве некоторых иностранных (поэт), неизвестно. Что касается начала слов, то здесь есть несколько случаев, где слышится *е* тверже обыкновенного (эх, эй, э́кой, э́тот), но и здесь некоторые хотят видеть призвучные неслоговое i (i̯ӓх, i̯ӓ́тът и под.).

Смотря потому, какой согласный следует за *е*, оно, как мы уже говорили, бывает широким или узким. Именно *е* с предыдущим мягким согласным или без него (из *е*, *ь*, *ѣ*, *э*), когда ему приходится стоять перед мягким согласным или j—i (*й*), переходит в *е* узкое, ряд передний, положение среднее, закрыто-напряженное; перед согласными твердыми, а также на конце слов оно имеет широкое или открытое произношение, ненапряженное, ряд тоже передний, положение среднее. К этому ӓ приближается, как мы видели, в некоторых случаях и 'а' (зять, опять). Даже акустически эту особенность можно наблюдать яснее всего в словах одного корня или сходных: ӓгът—э́'ти, шӓст—шɛс'т', б'ӓл—б'ɛл', ужа́—ужэ́'ли. Согласные шипящие сложные (*ч* и *щ*) в первой своей части мягки и поэтому перед ними слышится ɛ: м'ɛ'ч, л'ɛщ, тогда как *ж* и *ш* тверды и всегда расширяют *е* в ӓ (хотя бы за ними в принятой орфографии и писали ь): р'ӓш (режь), р'ӓжу, пл'ӓш (плешь). Отступлений из отмеченного закона нет. Кажущееся исключение представляют вɛ'рх (верх), цɛ'ркъф (церковь), но здесь в произношении слышится *р* мягкий (из прасл. ьŕ: vьŕchъ, cьŕky). Из всего предыдущего можно видеть, что *е* узкое может соответствовать праславянским *е*, *ъ*, *ѣ*, тогда как *ӓ* широкое в большинстве случаев слышится на месте *ѣ*: в том положении, в каком возникает 'ӓ (под ударением перед твердым согласным), *е* из прасл. *е*, *ь* обыкновенно обращается в 'о́ (ё).

Подобно *е*, и звук *и* в литературном языке и южновеликорусском поднаречии является умягчительным, т.-е. делает мягким предшествующий ему согласный звук. В начале слов перед *и* тоже слышится легкий призвук *i*, а в некоторых случаях можно наблюдать произношение и с вполне явственным j. Легкий призвук, напр., в словах: i̯ил, паi̯и́т'; явственный j: j̯им, j̯их, j̯им'и; впрочем некоторые и здесь произносят i: i̯им, i̯их, i̯им'и, хотя по сравнению с литовским здесь приходится предположить j (jis он).

В зависимости от следующего мягкого согласного *и* может быть закрытым, напряженным (i) : б'и́т; в твердом слоге напряженность так сильно не сказывается. Вообще в *i* и *i* различие незначительно, да и не всегда заметно.

В литературном языке и южновеликорусском поднаречии *и* вполне отличается от *ы*, так что разграничение этих звуков не представляет

затруднений. Впрочем можно отметить несколько случаев, где слышатся звуки переходные от *и* к *ы*, при чем одни из них ближе к *и*, другие— ближе к *ы*; в принятой орфографии пишется *и* или *ы*. Так *и*, несколько приближающийся к *ы* (и^{ы}) слышится после предлогов на твердый согласный: с и^{ы}ва́нъм (с Иваном), ъти^{ы}ска̣́т' (отыскать). Такое же и^{ы} после шипящих *ж* и *ш* перед мягкими согласными: жи́^{ы}л'и, ши́^{ы}л'и. Звук очень близкий к *ы*, слышится после тех же согласных перед твердыми согласными, а также после *ц*: жы^{и}р, шы^{и}т, цы́^{и}фра. Конечно, все отмеченные оттенки *и—ы* трудно уловимы и не всегда наблюдаются. Вообще же *ы* (сын) принадлежит к ряду среднему, положения высокого. Можно различать *ы* напряженное и ненапряженное, но без ясного разграничения; есть варианты *ы* и заднего ряда (Брок, 126—128) и даже положения низкого.

Звук *у* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного (*ю*), заменивший прасл. *и* (*у*) и ǫ (старосл. ѫ), бывает напряженно закрытое, особенно в мягких слогах, и ненапряженно открытое, но, повидимому, без категорического разграничения (Брок, 135).

Гласные безударные.

В деле изменения русских гласных большое значение имеет ударение: только ударяемые гласные отличаются явственностью и определенностью; при отсутствии же ударения в одном звуке может совпасть, как мы видели, несколько гласных. Впрочем не все безударные гласные становятся неопределенными: так *и*, *у* безударные мало чем отличаются от ударяемых. Кроме того, неясность безударного звука еще обусловливается местом известного слога по отношению к ударению. Так слоги, непосредственно стоящие перед ударяемыми, а также не непосредственно за ударяемыми, большею частью на конце слова и притом в слогах открытых, более явственны, чем слоги вторые, третьи от ударения к началу, или непосредственно следующие за ударяемыми, напр. гълӑва́, пътӑго́н̄ъі̥, п̆ьр̆иі̥т̆и́, кӑрто́ф̂ьл̆нъі̥ӑ, н̆ькӑγда́ и т. п.

Впервые вполне определенно формулировал степень ясности безударных слогов *Потебня* („О звуковых особенностях“... Фил. Зап. 1865, 62). Он обозначает силу слогов цифрами. „Если тоническую силу ударяемого слога обозначим через 3, то отношение других слогов к ударяемому можно будет изобразить так: 1 · 2 · 3 · 1“.

Такое падение большинства безударных гласных в литературной речи и южновеликорусских говорах произошло от того, что здесь боль-

шинство безударных гласных подверглось редукции качественной и количественной. Качественная редукция состоит в том, что при произнесении гласного язык принимает индиферентное положение, представляющее условное положение покоя или безразличности, при этом и образуются неопределенные гласные („иррациональные"). Количественная редукция гласных выражается в сокращении гласного элемента до полного исчезновения включительно. После твердых согласных, при произнесении которых масса языкового тела более или менее сильно сосредоточивается в задней части полости рта, получается неопределенный гласный заднего ряда (ъ), а после мягких согласных, при произнесении которых язык придвигается к переднему нёбу, получается неопределенный гласный переднего ряда (ъ); лишь по аналогии образований твердого различия и после мягких согласных иногда бывает гласный заднего ряда (ъ). Точнее неопределенный гласный ъ можно обозначить, как близкий к слабому краткому *ы*, как гласный заднего ряда, не напряженный, близкий к артикуляции открытого, низкого *у* и отчасти *о* (Брок, 130). Иногда такой ъ становится даже гласным среднего ряда, средним. Второй неопределенный гласный (ь) близок к открытому *і*, слабому, краткому. Нельзя при этом скрыть, что то или другое произношение качественно и количественно редуцированных гласных много зависит от личности говорящего, от его настроения и т. п. Когда безударные гласные подверглись редукции, то в зависимости от близости к ударению и вообще от окружающих слогов и отчасти от характера соседних согласных могли появляться те или другие заместители безударных гласных, как увидим из нижеследующего изложения.

Самыми неявственными из безударных гласных становятся *о* и *е*; с *о* совпадает безударное *а*, с *е* тоже *а* только с предыдущей мягкостью согласного (*я*). Начнем с неударяемых *а* и *о*. Совпадение звуков *о* и *а* в одном звуке *а* (может быть при посредстве å), а в некоторых слогах в ъ, звуке близком к ы, называется а́каньем. Слог, предшествующий ударяемому, и конечный открытый (особенно не непосредственно стоящий за ударяемым) знают ă°—ă, а слоги удаленные от ударяемого к началу и непосредственно следующие за ударяемыми, а также конечные закрытые — знают на месте безударных *а* — *о* звук ъ̆ — ъ: гълăвá гъвăрý, зъхăтăлъс, върътникй, сърăкóфкă, пърăс'óнъчкă, мáслă (им. и род. п.) и т. д. Из приведенных примеров еще можно видеть, что *а*° — *ă* на месте безударных *а* и *о* в известных слогах слова бывает только после согласных, искони твердых (ни *j*, ни *ц*, ни шипящие сюда

не относятся). Во втором слоге перед ударением к началу бывает *ы* — ъ и после шипящих *ж* и *ш*: шыпăвáл, жындăрмéрьıă.

Утверждая, что каждое *о* безударное переходит в *а* или звук близкий к нему, не следует относить сюда таких случаев, когда в речи вследствие причин логических гласный в известном положении в слове теряет ударение: аналогия большинства случаев употребления таких слов под ударением сохраняет в них гласный *о* и тогда, когда он бывает безударным. Имею в виду такие слова, как: но, вот, чтобы, он, его и т. д.: напр. гд'ӑ́ *о*н был?; н*о* ја н'и знáју; на ј*и*в*о* м'ѣ́с'т'и и т. д. Таким образом в общем можно сказать, что литературная речь и южновеликорусское поднаречие знают безударное *а* (или звук приближающийся к нему), но не знают безударного *о*.

Неударяемый звук *е* также наблюдается в очень редких случаях, обыкновенно же, какого бы происхождения он ни был — из прасл. *е*, *ь*, *ѣ* —, он переходит либо в *и*, либо в звук неопределенный, средний между *и* и *е*, который передаем через ъ. Одинаковую судьбу с ним несет и *а* с предыдущей мягкостью согласного (*я*); сюда же относится и *а*, стоящее после шипящих и *ц*, бывших первоначально мягкими. Именно после мягкого согласного и перед твердым безударное *а* (*я*), перейдя, вероятно, сначала в *е*, далее обращается в *и*: к мáгък жен. р. михкá, к час мн. ч. чиысы́, іизы́к (язык), жырá (жарá), шылу́н. Таким образом всякое *е* безударное в слогах, предшествующих ударяемым, обыкновенно звучит как *и*: пиро́, визу́, јиснéт, жиылéт' и т. д.: в слогах более удаленных от ударяемых к началу слышится более неявственный звук -ъ; в произношении некоторых лиц и он приближается к *и*: зълинá, пърирáжьм, јьрăвóі, пьтăчóк, чьсăвóі и т. д. Таково обыкновенное литературное произношение. Лица слишком привыкшие к орфографии, под влиянием последней, могут произносить в слогах, предшествующих ударяемым, перед твердым согласным звук е — ӓ (н̆ӓсу́. Богородицкий. Курс грам.[4], 73). Кошутич от младшего московского поколения, следовавшего орфографии, тоже записал подобные слова со слишком кратким ε: рεб'óнък, в'εд'и́, пεту́х, рε бóі, трεсти́ (Грам.[2], 34 — 36). Со-временем увидим, что в некоторых южновеликорусских говорах наблюдается иное. В слогах, следующих за ударяемыми, на месте *е* обыкновенно бывает *и* (в слогах открытых — формах дательно-местного падежей и во 2-м л. мн. ч. изъявительного и повелит. наклонений): в гóръди, б'ири́ти; в других же случаях (имент.-винит. п. ед. ч. сред. р.) по аналогии твердого различия слышится

ă или даже *a*: пóл'ă — пóл'ă. В слогах закрытых на конце слов — обыкновенно звук неявственный ъ: нирáдъстьн, с мóрьм. И здесь в народных говорах иногда попадаются отступления [1]).

Еще сделаем одно замечание. Как имели одинаковую судьбу *a* и *o* безударные с предшествующим им твердым согласным, так должны бы одинаково изменяться и *a—o* безударные с предшествующей мягкостью согласного, т.-е. *'a (я)* и *'o (ё)* должны бы перейти в *и* и ъ. Первый из них, действительно, и переходит в эти звуки (п'ит'и́, п'ьтач'óк). Что же касается *'o (ё)*, то оно в русском языке является только под ударением, безударного же *'o (ё)* в литературной речи нет. Мы имеем лишь несколько иностранных слов, где сочетание *jo* встречается и вне ударения. Так, в непринужденном произношении вместо Иордан, Иоанн мы услышим Іирдáн, Іиáн.

Неударяемые *и, ы, у* мало чем отличаются от ударяемых: они только короче ударяемых, да *и* и *ы* могут иногда (в произношении отдельных лиц) переходить (в 3-м слоге от ударяемого к началу и непосредственно за ударяемым в закрытом слоге) в ъ и ъ: в'ъна слáткъвă, бýд'ьт (= будет и будит), бътăвóі, крáснъми и т. п. Гласный *и* безударный иногда (отчасти под влиянием фонетических причин — о чем в истории языка — и действия аналогии сходных образований) теряет свой слоговой характер: н'іід'ý, н'іім'óт, знаі, д'áл'ід'ти и т. п. Иногда безударное *и* и совершенно теряется, напр., в словах: стан' — стан'ти (ср. ст.-слав. стани — станѣте), хотя здесь можно видеть и особое морфологическое явление. Что касается потери других безударных гласных вследствие количественной редукции, то она вообще наблюдается довольно редко: їйспăдвъл', жáврънък, сýтълкă, тышóнкă (= тысячонка), гърдавóі; такова же команда — пл̀и (пали). За редукцией гласного иногда следует и пропуск согласных, особенно в отчествах: Іиванъв'ич' — Іивáныч' и даже Іиван̀ч' с *н* слоговым.

Краткий обзор гласных закончим указанием одного старинного изменения, но имеющего особенное значение при разделении русского языка на наречия и теперь, это — напомним заместителей старинных

---

[1]) Обстоятельно разбираемый вопрос рассмотрен у Потебни (в названном раньше сочинении), у Богородицкого: „Введение в изучение русского вокализма“ (РФВ, VII) и „Гласные безударные в общерусском языке“ (Казань. 1884), „Общий курс русск. гр.“ [4] (1913. Каз.); у Брандта: „Лекции“, 32 — 36; у Шахматова. „Русское и словенское аканье“ (РФВ. XLIX), а также в „Очерке древн. периода русск. яз.“ (Э. С. Ф.), у Рад. Кошутича: Грам. русск. jез. [2], 29 — 40, у Люнделя: „Lärobok i ryska Språket“ и у др.

слогов ъи — ии, ъи — ьи с *ы* и *и*, возникшими на месте гласных ъ и ь, стоявших перед j (ɪ̯). Именно, в великорусских говорах (окающих и акающих) и литературном языке на месте ожидаемых *-ый*, *-ий* имеем *-ой* и *-ей* под ударением и ъɪ̯ — ыɪ̯ без ударения. Слог *-ой* (ъɪ̯) обыкновенно встречается: а) в именительном падеже полных прилагательных: зло́й (ст.-сл. зълъи — зълъіи); без ударения на окончании в принятой орфографии пишется *ы* однако слышится звук, близкий к *о*, т.-е. ъ (до́бръɪ̯): ср. рифму у Пушкина: язы́к... лука́вый | десни́цею крова́вой. б) *Ой* находим еще у нескольких глаголов в настоящем времени и повелительном наклонении: крою — кро́ɪ̯у (ст.-сл. кръіѭ), ною — но́ɪ̯у (ст.-сл. нъіѭ), мою — мо́ɪ̯у (ст.-сл. мъіѭ), крой (ст.-сл. кръіи) и т. д.

Слог *-ей* встречается: а) в окончаниях имен прилагательных полных: сам-трете́й; при безударном окончании здесь слышится звук неопределенный: си́ний — с'ин'ъɪ̯; б) в глагольных формах: брею — бр'ɛ́ɪ̯у, брей — бр'ɛɪ̯, пей — п'ɛɪ̯, лей — л'ɛɪ̯, ве́йте — в'ɛ́ɪ̯т'и и т. д., а также в производных от них существительных: брадобре́й. Встречающееся в окончаниях некоторых существительных в именит. п. ед. ч. и род. п. мн. ч. *-ей*, напр., в словах: соловей, воробей, гусей и под., развило свое -ей из *-ьи* еще в общерусскую эпоху, не без аналогии других форм с *е*, так как здесь *-ей* во всех наречиях русского языка, хотя по ст.-слав. и в таких случаях ьи — ии: славии (соловей), гѫсии (гусей).

Согласные звуки.

Мы уже знакомы с общей характеристикой согласных; теперь рассмотрим те чередования, которые происходят в их области. Если рассматривать условия, в зависимости от которых происходят изменения в области согласных, то окажется, что они могут быть сведены к следующим трем разрядам: изменения согласных вызываются или сочетаниями с следующими гласными через присвоение согласному надставной трубы гласного; или известным положением в слове: в середине его или на конце, в изглашении; или, наконец, сочетанием с другими согласными. Все указанные причины изменения согласных имеют в виду легкость и удобство произношения.

Мы уже видели, какое влияние оказывают следующие согласные мягкие на предшествующие им гласные. Подобное же влияние оказывают, с своей стороны, и гласные на предшествующие им согласные, причем однако сказанное относится только к тем гласным, которые имеют надставную трубу узкую, т.-е. к звукам *и* (*і*) и *е* (и их видоизменениям). Если согласным приходится стоять перед ними, то (как мы уже гово-

рили) в литературном языке и южновеликорусском поднаречии всегда происходит переход их в мягкие: они палатализуются: дом—до́ми, ни́су—не́сьи и т. д. В теперешней речи согласные становятся мягкими не только перед *и* (*i*) и *е*, но также и перед *о*, *а*. Однако это отступление только кажущееся, так как подобные умягчающие *о* и *а* происхождения вторичного: из *е* (*ѣ*) и *ę* (*ѧ*). Так если мы имеем но́с, во́с, ло́т, ма́са, па́т', гра́с, то это вторичные образования: им в старославянском языке соответствовали нєсли, кєзли, лєдь, мѧсо, пѧть, грѧзь. Значит, здесь по общему правилу умягчение согласных произошло перед *е*, в добавок еще в то время, когда эти звуки не изменились а *о* и *а*. Конечно, можно предположить, что мягкость согласных (особенно перед *е*) тогда не была так сильна, как в теперешнем русском языке, однако она уже шла по пути к теперешнему состоянию. Есть случаи и иного происхождения мягких согласных: это тогда, когда они получились из слития согласных с *j* из *i* (рассматриваемое явление, конечно, произошло еще на почве праславянского, а не русского языка), напр.. въсхва́ля́т' (при хваля́т'), прим'ира́т' (при м'ира́т'). Иногда мягкость согласного должна быть приписана исчезновению умягчительного гласного: пу́т' (стар.-сл. пѫть), ки́н' (*кѫіни).

Другая причина, вызывающая изменения в области русских согласных, это место, занимаемое известным согласным в слове. Тут тоже замечается некоторая аналогия с гласными: как гласные отличаются полной ясностью только под ударением, так и согласные вполне отчетливо произносятся только тогда, когда они стоят перед гласными. В древнейшую пору языка большинству согласных всегда приходилось стоять только перед гласными, причем они или непосредственно примыкали к гласному или же вместе с другим каким-либо однородным согласным. В теперешнем русском языке после потери в конце слов ъ и ь, как звуков гласных, появилось во многих словах согласное окончание. Оказавшись без поддержки гласных, согласные начали слабеть, теряя свою энергию и ясность. Особенно сильно сказывается это ослабление согласных в области звонких: они в абсолютном изглашении всегда переходят в глухие: рог—рок, раб—рап, дождь—дош, клад—клат, бог—бох, воз—вос и т. д.

Такое изменение тона звонких в конце слов объясняется тем, что дрожание голосовых связок обыкновенно прекращается вместе с произношением гласного звука; при согласном же они получают в таком случае индеферентное положение. Однако не все звонкие переходят в глухие, сонорные *р*, *л*, *н*, *м* и на конце слов остаются без перемены: они только значительно слабеют. Это происходит от того, что по сво-

ему звуку эти согласные приближаются к гласным и произносятся вообще энергичнее всех других звонких согласных, они и не имеют соответствующих глухих. Впрочем названные согласные, если им приходится стоять в конце слова после согласных же, в некоторых случаях совершенно исчезают. Так, хотя и пишется—рубль, кремль, корабль, журавль и т. д., однако произносится—руп̑, кр̑ем̑, жура́ф̑, кара́п̑, или даже—руп, кр̑ӓм, жура́ф, кара́п. Впрочем некоторые произносят это окончание и явственнно. Даже принятая орфография допускает отпадение *л* в мужск. роде форм глагола на *-л* после *б*, *п*: пӑг̑ип—пӑг̑ибла, ӑкр̑ӓп—акр̑ӓпла; после *х*, *к*: мок—магла́, п̑ок—п̑икла́; после *з* и *с*: в̑ос—в̑изла́, н̑ос—н̑исла́; после *ж*: агло́х—агло́хла; после *р*: у́м̑ьр—ум̑ирла́. Также довольно неявственно произносится на конце слов *н*, напр., в словах—жизнь, рознь и под. Просторечие даже образовало от первого слова новое жиᵘст по образцу страсть, так как без суффикса слово казалось не достаточно полным. Также и *м* на конце слов ослабевает, и народ произносит иностранное слово „жандарм“ как „жанда́р“, хотя не без влияния, вероятно, слова „дар“. Что касается *р*, то резкость его звука даже после согласных спасает его от полной потери: но в то же время трудность произношения группы из согласного + *р* была причиной появления в ней частичного гласного: вет*е*р, сестёр (ст.-слав. вѣтръ сестръ), живая речь однако допускает иногда и отпадение р: П’от П’итро́в̑ич (Петр Петрович).

Мы рассмотрели случаи абсолютного изглашения, не в связной речи, больше перед паузой. Но, кроме него, есть еще изглашение в связной речи; тут уже действует другой закон: в случае отсутствия паузы после данного слова, конечный согласный уподобляется последующему: а*д* бра́та, пъ*т* табо́і̯ (= пътабо́і̯), і̯ис кн’ик и т. д. Как видно из примеров, сказанное особенно относится к предлогам. Оно и естественно: предлоги с зависящим от них именем составляют одно синтактическое целое. В ст.-слав. языке предлоги часто даже не имели после себя ъ: не тебе и т. п. Перед гласными звонкий согласный окончания остается без перемены: пъд акно́м, і̯из о́кън.

Переходим к сочетанию согласных между собою. Согласным сочетаниям свойственна однородность, т. е. звонкие сочетаются с звонкими, твердые с твердыми и т. д. Это зависит от условий чисто физиологических: произнося целое слово, мы имеем в виду не отдельные звуки, а целую группу их, и поэтому свои органы настраиваем таким образом, как это бывает необходимо для произнесения последующих звуков, и поэтому непроизвольно уподобляем предыдущий звук последующему

(ассимиляция регрессивная); бывают случаи (как увидим после в народной речи) и обратного уподобления (прогрессивной ассимиляции). Закон ассимиляции звуков старинный, но он неизменно действует в произношении до сих пор. От ст.-сл. везѫ неопределенное в старину было вести; в таком виде в произношении оно и теперь, хотя придерживаясь этимологии пишут „везти"; также в ст.-сл. от лѣзѫ непределенное было лѣсти; так оно в русском произносится с звуком *с* и теперь, хотя и пишется „лезть". Значит, на современную орфографию оказала влияние аналогия других форм со звуком *з*.

Вследствие закона однородности звуков звонкие перед глухими всегда переходят в глухие. Так от „мазать" мы имеем „мастика", от „лезу" — „лестница", от „отверзать" — „отверстие". В этих словах указанный переход звуков отражается и на письме; но чаще мы пишем иначе, нежели произносим, напр., „шубка", „лавка", „ножка", „салазки" произносятся: шу́пка, ла́фка, но́шка, сала́ск’и. Особенно заметен этот переход звонких в глухие перед глухими в конце предлогов-приставок *раз-*, *воз-*, *вз-*, *из-*, *низ-*, *без-*, *через-*, *чрез-*: ръсхӑди́ца, въсп’ита́т, јист’ика́т’, н’ьспӑда́т, б’испе́ч’нъј, чир’ьспӑло́снъј. „Черес"-(ст.-сл. чрѣс) с *с* по происхождению древнее „через".

С другой стороны, и глухие перед звонкими переходят в звонкие; свацьба (ст.-сл. сватьба), где (ст.-сл. къде, др.-р. кдѣ), здоровый (ст.-сл. съдравъ), здесь (ст.-сл. сьде), везде (ст.-сл. вьсьде). В приня́той орфографии это явление редко обозначается, но зато в произношении от старины живет до сих пор: про́з’бӑ, зд’ӑлът, та́гжы и т. д. Иногда измененный согласный допускается даже перед гласным, как в словах: свадебный, свадебка. Говоря о переходе глухих в звонкие перед звонкими, нужно заметить, что этого перехода не бывает перед *в*, а также перед *р*, *л*, *н*, *м*, которых мы уже касались, когда говорили о согласном взглашении: с’в’ӑт, т’в’о́рдъј, хвост, кр’ик, к’и́слъј, ја́снъј, вӑс’мо́ј. В своем месте про сонорные было сказано, что они близки к гласным; здесь припомним, что *в* из ų (ў) неслогового.

Вследствие однородности звуков в русском языке, где различаются согласные твердые и мягкие, происходит еще переход мягких согласных перед твердыми в твердые и твердых перед мягкими в мягкие, если этому не препятствуют условия образования тех или других согласных. Особенно обычен этот переход перед зубными согласными. Напр.: потный (ст.-сл. потьнъіи), вздорный (ст.-сл. *въздорьнъіи), зверский (ст.-сл. звѣрьскъіи) и т. д.; при „ветка" с *т* твердым имеем „ветвистый" с *т* мягким (в’ӑткӑ — в’ит’в’и́стъј), при сон — с’н’ӑ. Указанный переход раз-

вился исключительно на русской почве, как можно было видеть, вследствие потери ъ в суффиксах -ънъ, -ъскъ. Старинная мягкость сохранилась только при звуке л (дельный, стольный), который не мог замениться твердым л, особенно резко отличающимся от него по звуку и несколько отличным по образованию. Л сохранил свою мягкость и перед всеми, другими суффиксами, начинавшимися с ъ: бельмо, Ольга и т. д. Вообще же следует заметить, что перед задненёбными и губными мягкость предыдущих согласных сохраняется: борьба, письмо, нянька. Это объясняется сравнительно большим расстоянием между местом образования мягких согласных, с одной стороны, и губных, а также задненебных с другой.

Что касается перехода твердых согласных в мягкие, то как мы об этом уже говорили прежде, подобный переход обусловливается соединением согласных твердых с гласными переднего ряда, при чем стоящие перед ними согласные тоже палатализуются. Однако здесь нередко замечаются и отступления, как: *с* кäм, гн'и, го́рк'ъ, са́нки, па́лк'и, объясняемые аналогией других форм этих слов, при том преобладающих, с твердыми согласными, а также и тем, что *г* и *к* мягкие (средненёбные) в русском языке вторичного и притом довольно позднего происхождения: первоначально они были тверды (задненёбные).

Вследствие однородности же звуков невозможно сочетание шипящих с свистящими; поэтому шипящие согласные перед свистящими переходят в свистящие; а свистящие перед шипящими в шипящие, причем звонкие перед глухими переходят в глухие и наоборот: хва́лиса̄, нис'о́са̄ ва̄ше́ст'ви̯а̄, б'иж́а́лъснъi̯ и т. д. Звуки двойной шипящий и свистящий, как можно видеть из примеров, произносятся слитно, как один долгий звук. Долгий шипящий, образовавшийся от соединения с предлогом, бывает тверд, тогда как развившийся из согласных корня или основы бывает мягок (ви̯ж'у́ — ви̯ж̄ж̄ю́, во́ж̄'и). Это явление во всей своей силе было заметно и в старинном языке, напр., в ст.-сл. находим бештиꙗльнꙑхъ (из * бешчиꙗльнꙑхъ), ишьдъ (из ишшьдъ), др.-русск. ищѣхъ (из ис чехъ из Чехии). Только в старинном языке, как это замечается и теперь, за уподоблением звуков происходили разные упрощения получившихся таким путем согласных групп: вечиꙗльнꙑхъ, расхіпа, ищѣлити и т. д. Даже в теперешнем нашем правописании допускаются случаи упрощения получившихся таким путем групп: мы имеем русск. молодецкий (из * молдьчьскый), грецкий (из * грьчьскый, ст.-сл. грьчьскꙑ); так же образовано и народное купецкий вм. литературного купеческий. Обыкновенно же на письме допускаются слова с неизмененными ши-

пящими и свистящими: волошский, мужской вм. вълоскъі, мускоі и т. п.

Во всех приведенных выше случаях замечалось уподобление предыдущего согласного последующему (регрессивное), но хотя и реже встречаются случаи и обратного уподобления — последующего согласного предыдущему (прогрессивное). Впрочем это уподобление в литературной речи имеет место только при окончании глаголов *ся* с предыдущим согласным: старáлса, нис'óца баíйса и т. д. Для объяснения подобных форм, кажется, следуют исходить от 3 л. ед. ч., где встречается *тс*, которое дает *ц*, бывающее в русском языке вообще твердым; дальше следует неопределенное и наконец остальные формы с *-ся*.

Не все согласные группы, даже и подходящие под перечисленные выше законы, терпимы в языке: есть не мало таких созвучий, которые в неизмененном виде существовать не могут. В них происходит приспособление одного из согласных к другому через увеличение их звукообразовательного различия; при этом предшествующий согласный по способу произношения переходит в другую категорию, становясь большею частью слабее второго согласного. Вследствие этого происходит 1) изменение групп с задненёбными — *кт* (из др.-русск. къът) в *хт*: хто (кто), дóхта (дёгтя), кóхта (когтя); *гд* (из др.-русск. гъд) в *γд*: каγдá, таγдá; *кк* (из др.-русск. кък) в *хк*: мáхкъі (ст.-сл. макъкыи), х камý (к кому); также *гк* (из др.-русск. гък), первоначально перейдя в *кк*, изменяется в *хк*: лóхкъі (ст.-слав. лыгкыи); *кг* (из др.-р. къг), первоначально перейдя в *гг*, изменяется в *γг*: *γ* гарáй (к горе); группа *кч*, равная собственно ктш, и изменяется как *кт*, т.-е. в *хч* (хтш): мáхчä, смихчéн'ьіä. 2) Группа из *чт* в начале слов (на месте др.-р. чьт) изменяется в *шт*, т.-е. теряет первое т (т. к. чт = тшт): што (ст.-сл. чьто); но в некоторых случаях это созвучие удерживается: чтец, мечта и под. Народ старается однако, провести его везде и поэтому произносит: паштéнja, паштéнъі. Созвучие *чн* (из др.-р. чьн) обыкновенно упрощается (с пропуском т) в *шн*: малóшнъі (молочный), слúвъшник (слúвочник), калáшнъі (калачный), бýлъшнъіа (булочная), лáвъшник, лóдъшник, іийшньца, (яичница), грäшньвъі и т. д. Так же изменяется и *щн* (из др.-р. щьн): ъвäшнóі (овощной), памóшньк, нäмъшнъі; от тоска наречие „тошно“ признается даже принятая орфография. Однако встречается не мало слов, где созвучие *чн* остается без перемены: мрачный, дачный, удачный, вечный, млечный, ночной, речной, облачный, брачный, отличный, начну и под.

Одни из подобных слов можно объяснить книжным влиянием, но для других такого оправдания нет. Народная речь, впрочем, больше, нежели литературная, дает случаев перехода *чн* в *шн*: сирдáшнъі, іистóшньк, запáшнъі, вáшнъі.

Еще сделаем замечание относительно написания *щ*, тоже представляющего из себя группу согласных: в литературном и южновеликорусском произношении оно равно долгому мягкому *ш* (‿шш): шýка, шáдить вм. щука, щадить.

Опять-таки иному изменению подвергаются согласные, если они совершенно одинаковы. Согласные группы подобного рода получаются 1) в том случае, если приходится предлогу оканчиваться таким звуком, с какого начинается следующее слово, при чем звонкие и глухие уподобляются друг другу, напр.: б'ъзабóтнъі (беззаботный), пóдънъі (поданный), адáть (отдать), път'инýть (подтянуть), вастáть (восстать) и т. д. 2) Удвоенный согласный находим при соединении коренных звуков с подобными же в суффиксах: рýскъі (русский), кóнъі (конный), ад'инъцъть (одиннадцать). 3) Иногда удвоение получается и в корне: жот (жжет), жóнъі, жéньă (жжение). Особенно оно заметно в иностранных словах: кáса, в'ила (вилла), грýпа, ал'éіа и т. д.

Во всех перечисленных случаях удвоение бывает только на письме; на деле же слышится только усиленное произношение звука, как бы долгий согласный, но не удвоенный. В некоторых случаях произношение даже допускает совершенно простой согласный, но не протянутый, особенно перед ударяемыми слóгами; можно слышать ътистáт (аттестат), и рускъі, Расíіа, алéіа, праф'ăсър, камúсьіа, клáсы, мьтăлúчьскъі и т. д. С другой стороны, иногда бывает удвоение в произношении, но его нет на письме: ръзар'úть, ръсăмáхă, трýжьн'ьк (труженик), мáсльн'ьцă, гăстúньцă, сирăбрьнъі, кóжънъі.

Удобство сочетания согласных иногда достигается через устранение в группе согласных одного из них. В этом отношении особенно замечательны группы: а) *стн* и *здн* (из др.-русск. -стьн- и -здьн-); в них устраняется *т* и *д*: грýснъі, намéснык, лéснъца, пáкъснъі; прáзнъі, пóзна, уéзнъі; 2) *стл* (из др.-р. -стьл-), *стк* (из др.-р. -стък-), *здк* (из др.-р. -здък-): jéслн (из естьли), ш'ислúвъі (счастливый), паслáть (постлать), нивăска (невестка), пав'ăска, грамóскъі (громоздкий), паіăска (поездка), и т. д.; 3) *стд* (из др.-р. -стьд-), *стс* (из др.-р.-стьс-): шьзд'исáт, шьсóт.

Во всех рассмотренных нами случаях изменения согласных групп, состоящего либо в ослаблении одного из звуков, либо в пропуске его, мы имеем дело с явлениями вторичными: перечисленные группы получились большею частью вследствие пропуска ъ и ь, происшедшего в них на почве др.-русского языка. Есть случаи разных изменений согласных, отражающих законы праславянские и прарусские; об них речь может быть только в истории языка. Здесь отметим лишь те случаи, где можно видеть позднейшие отступления; это а) во вставке звуков. Именно неудобное стечение согласных в старинном языке устранялось иногда вставкой звуков *д* и *т* между *зр* и *ср*. В теперешнем литературном языке удержалось только *т* между *ср* в словах: встречать, встреча, встречный, пестрый, остров, стража. В народном произношении еще находим его в словах: страм, стражение, струб и некоторых других. Те же согласные в произношении иногда вставляются и в других группах: притчина, протчий, порутчик, ндрав.

От старины б) русский язык унаследовал и приставку звуков в начале слов перед гласными. Особенно часто в этой роли является *в*. В старину *в* постоянно приставлялось перед ъ и ы, если с этих гласных должно было начинаться слово (ср. ст.-сл. вꙑпити при вꙁ-ꙑпити, р. вымя при — οὖθαρ, uber; иногда перед другими гласными: вонь при ст.-сл. ѫхати, вот др.-р. ото). В теперешнем литературном языке приставку *в*, кроме указанных древних образований, находим еще в „вóтчим“, „вóсемь“ (но и отчим, осьми, осьмой); в народном языке есть еще и другие случаи: вóспа, вóстрый и т. д.

Образец фонетической передачи современной речи (приблизительно).

Пр̕ишлá вáжнъіӑ мыш ыз гóръдӑ к прастóі мы́шы. Прастáіӑ мы́жылá ф пóл'и и далá сваіе̂і гос'т'јѝ, што бы́ла: гарóха и пшы̏н'и́цы. Вáжнъіӑ мыш пагры́злӑ и сказáла: ъ̄тавó ты́ и худá, штъ жы̏т'јó тваіó б'ӑ́днъіа, пр̕ъхад'и́ ка мн̕ӑ́, пъсматр̕и, кáк мы жы̏в'óм. Вот пр̕ишлá прастáіӑ мыш в гóс'т'и. Дъждал'и́с пóт пълъм нóч'и. Л'у́д'и паіе̂л'и и ушл'и́. Вáжнъіа мыш в̄'илá иш'е̂л'и сваіу́ гóс'т'ју в гóрн'ъцу и óб'и вл'е̂з'л'и на стóл. Прастáіӑ мыш н'ъкаүдá н'ъ в'идáлӑ такóі іиды́ и н'и знáлӑ, за штó вз'ӑ́цӑ. Анá сказáлӑ: тваіá прáвдӑ, нáшъ жы̏т'јó плахóіӑ, ја п'ър'иіду́ тáгжъ в гóръд жы̏т'. Тóл'къ анá сказáлъ ӑ̄тӑ, затр'óс̄ӑ стóл, и в д'в'е̂р'и вашóл ч'ълав'ӑ́к са с'в'е̂ч'къі и стáл лави́т' мыше̂і. Нас'и́лу ан'и́ ушл'и́ ф ш̄'ӑлку (ш̄'óлку). Н'ӑд, гъвар'и́т пъл'иваíӑ мыш, маіó жы̏т'јó ф пóл'и лу́ч'и. Хот у м'ин'á слáткъі іиды́ и н'ӑ́т, дъ за тó јъ и стрáхӑ такóвӑ н'и знáіу.

Этот рассказ Л. Н. Толстого фонетически передан латиницей у *Люнделя*, Lärobok, 24—25, русским письмом у *Д. Н. Ушакова*: Краткое введение в науку о языке², 45. Довольно точно целый ряд рассказов и стихотворений фонетически напечатан у *Р. Кошутича*: Грамматика², 238—253. Очень точно фонетически напечатан рассказ Чехова „Дачники“ в Хрестоматии *Дурново* и *Ушакова* 200—204.

Морфологические явления.

Так как склонения и спряжения литературного языка вообще довольно обстоятельно излагаются в элементарных учебниках, то здесь отметим лишь те особенности, которые под влиянием принятой орфографии не всегда освещаются правильно. Большинство морфологических особенностей литературного языка и южновеликорусского наречия в общем объясняется изложенными раньше *фонетическими* причинами. Так, напр., в склонениях окончания именительного и винительного падежей исчезли у слов муж. рода вследствие общерусской утраты -ъ и -ь (из основн. -os, -us и -on, -un), происшедшей в начале исторической жизни языка. Фонетическим путем объясняется -*м* твердое в творительном падеже вм. -*мь*, и звуковые сочетания *ги*, *ки*, *хи* (боги, пороки, грехи) вм. старых *гы*, *кы*, *хы*, и *у* в окончаниях женского р. вм. ǫ (ж) (руку, рукою) и под.

Другие отличия современного языка от старого объясняются психич. причинами—главным образом действием *аналогии*. Так, напр., в старину задненёбные перед *е*, *ѣ* и *и* (из осн. оj) в формах склонений и спряжений подвергались переходному смягчению в шипящие и свистящие (ст.-сл. боже, чловѣче, доуше, бози, кѣци, доуси, мозѣмъ, рьцѣте), но в настоящее время смягчения в свистящие совершенно нет (о боге, человеке, духе). Причиной этого является большинство форм подобных слов с согласными несмягченными; да и в шипящие это смягчение, напр., у глаголов не всегда происходит там, где было в старину (бегу, ляг, пеките, могите). Действием аналогии твердое различие привило свое *е* (=*ѣ*) и мягкому различию (земле, на коне при ст.-слав. земли, кони). В подражение *ы* твердого различия вытеснено отражение древнерусского *ѣ* в таких формах, как род. п. земли, души, вин. п. мн. ч. корабли при др.-р. землѣ, душѣ, кораблѣ и т. п. Стремлением к единообразию форм, по аналогии окончаний слов женского рода на -*а*, во множ. числе всюду распространились окончания: -*ам*, -*ами*, -*ах* вм.

-омъ, -ы, -ѣхъ и даже *-ъмь, -ми, -ъхъ* и под. (столам, столами, столах, домами, домах, путям, путями, путях и т. п.).

Некоторые изменения в морфологии произошли и вследствие причин *синтактических* и *семасиологических* — перемен значения одних форм и, так сказать, выветривания других. Сюда принадлежит, напр., исчезновение аориста и имперфекта в русском языке, приблизившихся по значению к прошедшему совершенному времени от глаголов с разными видовыми приметами; забыто первоначальное значение „бы“ (чтобы), „ся“ (мается), „иму“ в малорусском и отчасти белорусском (нести́му) и т. п.

Что касается *числа падежей* в литературном языке и южновеликорусском наречии, то оно стало меньше, нежели было в основном славянском и даже старославянском и др.-русском языках. Некоторые падежи подверглись смешению и вследствие этого совпали в одной общей форме, как звательный и именительный, родительный и винительный и некоторые др.

Прежде всего отметим потерю звательной формы. Отлагая указание причин этой потери на историю языка, здесь только отметим что незначительные следы ее, как заимствование из старославянского языка, или, быть может, как сохранение под влиянием его, представляют формы, в роде: господи!, боже!, Иисусе Христе!, да иногда у писателей — отче, старче, друже!

Смешение именительного и винительного падежей особенно сказывается во множественном числе слов неодушевленных, где теперь одна форма для указанных падежей: столы, пути, земли, добрые, те вместо старинных др.-русских: столи, путие, землѣ, добрии, ти и т. д. для имен. и столы, пути, землѣ, добрыѣ, ты для вин. падежа.

Винительный падеж в известных случаях заменяется родительным. Эта замена развилась под влиянием аналогии и причин вообще чисто психических. Дело в том, что во всех языках употребляется так называемый genitivus partitivus (род. части) после глаголов, требующих дополнения в винительном падеже: поесть хлеба, выпить вина и т. п. Он замечается и в языках славянских и при том не только в тех случаях, когда имеется в виду часть предмета или временное пользованье, но и вообще при дополнениях. Особенно часто подобное употребление распространяется на предметы одушевленные, а также на случаи зависимости дополнения от глагола, соединенного с отрицанием. Именно, относительно употребления форм родительного вместо винительного в литературной речи установились следующие правила: 1) после глаголов с отрицанием; 2) только от слов мужеского рода, означающих предметы одушевленные, при том не только в единственном числе, но и

во множественном: человека, волка, волов... и даже слов женского рода, но только во множ. числе: жен, рыб...; 3) в единственном числе и некоторые местоимения женского рода употребляют форму родительного падежа вместо винительного: её, самоё. Происхождение окончания их выясняется в истории языка. По образцу предметов одушевленных и некоторые неодушевленные принимают в винительном окончание родительного: идола, болвана, чурбана, туза, козыря, трепака, боровика, числителя, знаменателя и т п. Причиной употребления форм, подобных последним, является, с одной стороны, их переносное значение, заимствованное от признаков предметов одушевленных, а с другой — присутствие в некоторых из них суффиксов, свойственных названиям предметов одушевленных, как *-ик*, *-тель*. Наоборот, сохранилось от старины несколько случаев, когда и названия предметов одушевленных для винительного падежа пользуются формой, сходной с именительным. Таково, напр., наречное выражение „итти замуж“, или же слова, означающие производство, чин, перемену состояния: „итти в гости“, „отдать в солдаты“, „поступить в студенты“.

Чисел в славянских языках было три: единственное, двойственное, и множественное. В теперешнем литературном языке, вследствие того, что множественное число стало обозначать и совокупность парных предметов, двойственное число исчезло: от него сохранились лишь незначительные обломки, это: а) формы именительно-винительного на *-а* после „два“, а в подражание ему и после „три“ — „четыре“: два раза́, два ряда́, два шага́, 2 человека, 3 стола, 4 друга. Впрочем происхождение этой формы народ забыл и поэтому смешал её с родительным п. ед. ч., который она напоминает по своему окончанию, не всегда совпадая с нею по ударению. Следствием указанного обстоятельства было то, что, у слов женского и среднего рода, двойственное число которых не было сходно с родительным и по окончанию, после указанных числительных стали употреблять исключительно форму родительного падежа единственного числа; две руки́, три села́, четы́ре че́люсти и т. д.; б) живой остаток двойственного числа это формы двести, две, обе, хотя последние слова уже только женского рода, а для среднего употребляется форма мужск. р. на *а*; в) сюда же относятся такие формы двойственного, как очи, уши, колени, плечи. Но все эти формы, оканчиваясь на *-и*, в сознании говорящего являются формами множ. числа, тем более, что к ним образованы и косвенные падежи по множ. числу: очей—ушей и т. д.; г) в словах сложных и наречных выражениях встречаются изредка и остатки косвенных падежей двойственного числа: во-очию, двоюродный, двуствольный и под.

Переходим к общим замечаниям относительно *категории рода*. В русском, как и других славянских языках, три рода: мужеский, женский и средний. Однако-же слова различаются по родам только в единственном числе, одушевленные — те и во множественном числе более или менее наблюдают роды. При чем различение родов обосновывается только на формах именительного и винительного падежей; слова женского рода с основами на *-а* —те и в косвенных падежах имеют особые формы. Но если в единственном числе возможно различать роды, хотя по именительным и винительным падежам, то во множественном числе для разграничения родов нет и этой точки опоры. Припомним разряд слов, употребляющихся только во множественном числе (квасцы, сутки, щи, будни, ворота и под.). Сколько требуется искусственных правил, чтобы точно определить род этих слов! Если наблюдается такое падение категории рода у имен существительных, то что и говорить о прилагательных, местоимениях и причастиях. У них во множ. числе уже в праславянском многие падежные окончания составляли общее достояние мужеского и среднего рода или женского и среднего. В русском литературном языке в именительном падеже они совпали в одной форме, либо оканчивающейся на *-ые — -ие*, из др.-русск. на *-ыѣ*, либо на *ы — и*, где конечное безударное *е* заменилось посредством *и*: до́брыи — с'ин'ии. Различение дореформенными грамматиками во множественном числе *-ые — ыя*, *-іе — ія* не соответствовало ни истории языка, ни живому произношению. Также произвольно разграничение по родам: они — оне. Употребляется одна из этих форм — „они“ или чаще „оне“, образованная как „все“, „те“.

Стремлением объединить в отдельных склонениях слова *одного рода* с одинаковыми окончаниями, склонявшиеся первоначально различно, объясняется соединение в одну группу слов типа: конь, зять, камень — с одной стороны, с другой — гортань, степень, любовь, церковь и под.

Из особенностей *отдельных падежей* в склонении имен существительных литературного языка заслуживают внимания следующие.

Родительный п. у слов. муж. р., кроме обычного окончания на *-а*, еще имеет *-у*, проникшее сюда из старых основ на *-ŭ* (ў): сыноу, домоу. Формы на *-у* встречаются у существительных, означающих предметы делимые (гороху, песку, чаю, сахару, бочка мёду, ложка дёгтю, воз хворосту), а также после предлога „из“ её принимают многие существительные, не меняющие ударения в родительном паде́же: и́з дому, и́з лесу и под.

В *местном* падеже находим окончания *е* (= *ѣ*), *у* и *и*. Из них особого внимания заслуживает форма на *-у* у слов мужеского рода,

проникшая сюда от основ на -й, как и в родит. падеже. Как от „домъ“ в местном говорили „дому“, так стали говорить и „во лбу“, „во рту“, „в раю̀“, „на берегу̀“, „на носу̀“ и т. д. Это окончание особенно свойственно односложным и двусложным существительным, означающим место и время и имеющим в этом падеже ударение на окончании *-у*, при том только после предлогов *в* и *на*. Если ударение переносится к началу, а также после других предлогов бывает обычное *-е* (=*ъ*) или, в случае безударности, *-и*, напр.: „он гуля́л в лесу́“, но в песне поется: „в те́мном ле́се“. Окончание местного *-е* (=*ъ*) вследствие действия аналогии проникло и в мягкое различие: как „столе“, так и „коне“; без ударения, как уже сказано, всегда слышится *и*. Орфография установила особые правила для *-е* (=*ъ*) и *-и*, но для живого произношения они не имеют никакого значения. Сказанное относительно *-е* (=*ъ*) и *-и* в мужеском и среднем родах применимо и к женскому роду, и при том не только к падежу местному, но и к дательному.

В *именительном п. множ. числа* в мужеском роде обращает на себя внимание форма на *-а́* (с предыдущей твердостью и мягкостью согласного): города́, дома́, бока́, луга́, сторожа́, края́ и т. д., представляющая исключительную особенность великорусского наречия. Также часто встречается окончание на *-ja* с предыдущей мягкостью согласного (орфографич. *-ья*): друзья, князья, мужья и т. д., и даже *-ов'ja* (орфографич. *-овья*): сыновья́, кумовья́; здесь же упомянем об *-ева* в слове „хозяева“. Все эти формы новообразования. История языка указывает нам, что окончание *-а* и *-'ja* представляет в себе совпадение разных образований: форм ед. числа собирательных (господа, братья, сторожа), остатков двойственного (бока, рукава, окорока); не обошлось и без некоторого влияния слов среднего рода во множ. числе на *-а*. — Обычное окончание *-ы* (столы) в муж. р. зашло из винительного п., а в мягком различии *-и* (корабли) образовано в подражание *-ы* твердого различия вместо ожидаемого *-е* из др.-русск. *-ѣ*. „Соседи“, „черти“ удерживают старое *-и* не без влияния основ на *-і* где *-и* из винит. падежа (люди при ст.-слав. людые). Мягкое различие представляет *-и* (цари, кони), в котором можно бы видеть остаток старины, хотя такое же окончание могло бы возникнуть, как уже сказано, и по аналогии твердого различия, где *-ы*, как это произошло и в винит. падеже (пни). Несомненно, старина в окончании причастия прошедшего времени: были, шли и под. — Слова среднего рода с безударным окончанием, по аналогии слов муж. рода, имеют *-ы* (озёры, воро́ты, гнёзды, колечки и т. д.); под ударением *-а* (войска́, облака́).

В родительном п. множ. ч. у основ на *-о̆* (слова в роде — стол, конь, край, село, поле) существовали в старину окончания, обыкновенно совпадавшие в муж. роде с именит. ед. ч. (др.-р. рабъ, конь, край), у слов средн. р. на *-ъ*, *-ь*, *-и* (др.-р. селъ, поль, копии). В теперешнем литературном языке отмеченные окончания с большей последовательностью удержаны лишь у слов среднего рода на *-о* и *-ие*, остальные же приняли новые окончания. В мужеском роде старинное окончание (с утратой конечно ъ) находим лишь в следующих случаях: а) у слов на *-ин*: римля́н, татар, цыган, бояр; б) после числительных количественных, начиная с 5, у показателей меры: 5 аршин, 6 са́жен, 7 раз и т. д.; в) у некоторых отдельных слов: солдат, драгун, сапог, чулок, волос, глаз, господ, турок. Два последние слова, может быть, от единств. числа „госпо́да“ и „ту́рка“. Обыкновенным же окончанием у всех слов мужеского рода является *-сф*, *-еф* (= др. р. *-овъ*, *-евъ*), зашедшее сюда от основ на *-й*. Слова, в роде — „домов“, „полов“, привили свое окончание и всем остальным: „столов“, „долгов“, „краев“. Впрочем в русском литературном языке это окончание ограничено лишь словами муж. рода и при том твердого различия; в мягком его принимают только слова на *-й*. Окончание *-оф* (= *овъ*) не распространяется на средний род. В мягком различии мужеского и среднего рода видим новообразование *-ей*: коней, морей, зашедшее сюда от основ на *-i̯* (как путей, костей); не без влияния, конечно, оказались и слова среднего р. на *-ие*, которые по-русски совершенно правильно вместо основного *-ьи*, *-ии* имеют *-ей* (ру́жей). Слова среднего рода на шипящие и *ц* имеют родительный бессуффиксный (городищ, сердец, колец, яиц). Слова женского р. на *-ня*, если звуку *н* предшествует согласный или *й*, имеют в род. падеже больше *н* твердое: песен, боен, башен и т. д. по образцу старых основ на согласные.

Из остальных особенностей в склонении существительных отметим разве, что слова, принадлежавшие к основам на *-ęt-* (*-ят-*), в единственном числе в литературной речи употребляют новообразование на *-ёнок*: телёнок, поросёнок и т. д., и только во множественном числе восстанавливают старинную основу: телята, поросята и т. д.

В склонении *личных местоимений* в литературной речи обращают на себя внимание формы родительного падежа на *-я* (*а́* с предыдущей мягкостью согласного): мн̂а́, т̂иб'а́, с̂иб'а́, вряд ли образовавшиеся фонетически, а скорее по аналогии таких имен существительных, как „камня“ (ст.-сл. камене — мене).

В дательном падеже литературная речь допускает только образования от основы с гласным *-е-*: т̂иб'е́, с̂иб'е́ (= тебе, себе).

*

„Они“ со своим *-и* — глубокая старина.

Формы остальных местоимений подверглись сильному влиянию имен прилагательных, и поэтому относительно их сделаем несколько замечаний вместе с последними.

Имена прилагательные в старину склонялись двояким образом: или как имена существительные соответствующих родов, или же образовывались формы сложные, присоединяя к именным соответствующие формы местоимения и — ꙗ — ѥ. Склонение первого рода в неизменном виде держалось очень долго. В народной поэтической речи, за исключением форм множественного числа, оно наблюдается до сих пор. Нельзя сказать этого относительно литературной речи: здесь оно почти вытеснено сложным склонением или, лучше сказать, местоименным склонением прилагательных.

От *именного склонения прилагательных* до сих пор в большом ходу форма имениг. падежа всех родов и чисел; она обыкновенно входит в составное сказуемое: „дом велик“, „люди смертны“... Однако это можно сказать только про качественные прилагательные, относительные даже в роли сказуемого краткой формы не имеют: „ложки серебряные“. Есть один род их, который знает только краткую форму и зато совершенно не употребляется в полной (это прилагательные на *-ов* и *-ин*: Петров, царицин). Остатки именной формы прилагательных в литературной речи можно наблюдать лишь в закостеневших формах наречий (хорошо, докрасна, понемногу, вдалеке, по-русски и т. п.). В народных говорах, как увидим, краткая форма довольно распространена.

Что касается *местоименных форм прилагательных*, то тут заслуживают особого внимания формы родит. падежа муж. и среднего рода: в живой речи они оканчиваются на *-во*, *-ово*, *-ыва*, *-ива*, *-ова*: таво́, с̑ли̑по́ва, с̑и́н'ьвӑ. Брошенное теперь старое орфографическое *-аго* (*яго*) не имело никакой связи с живым произношением; принятое теперь *-ого* (=*оho*), *-его*, образованное по местоименному склонению, только отчасти приближается к живому произношению. В именит. п. множ. ч. прилагательные, как уже было сказано, обыкновенно оканчиваются на *ыи-ии*: но́вы̆и, бал̑ши́ʸі̂и, маи̂и́.

Из *глагольных форм* заслуживают внимания окончания 3 л. ед. ч. и множ. на *-т* твердое: н'ис̑о́т — н'ису́т при очень ограниченном количестве случаев на *т̑*: јест̑, вест̑. Далее отметим 2 л. един. ч. с *ё* под ударением: н'ис'о́ш, 2 л. мн. ч. н'ис̑о́ти. В подобных образованиях 'о́ из 'е́ явилось перед следующим мягким согласным (или бывшим таковым) по аналогии форм, в роде н'ис̑о́м.

Повелительное наклонение іидо́м—іиди́ т'и с *о* (из е) и *и* вместо старого *ъ*.

Неопределенное на *т̀*, изредка *т̀и*: быт̀, ни́ст̀и, с которым совпал и старинный супин (достигательное).

Прошедшие времена выражаются одним причастием на *-л, -ла, -ло, -ли*; остальные образования исчезли.

То же причастие в соединении с *бы* (=3 л. аориста к „быхъ“) выражает *сослагательное* наклонение.

Остальные отступления от старины объясняются больше фонетически.

Южновеликорусское поднаречие.

Нами рассмотрены особенности литературной речи, в основе которой лежат умеренно-акающие южновеликорусские говоры, главным представителем которых является говор Московский. Он обращает в *а*, притом несколько смахивающее на *о* (å), только один звук безударный о, притом главным образом стоящий перед ударением и на конце в открытых слогах.

Простонародная речь в общем сходна с литературной и отличается от нее лишь некоторыми мелочами в фонетике, напр. обращением *к* мягкого в *т̀*, *г* мягкого в *д̀*: Ма́шт̀и (Машке), т̀и́слы̀ (кислый), т̀ида́і (кидай), пе́сьнт̀и (песенки); б'иди́ (беги), но́д̀и (ноги), а́нд̀ила (ангела). Есть небольшие отличия и в особых формах и отчасти словах, в прежнее время употреблявшихся и в литературной речи, но теперь вышедших из оборота; называют их обыкновенно вульгарными. Таковы формы и слова: маіа́ (мае), тваіа́ (твае)—именит. и вин. мн. ч., рубло́ф, дажо́ф, мисто́ф, сил'е́нjаф, д'он, да к'е́их пор, пало́ш, ни трош, хош, пужа́т', убе́ч (убежать), суса́г, іа́фтът, но́ньча, да́ва, чижо́лъі и т. п. [1]).

Территория умеренно акающих говоров не велика: северовосточные окраины Московской губ., как мы уже говорили в своем месте, о́кают, а в юговосточной и западной её частях уже наблюдаются приметы

---

[1]) Материалы для характеристики народных говоров Московского уезда имеются в работе *Чернышева*: «Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда» (Спб. 1900) и в отмеченном раньше (стр. 19) труде *Н. Н. Дурново*.

сильно акающих говоров. Небольшое распространение рассматриваемых говоров, положение их на границе северновеликорусских и сильноакающих южновеликорусских—естественно наталкивает на предположение о том, не представляют ли они из себя говоров, смешанных или по крайней мере переходных от южновеликорусских к северновеликорусским. Со-временем мы, действительно, увидим, что некоторые черты, и притом существенные, свойственные им, представляют особенность северновеликорусских говоров; таково, напр., *г*=*g*, формы местоимений „тебе“, „себе“, род. п. прилагательных на *-ова*, 3 л. глагола на *-т* твердое. Южновеликорусские черты сказались главным образом в аканьи.

В противоположность московскому, типичные южновеликорусские говоры *сильно акают*: они знают *а* в бо́льшем количестве случаев—не только на месте *о* безударного, но и на месте *е*. Им, кроме того, свойственны и некоторые особые приметы. Эти говоры распространены по Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, большей части Воронежской губернии и в некоторых других местах, где звучит южновеликорусская речь. Сильно акающие говоры указанных мест в общем отличаются от охарактеризованных нами раньше умеренно акающих говоров следующими чертами.

В области гласных.

Среди неударяемых гласных особенно развито *а*, при чем оно бывает более резко, чем в литературной речи. Оно появляется всякий раз, когда звуку *о* приходится быть без ударения, даже во втором слоге от ударяемого к началу и в непосредственно следующем за ударением (тёмн*а*й, тёмн*а*в*а*, х*а*рашо́, п*а*лажи́ть Тульск. Крапив.), хотя возможно и *ъ̊*, впрочем в особом положении (р*ъ*зыгра́ться, пыгуля́ть ib.). Нечего и говорить, что всякое *а* безударное в таких говорах остается без перемены: как—γ*а*в*а*р̉у́, так и—з*а*х*а*т̉е́т̉. *А* часто является и на месте *ъ*—*у*, особенно в формах именит. п. множ. ч. и винит. ед. ч. женск. рода: до́браи̯и, до́браи̯у, хотя в подобных случаях можно видеть и явление не фонетическое, а морфологическое. *А* с предыдущей мягкостью согласного (*я*) является и на месте безударного *е*, какого бы происхождения оно ни было—из прасл. *е*, *ъ* или *ѣ*: j*а*во́ (чаще j*а*γо́), ц*а*на́, б'*а*р̉и́т̉*а*, н̉*а*в̉а́ста, по́л̉*а* (имен. п. ед. ч.), ц̉в'*а*ту́, впрочем большею частью в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, или следующем за ним, в случае, если последний открыт. В слоге же втором от ударяемого к началу вместо *е* обыкновенно бывает *и*: т̉*и*р̉аму́, п̉*и*р̉*а*р̉ӓжым (перережем); то же иногда в слоге закрытом на конце, особенно сейчас

же после ударения: т̂е́рим. Замечательно, что в изменении *е* по отношению к слогу ударяемому нет аналогии в сравнении с подобным же изменением звука *о*: там и во втором слоге от ударения к началу обыкновенно *а*, хотя иногда бывает и *ы*. Появление *и*, а не *а* (*я*) в третьем слоге к началу следует объяснять тем, что гласному *е* обыкновенно приходится стоять в таких случаях среди двух мягких согласных.

В *а* с предыдущей мягкостью согласного иногда обращается даже *и*: ба́р̂ан (барин), в̂и́д̂а (он видит). Переходной ступенью к *'а* здесь конечно следует предполагать ъ (неопределенный гласный переднего ряда), который мог обратиться в *е*, а затем в *а*, хотя мог перейти в *'а* и непосредственно. В случаях, в роде „в̂и́д'а", можно усматривать и не фонетическое явление, а морфологическое: конечное *е—а* могло явиться по аналогии таких образований, как д̂а́лада (делает) и даже в'аз̂а́ (везет).

Перед задненебными твердыми и губными во многих из южновеликорусских говоров на месте безударного *о* и даже совпавшего с ним *а* появляется *у*: дурука́, бугуро́дицъ, цулува́тца. Это *у* часто возникает и при другой обстановке, особенно после *у* в предыдущем слоге (падру́жунька) и в слогах закрытых (ко́сынькуй).

Вообще следует заметить, что в разных южновеликорусских говорах то или другое изменение гласных *о* и *е* безударных и отчасти совпавшего с ними звука *а* (*я*) находится в зависимости не только от места, занимаемого соответствующими слогами по отношению к ударению, но также еще в некоторых говорах от того, какой согласный предшествует этим гласным (после шипящих и *ц* изменение, напр., другое, нежели после других согласных), с каким гласным следующий слог — высокого подъёма, среднего или низкого (трыва́, но траву́ — *диссимилятивное аканье*), стоит ли данный гласный перед твердым или мягким согласным и каким. Есть и другие обстоятельства, вызывающие тот или другой переход безударных гласных, напр., память о старой долготе гласных и качестве ударения, бывшего на них [1]).

Из всего сказанного можно видеть, что в рассматриваемых говорах случаев употребления звуков *ы — и* значительно меньше, чем в умеренно акающих говорах и литературной речи. Конечно, такое заключение не может иметь общего характера: под влиянием разных условий, а особенно развития образования народная речь очень часто приближается к литературной.

---

[1]) Попытку определить эти условия находим в книге *Н. Н. Дурново*: „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров" (М. 1917, Шамордино 1918).

Из других гласных вызывает замечание *у*, которое, будучи без ударения, во многих южновеликорусских говорах становится полугласным *ў*; в такое же *ў* обращается и *в*, стоящее перед согласным; местами *ў* ближе к *в*, местами к *у*: *в*шол (ушол), *в* мене (у меня), *у*месте (вместе), у *с*яло (в село); иногда даже на месте *в*—*у* находим *ув*: ув афсе́, ув ызбе́.

В области ударяемых гласных заслуживает внимания следующее: кое-где наблюдается различие в произношении *о*—как *о* или почти *уо*: сло́во, но коруова (ср. *Дурново—Соколов—Ушаков*: Опыт диалект. карты, 87 и 96), что, вероятно, зависело от различного качества ударения в старину [1]). Кое-где *е* не смягчает предшествующих ему согласных: отэц, в чем, несомненно, влияние населения не южновеликорусского происхождения.

В области согласных.

Типичной особенностью сильно-акающих великорусских говоров является звук *г*=*h* (γ); *г*=*g* замечается редко, больше как влияние северновеликорусов и литературной речи, вообще в смешанных говорах (Моск. г., некоторых уездах—Калужск. Боров. у., Рязан. Каспм. у., Пенз. Саран. у., Нижегород. Лукоян. у. и кое-где в др. местах).

Вопреки литературной речи, задненёбные (особенно *к* и *х*) бывают мягкими и перед *а*—*у*: капей*кя*, толь*кя*, кумань*кём*, дочь*кю*, дарожны*кю*, сверь*хю*, кое-где Оль*гя* и т. д. Мягкость эта обусловливается главным образом влиянием предыдущего мягкого согласного или і (й). В некоторых говорах для смягчения *к* достаточно и предшествующего согласного, бывшего прежде мягким, как *ж*, *ш*, *ч* (Старооскольск. Курск. г. *Зеленин*, 138). Значит, здесь прогрессивная ассимиляция. В некоторых говорах, знающих этот переход, встречается только *-кя*, но не бывает *-кю*, *-гя*, *-хя* [2]).

Шипящие *ж* и *ш* бывают твердыми, иногда даже при удвоении их: паяжжа́ть, шшу́ка; *ч* же в большинстве говоров мягок: на*чя*вать; *ц* всегда твердо.

Губные и зубногубные на конце слов отличаются твердостью: це́ркав—церкаф, го́луп, сем. Иногда таковыми бывают эти звуки и

---

[1]) О дифтонгах в великорусских говорах см. *А. А. Шахматова*: Диалектологические материалы, собранные Тростянским, Гришкиным и др. (Птгр. 1916, предисловие), а также *Б. Соколова* в Р. Ф. В., т. LXXVIII, 150—155 (1917 г.).

[2]) Неорганическому смягчению задненёбных посвящена диссертация *Д. К. Зеленина*: „Великорусские говоры с неорганич. и непереходн. смягчением задненебных согласных“ (Спб. 1913).

в середине слов перед *j*: бъю (=бjу), пъю (=пjу), вью (=вjу), семья́ (=сäмjа) [1]).

В перед *у* во многих говорах опускается: деушка, кароушка.

Перед *у* в начале слов, если предыдущее слово оканчивается на гласный, может быть *j*: на *ю*́лицы, Пылагеюшку́ *ю*хвати́л.

Звук *ф*, употребляющийся только в словах иностранных, заменяется посредством *х*, *хв* (и даже *хф*): Хаврóнья, хвунт, канхветка, Хфедор (Тульск.).

Не безынтересно отметить еще несколько более редких особенностей. В разных местах Орловской г. и некоторых других, не только в Сибири, встречается *с* из *ц*, как плод упрощения группы т͡с (*Зеленин*, 201, 202, со ссылкой на Ливен. у., 276—277, Тульск. г.: яиса, сарь, атес, сапля, вянсу и т. д.). В Орл. же губернии во многих местах встречается смешение *з* и *ж*, *с* и *ш*: шноп шоломы, шамовар жашорилшя (Зел. 185, г. Болхов).

В области морфологии южновеликор. говоров.

Очень распространена во многих говорах утрата среднего рода: мая́ вядро́. Начало этой утрате положено словами среднего рода с безударным окончанием, вследствие чего на месте *о—е* явилось *а—я* (во́к*а*, ву́х*а*, по́л*я*, мо́р*я* и т. д.), и они совпали со словами женского рода. В подражание им и слова с ударяемым окончанием стали соединяться с прилагательным женского рода.

Прилагательные и местоимения в родит. п. ед. ч. мужск. р. обыкновенно имеют -γо, -γа (рядом впрочем с -во, -ва): jаγо́, чаγо́, до́браγо. В родит.-дат.-местном женского рода, а иногда и в именительном мужск. р. под ударением кое-где встречается *-эй—ей* (после задненёбных): адно́й, свято́й, како́й. В винит. жен. р. довольно часто можно слышать *-уя*: ту́я, до́бруя, где конечное *а* (*я*), вероятно, из *е* безударного (ср. самоё).

В области местоимений личных повсеместно употребляется в род. п. ед ч. *е*: мяне́, тябе́, сябе́, или мине́, тибе́, сибе́, также яе́—ие́, тае́, самае́, аднае́; кое-где здесь на конце вм. *е* (из *ѣ*) слышится ё. В дательном падеже основа имеет *о*, вследствие безударности переходящее в *а*: табе́, сабе́. И в родительном и дательном довольно часто *б* выпускается: тне, сне (напр. Курск.), тае, сае (Тульск., Курск.). Местоимение 3 л. обыкновенно имеет форму *ён*, *яна́*, *яно́*, где j в именительный зашел из косвенных падежей местоимения *ји—*ја—*је.

---

[1]) Знак ъ употреблен преднамеренно, для обозначения твердости согласного, так как ' обозначал бы мягкость.

В спряжении отметим преобладание окончания на *т* мягкое в 3 л. един. ч. и множ., при чем *е*, предшествующее ему, обращается в *'о́* (под влиянием конечно 1 л. мн. ч.), или остается без перемены: іид'о́т, іидýт, и іидéт (идёть — идеть). Очень часто окончание *т* совершенно отсутствует: иде, даже 3 л. множ. ч. ви́дя (= ви́дять).

Причастие прошедшего времени часто оканчивается на *-мши*: вы́пимши, уéхамши. Окончание это развилось, вероятно, под влиянием известного причастия, которое в старослав. языке имеет вид: ѣмъши от глагола ѣсти.

Глаголы возвратные и страдательные имеют *ся — си*, но не *са*: нясýся, палажýси.

Подробно рассмотрены в отдельности разные южновеликорусские говоры в „Опыте русской диалектологии“ *А. И. Соболевского* и в „Опыте диалектологич. карты“... *Дурново*, *Соколова* и *Ушакова* (Р.Ф.В. LXXIV т. и отдельно М. 1915). На что следует обратить внимание при изучении южновеликорусс. говоров, указывается в изданной Р. Академией Н. „Программе для собирания особенностей южновеликор. наречия“ (Спб. 1896. „Известия“ ОРЯС, кн. 3). Есть и короче программа Моск. диалектолог. комиссии (Р.Ф.В. LXI, 244). Отдельные работы, касающиеся рассмотренного поднаречия, отчасти перечислены раньше.

Главнейшие группы, на которые распадается сильно акающее южновеликорусское наречие, определяются преимущественно разными особенностями их аканья, напр., тою или другою заменой безударного *е*.

1. В *восточной* группе, обнимающей говоры восточных уездов Тульской г., большинство уездов Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Саратовской, Хоперский и Усть-Медведицкий у. О.В.Д., распространено сильное *яканье*, с обращением всякого безударного *е* в *'а (я)*: вяду́, вяди́, вяля́ть, дряве́нскай, бяряги́, хотя возможны и редуцированные гласные. Здесь же *в* больше сходно с литературным зубногубным *в*, перед глухими и на конце слов переходящим и в *ф*.

2. В *северозападной* группе, обнимающей остальные уезды Тульской г., Калужской, восточной части Смоленской и южные окраины Московской, *е* переходит в *'а (я)* только перед твердыми согласными (нясу́, сяло́), а перед мягкими обыкновенно *и* (нисёть, в силе́). В южной части этой области *в* может переходить в *ў*.

3. В *южной* группе, представителями которой являются говоры Орловской и Курской г., кой-какие части Тульской и южные уезды Обл. В. Донского, на месте безударных *е* (из *е* и *ѣ*), *'а (я)* диссимилятивное

аканье: звук *и* перед слогом с ударяемым *а* (висна́, земля́), а перед ударяемыми *у́*, *ы́*, *и́* звук *'а* (*я*) (вясны́, в лясу́, ня́си́). Здесь особенно часто ў неслоговое на место *в* и смешение *у* и *в* (удова́, де́ўка, кроў).

Северно-великорусское поднаречие.

Особенности в фонетике.

Весь север СССР в Европе занимает северновеликорусское поднаречие; оно же господствует и в Сибири. В противоположность южновеликорусскому, обыкновенно расширяющему разные гласные, север суживает их, произнося часто лабиально; в одних местностях это сужение (закрытость) больше, в других меньше. Даже внешние приемы речи у северян и южан резко различаются. *Даль* так характеризует в этом отношении тех и других: „весь край этот (север) строит губы кувшином, а весь югозапад (и отчасти юговосток) а́кает, почему население это зовут зеворотым и полоротым“ (Толк. словарь ², I, XXXIX). Плодом отмеченного стремления к лабиализации гласных и закрытому их произношению является 1) *о́канье*. Оно состоит в том, что всякое древнерусское *о* в этих говорах остается без перемены. Акальщики, напр., так дразнят о́кальщиков: „*Болого* в *Володимире*: стокан испить — *голова болит*“. Это *о* безударное не везде однако отличается одинаковым качеством, иногда оно ближе к *у*, а иногда в известных слогах даже смахивает на *а* (хотя и очень редко). Звук *о*, склонный к *у*, в некоторых говорах находим только в слогах неударяемых, но в других встречаем и под ударением. *Шахматов* (Исследования в области русской фонетики. Варш. 1893, 296—297) отмечает такое *о* в южной и средней части Петрозаводского уезда, напр., в словах: по́ўтора, по́жня, золовка, ночь, прбсили, со́пкой и т. п. Местами это о́ᵘ даже переходит в вполне явственное *у*: пуўтора́, пу́жню, ву́лю, доку́сят, ку́ни, смо́трят и т. д. То же в других говорах: Арх. бу́льшей, в широких разду́льях, Покров Влад. г. *у*гуре́ц, *у*броза́ и т. п. С другой стороны, как мы отметили, в некоторых частях северновеликорусских говоров можно наблюдать *о*, довольно близкое к *а*: „я очень ясно слышал *о*, склонное к *а*, пишет Шахматов (ib. 296), „в словах, как моя, лодью, ноцьлегу, господь, родители, кораб: записывая сказки в указанных местностях Олонецкой губернии, я был принужден писать иной раз: нацлегу, гаспоць, свая и т. д.“. Но если в рассматриваемых говорах подобное *о*ᵃ, является спорадически, то в других для появления его можно даже указать определенные условия. Так *о*, очень близкое к *а*, мы находим

в конечном открытом слоге. Так губ. Арх., Перм., Волог., Новг., Яросл., Нижегор., Костромская знают родит. п. прилагательных на -ова: дрянова, билова, свиглова, великова, слепова, доброва и т. д. (Шахмат., 298). *А* в окончании *-ова* конечно могло бы быть объяснено и таким путем, как в сербском языке *-ога*, где видят влияние окончания родит. падежа имен существительных; но появление под ударением только *-ово́*, *-ого́* (одного́, его́), употребление подобной формы и в акающих говорах, притом иногда с окончанием на *-ово*, заставляет признать в конечном *а* окончания *-ова* явление фонетическое. В других местностях, напр., в говорах Яросл. г., звук, близкий к *а*, находим во 2-м слоге от ударения к началу: хо^{а}рошо́, го^{а}вори́ть, зо^{а}лото́й, мо^{а}лодо́й и т. д. То же в говорах Арх. г.: карова́шка при корова́шка, палова́ть. Подобных примеров можно бы привести много и из других местностей, при чем везде их можно подвести под те или другие законы. В некоторых местностях Казан. г. Вятской, Симбирской (бассейн р. Суры) можно слышать произношение, близкое к литературному (бъсика́ми, пу́ста, уби́тыва, ря́дым).

Иначе следует смотреть на аканье в местностях, пограничных с южновеликорусскими говорами (и здесь оно конечно имеет характер явления спорадического), а также в торговых и промышленных пунктах; в таких случаях следует видеть заимствование из южновеликорусского. В ра ных местностях еще можно встретить отдельные случаи аканья в словах иностранных, перешедших в северновеликорусские говоры из южновеликорусских, и вообще в словах, взятых у последних: салдат Влг., *а*фицерушкам Олон., карапь Муром., Рост., манах Яросл., Влг., манастырь ib., палаты Арх., парахот Тотем., Кадн., Ирбит. и т. п. В словах „карапь“, „парахот“ появление *а* на месте *о* могло быть вызвано и соседством слогов с *а*.

Таким образом, хотя в некоторых случаях аканье не чуждо северновеликорусским говорам, однако же, как самую выдающуюся черту их следует поставить оканье, состоящее в удержании без перемены древнего *о*, а иногда даже в сужении его в *у*. Северяне свою речь со суженным *о* обыкновенно называют речью низкою.

Последней речи обыкновенно приписывают и лабиализацию *а* с переходом его в *о*, т. е. появление *о* на месте старинного *а*. Но число таких случаев обыкновенно чрезмерно увеличивают. Так отсюда следует исключить а) слова иностранные, имевшие уже в др.-русском языке *о* на месте иноземного *а* безударного: *О*ндрей, *О*лександр, *О*фонасей, *о*лтарь; по образцу их и *о*прель, *о*ртиль, *о*нбар, *о*тлас, со*н*дук, тонцовать, ко*р*тина, в календоре, торелка и под.; б) слова, имевшие уже

в древнерусском двоякие формы, как боран Влг., рокита, робота, розрядом с раз-; первая приставка более, свойственна русскому языку (ср. рóзвальни, рóсказни, рóзыск, рóспись при рáзум, рáзница, но малор. и бел. рóзум, продавать в рóзницу); в) слова, которые у нас пишутся под влиянием литературного аканья неправильно: пором серб. прам, стокан из достокан, корман, торокан, локей польск. lokaj из нем. Lackei. После всего сказанно о случаев появления *о* на месте старинного *а* окажется немного: так мы имеем — плóтишь, посóдит Рыбин. вóлен, вóлят (вм. валел, валят), плóчено Олонец., образованные под влиянием таких слов, как хóдит, нóсит. Еще можно указать зобóта Олон., долёко, трова́ ib., хвотать Пск., моха́ть ib. и еще несколько (ср. Колосов. Обзор, 63).

Вследствие того же стремления к оканью в рассматриваемых говорах удержался от др.-русского и звук *о* с предыдущей мягкостью согласного или j и на месте основного славянского *е* и *ъ*. Мы видели подобное же явление и в акающих говорах, но там *'о* (*ё*) вместо *е* было возможно только под ударением и притом перед твердым согласным, а также на конце слов; здесь же это явление пока не подведено под определенные правила, что можно видеть из следующих примеров: лицё Олон., мóрё, пóлё ib., пóлымё Молож., цáрскоё Шадр., мúлоё Олон., вострыё Влад., тепля́ё Тот., розбúйцё Влад., дадúтё Уст.; вёрста́ Муром., дёржа́л Онеж., лётúт, слёза́ Муром., нёсла́ Новг., сёло́ ib., пóгрёб Олон., на́ берёг ib. и т. д. Конечно часть выставленных слов с *ё* может найти и нефонетическое объяснение: слова, в роде: пóлё, мóрё могли образоваться и по образцу дéло, ýтро; действие аналогии можно бы видеть и в некоторых других случаях. Еще можно отметить следующие наблюдения: *ё* чаще перед твердыми согласными и в слогах, непосредственно предшествующих ударяемым, т.-е. там, где в южновеликорусских говорах сильно акающих *а* (*я*) вместо *е*. Можно даже думать, что в южновеликорусских говорах *а* (*я*) не непосредственно явилось из *е*, а имело еще ступень с *о* (*ё*), так что какое-либо „яго“, предполагает еще переходную ступень „ёго“ „жана“ не прямо из „жена“, а при посредстве „жона́“ и т. п. Тогда южновеликорусское *о* (*ё*) в слогах ударяемых перед твердыми согласными представляет только часть общерусского перехода *е* в *о* (*ё*), сохраненного благодаря ударению; тогда как в северновеликорусских говорах и (как увидим после) в малорусских и отчасти белорусских это явление отражается полнее. Наше соображение найдет подтверждение и в истории языка.

Подобно южновеликорусским говорам, *'о* (*ё*) иногда является и на месте *е* (=*ѣ*): блёдый Пск., бесёда Арх., Влг., Олон., вёшка Сузд.,

Муром., сусёд Олон., телёжную ib., цоп Нж., хрён Пск., дёвáл Нж., пёсóк Муром., бёда, пёсóк, рёкá Влад. Объясняется это явление так же, как и *'o* (*ё*) на месте *е* безударного. В южновеликорусских говорах это *'o* (*ё*) является переходною ступенью к *а* (*я*). Явление это во всяком случае не древнерусское.

2) Очень часто в разных местностях встречается появление *е* вместо *а* с предыдущей мягкостью (*я*), притом не только безударного, но и ударяемого: *е*чмéнь, пáметь Боров., печéль, цéдо(=чадо) Шенк., сиéть, стоéть Кадн., *é*года Новг., *é*йцы Нерехт. Костр., *е*йчко Яросл., луци́лось Онеж., опéть, опрести, горéчей Яросл., грéсь (=грязь), кнéзя, боéрин, перснéми (тв. п.) Онеж. и т. д. Трудно уяснить себе причину подобного перехода. *Е* безударное из *'a* (*я*) может быть понято так же, как и южновеликорусские *е—и* в подобных случаях; но *е* вместо *'a* (*я*) ударяемого—дело совершенно другого рода. *Потебня* (О звуковых особенностях русск. наречий. Фил. Зап. 1865, 80—81) объясняет этот переход влиянием следующего мягкого согласного. Подобное же явление он отмечает и в других славянских языках, особенно в чешском, где, напр., находим patý, но pět'. Там такое сужение гласного есть и на конце слова после предшествующего мягкого согласного: duše из duša. Так, может быть, следует объяснять северновеликорусские формы на *се*, в роде: садúлсе. Объяснение Потебни очень вероятно, хотя нельзя скрыть того обстоятельства что *е* вм. *'a* (*я*) иногда бывает (хотя и очень редко) и перед твердыми согласными (но после мягких): одиелó, снéубы (снял бы), грéнули, боéра Вельск.

3) Несколько сходно с рассмотренным явлением и возникновение в некоторых случаях *и* на месте *е*, напр., в слогах ударяемых: шшúль (щель) Шадр., лúбедь Тотем., Кадн., пойдúмте Новг., жнúт ib. и т. п.; в слогах неударяемых: úще Онеж., пúтля́ Кадн., сúло́ Сольвыч., лúбéдка ib., далúко́ Нижег. и т. д. Число подобных примеров можно бы увеличить чрезмерно, если прибавить сюда еще глагольные окончания с *и* вм. *е*: знаúт Олон., баúт ib., шатаúтсе Онеж. и под.; но в таких случаях скорее следует видеть явление морфологическое или действие аналогии—под влиянием глаголов с основами на *-и* (*i*): как „хвалит“, „просится“.

В случае звук *е* не перейдет в *и*, а в *'o* (*ё*), он и тогда может подвергнуться соответствующему сужению, т. е. такому, какому вообще подвергается *о*, — в *у* с предыдущей мягкостью согласного; примеры: люд (лёд), вю́тхая, крю́сла Петроз., о́чюнь Муром.

4) Большинству северновеликорусских говоров, особенно цокающим, свойственно появление *и* на месте *е* из прасл. *ѣ*. Причем замена

ѣ на *и* распространена неравномерно: в одних говорах она господствует, в других встречается очень редко, ограничиваясь немногими словами. В большей части области сев.-великорусских говоров *и* вм. *ѣ* слышится в разных формах глаголов „есть“ (=*ѣсть*) и „ездить“ (=*ѣздить*) (подробно перечислены формы у Колосова. Обзор..., 23 — 25). В большинстве говоров ударяемое *и* заменяет *ѣ* только перед мягким согласным (напр., в говорах Яросл. г., Волог., Олон., Вятск. и др.), но попадаются в тех же местностях отдельные случаи с *и* вм. *ѣ* и перед твердыми согласными: в Волочке Твер. г.: *лито*, *вик*, *мисто*; в Волог. г.: *сирым*, *свит*, *витру*, *снигу*; в Олон. г.: *лис*, *сиу*, *хлиб*, *дид*, *jихать* и т. д. (Шахмат., 167). Замена *ѣ* посредством *и* в слогах неударяемых, конечно, для нас не характерна.

5) В северновеликорусских говорах довольно часто наблюдается слитие старинных групп *-ае*, *-ое* и даже *-ъе* (конечно при посредстве аэ, оэ, ѣэ) в *-а*, *-о*, *-е*: *знаш*, Пенз., *послушаш* ib., *дéлаш* Лук., *дéлат* ib., *сшивам* Вятск., *мот* (моет) Лук., *умеш*, *копек* Казан. и т. п. (ср. Колосов. Обзор, 122—123).

Согласные звуки.

Почти всему северновеликорусскому поднаречию свойственно *цоканье*, т. е. переход *ч* в *ц* и обратно *ц* в *ч*. Причем однако в одних говорах эта черта развита очень сильно, в других слабее; одни говоры знают и *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *и*, другие же только *и* вм. *ч*; есть, наконец, меньшая часть северновеликорусских говоров, которая совсем не знает отмеченной черты. Нецокающие говоры узкой лентой проходят по губ. Новгородской (уезды Боровицкий, Устюженский и Тихвинский), Тверской (Калязинский и Корчевский уезды), по западной части Владимирской, по большой части Ярославской, по западной части Костромской, по северозападной части Нижегородской, Симбирской, большей части Казанской и по части южного Приуралья. Вообще цоканья не слышно в пределах древней Суздальской области и в тех местах, которые в XVI в. и позже заняты переселенцами из Суздальщины. Цоканье же свойство древнего новгородского наречия и отчасти смоленско-полоцкого; оно и распространено в тех местах, которые колонизованы новгородцами и смоленско-полоцкими кривичами. Конечно, и в указанной области кое-где цокают, иногда даже в значительной степени, что произошло больше от позднейших переселений сюда крестьян из цокающих областей. Таким образом мена *ц* на *ч* и обратно является преобладающей чертой в северновеликорусских говорах. Происхождения она очень древнего (наблюдается она уже в памятниках XI в.) и развилась, быть может, не без влияния соседей финнов, знающих звук

средний между *ц* и *ч*. Смешению их предшествовало, вероятно, слишком мягкое произношение *ц* с некоторым шипящим оттенком (как у варшавских поляков) и *ч*. Поддержке смешения могло содействовать и грамматическое чередование этих звуков при словопроизводстве (птица — птичка). Примеры употребления *ч* вм. *ц*: отечь, купечь Новг., венеч Холм. Пск. г., овчя Кадн., курича Новоторж., чарь Ард., Арз., тридчать Онеж., писемчё Вельск., чвиты чвитут Онеж.; употребление *ц* вм. *ч*: пецка Арз., ноць Макар., проц Олон., вцора Смб., муценича Романо-Борисоглеб., лутце Нвг., Уст., Чрп., Кирил., молоцка Уст., руцка с руцкой ib. и т. д. (Колосов. Обзор, 181—184). Таким образом по цоканью все северновеликорусские говоры можно разделить на две хотя и неравномерные группы. Цокающей группе преимущественно свойственно употребление *и* вм. *ѣ*, употребление *е* вм. *'а* (*я*) и смешение дательного и творительного падежей множ. числа.

Всем северновеликорусским говорам, в противоположность южным, свойствен звук *г* = *g*, мгновенный, не длительный. Он часто слышится даже в словах: господь, бога. Г = h, повидимому, знают некоторые местности (и очень редко) в формах родит. падежа прилагательных на *-оho* [1]).

Из особенностей в области согласных, свойственных отдельным северновеликорусским говорам, отметим, как более распространенные: появление *ў* (*у*) и *в* вместо *л*, что бывает возможно только в слогах, закрытых после гласного: до́вго, ко́локов, мев Волог., заходиу ib., моувиу Вельск. и др. Вероятно, в подобных случаях слышится неслоговой *ў*, который вследствие неточной записи одними передается как *у*, а другими как *в*. Впрочем и на самом деле ў может приближаться то более к *в*, то более к *у*. Трудно сказать, как смотреть на такие образования, как колды, толды, завсялды Вятск. при формах ковда, товда Ситск., ковды Вытег., — будет ли здесь явление морфологическое, своеобразное словопроизводство, или же фонетическое явление. В последнем случае *в* было бы на месте *л*, но как возникло *л*? Быть может на дело следует взглянуть иначе. Потебня (Фил. Зап. 1865, 90) склонен видеть *в* на месте *h* (ср. коуда́, тоуда́), а при таком допущении *л* на месте *в* (ў) по ложной аналогии: как вместо „мо́увиу“ обычно „молвил“, так и вместо „ковда“ обычнее-де „колда“.

В некоторых местностях (Поситье, отчасти Пошехонье Яросл. г., Княгининский уезд Нежегород., Казанский и Чебоксарский уезды),

---

[1]) З. К. Плотникова. К вопросу об окончании род. п. ед. ч. муж. и средн. р. местоимений и сложных прилагательных (Известия ОРЯС 1919 № 1).

кроме смешения *ч* и *ц*, общих северновеликорусских черт, появляется непереходное смягчение зубных *д* и *т* мягких, получающих свистящий оттенок — *д'з'* и *т̑ц'*: дзе́вьей, будзёт, родзи́мая, у ця, робяци́шки, цесць, цёмно Сицкари [1]) Яросл.; то же в окающей части Тверской г.: дзело, цебя, у ця; в Княгин. Нижегор.: мордзви́ном, вме́сци, несци́ и т. д. Отмеченная черта, равно как и обращение *л* в известном положении в *ў*, сближает рассматриваемые говоры с белорусскими. В некоторых случаях (в Тверской г., а может быть и в Ярославской) и можно бы видеть влияние последних; в других *д'з'* и *т̑ц'* могли развиться и самостоятельно (напр. в Нижегородской губ). Впрочем есть основание видеть белорусское влияние и в Нижегородской губ. (ср. Б. М. Ляпунов: Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегор. г. Спб. 1894, из Жив. Старины).

Как и в южновеликорусских говорах, и на севере иногда приходится наблюдать непереходное смягчение заднеёбных (особенно *к*) под влиянием предшествующего мягкого согласного: голубу́шкя, горькюю Сицк., Петинькя, хорошинькя, холодненькё Ростов., де́вочкя, посте́лькю Пошех., до́цкя Грязов., по ве́рькю, на ольхю Волог., Вольгя Арх., деньгя Яросл., четверьгя Вятск. (Зелен., 406), дёргять, серьгю Костр. и др. Сюда же принадлежат случаи с переходом *к̑* в *т̑*: Ваньтя, редьтя (редька) Яросл. (Зелен., 450). Звук *г̑* иногда переходит в j: Шунья, Олья Костр. (Зелен., 515). Дальнейшим будет смешение j с *г̑*: свингя, судгя (Зелен., 526).

Под влиянием предшествующего мягкого согласного иногда смягчается и *н*: сильнё, довольнё, больнёй, и даже другие согласные: льдём, пользю (Зеленин, 9).

В суффиксах *-ъство* и *-ъскъ* память о др.-русском ъ сказывается в том, что умягчается предшествующий ему согласный (что́ отчасти также наблюдается в белор. и малорусском наречиях); мало того, эти смягченные согласные, в свою очередь, оказали влияние на следующее за ними *с*, обратив его тоже в мягкое: гречеськy, руська, женьские Онеж., людського, Боровьського Костром., сватовсьвом, отецесьво, царсьво Онеж. Значит, тут тоже влияние предшествующих согласных на последующие, как и в предыдущем случае.

И в северновеликорусских говорах встречаемся с пропусками тех же согласных, что и в южных: мы неоднократно встречаем выражения, в роде: тея, тее, к сее вм. тебя, тебе, к себе, представляющие

[1]) Есть сведения, что эта черта у них уже исчезает.

пропуск *б*. Нередко можно встретить „гли-ка“, „гли-тко“ с пропуском *д* и упрощением стечения гласных посредством слития их. Иногда наблюдается и пропуск *в* перед *у*: деушка, голоушка Влад. г.

Уподобление рядом стоящих согласных в северновеликорусских говорах более развито, нежели в литературной речи: оммáнываў, оммáнка Вельск., лáнно Сицк., Боров., оввенчалсе ib. и т. д.

Северновеликорусским говорам известно и *ц* мягкое на месте основного русск. и прасл. *ц*: *ц*ярь, отец*ь* и под. Онеж. (у Рябинина), Яран., Вятск. В некоторых местах оно, быть может, и не представляет удержания старины, а развилось тогда, когда явилось *ц* мягкое вторичное на месте *ч*, бывшего всегда мягким в чокающих говорах.

Особенности в морфологии.

В области склонения имен существительных отметим нередкое употребление особенно в цокающих говорах формы родительного п. един. ч. вместо дательного у слов женск. р. с основами на *-а*: на горы́, по избы́ и под. Причиной такого смешения падежей, мне кажется, были родительные на *-е* (= *ѣ*), имевшие в своей основе древнерусское окончание мягкого различия на *-ѣ*, зашедшее затем и в твердое: как можно было сказать „у сестре“, „из реке“, „от Добрыне“, „от Мамелфы Тимофеевне“, где для родительного употреблялось окончание, сходное с окончанием дательного падежа, — так и, наоборот, естественным казалось для формы дательного употребить обычное окончание родительного.

Почти повсюду в северновеликорусских говорах, особенно в цокающих, замечается смешение дательного и творительного падежей множественного числа, при чем творительный реже употребляется вместо дательного, нежели наоборот. Пример: вот гостинец вашими детьми, снеситё ёво ими, как я рат вами, с сыновьям, дочерям и со всем гостям вашим. Тверск. (Записка о Колязине. Арх. Калачева, кн. 2, 1861); он пошел за свечам, с вам Яросл., с цёботам Вельск. и т. д. Вряд ли не положено было начало такому смешению падежей отпадением конечного *-и* в творительном падеже (мнение *Миклошича*. Сравнит. Морфология, 399). Когда после этого дательный совпал с творительным, то явилась возможность постановки и формы творит. падежа на месте дательного.

В творит. п. множ. числа иногда встречаем редкие формы на *-мы*: людмы Новг., столамы, намы Прионежье, ушмы Онеж. В подобных случаях в *ы*, может быть, некоторая память о старом творительном на *-ы* у основ на *-о*, хотя может сказываться здесь и влияние пре-

дыдущего слога с твердыми звуками, а также аналогия окончаний других падежей, в твердом различии имеющих звуки твердые.

Значительно реже в твор. п. множеств. ч. встречаем *-ма*, явившееся, по видимому, под влиянием памяти о двойственном числе: чашкима, ложкима, работникима, огородыма, конима Олон. Тут же отметим, что есть и формы местоимения на *-мя*: имя́, образованные как „двумя“ (объяснение Лескина: *-ма* из старинного окончания [ст.-слов. дъвѣма], а мягкость *м* под влиянием форм на *-ми* [ст.-слав. тръми]). А. И. Соболевский (Исследования в области русск. грамматики, 49) выводит это *-мя* из прасл. *-mę окончания дательно-отложительного падежа, живущего до сих пор у северновеликорусов и сербов (ср. у них: тиме, ониме, друзиме и т. д., где *-е*=ѧ).

Язык былин, но не обычная разговорная речь, знает еще архаическое окончание *-ы*, *-и*, при том не только у основ на *-о*, но и на *-а* (слова жен. р.): заросла дорога лесы, низки поклоны поклоняется, горючиим слезы заливается и т. д.

У имен *прилагательных* отметим имен. п. сд. ч. муж. рода на *ой* — *ей*: глухо́й, но́вой, си́ней.

Родит. п. обыкновенно оканчивается на *-ово*, а также на *-ова*, как об этом была уже речь при рассмотрении оканья; под ударением всегда *-ово*: ёво́, одново́; без ударения *-ова*: до́брова, слепо́ва. В женск. роде иногда *-ыс*, *-ие*, вм. конечного *е* может быть и ё: з больны́е головы, нет синие краски Белоз., службы царскиё Вельск., Пошех.

Именит. п. множ. ч. часто имеет *-ыё*: цесныё родители, милыё подруженьки, поля гористыё и т. п.; рядом *-ые -ие* и даже *-ыи -ии*.

В родительном множ. ч. у сицкарей встречается довольно редкая форма (она же служит и для местного падежа) на *-еф*: цужиеф, горькиеф и т. д. В этом окончании, вероятно, следует видеть родительный п. на *-ов*, *-ев*, позаимствованный у существительных. Потебня усматривает здесь переход *х* в *ф*, — такой же, как переход *г*=*h* в *в* в слове „ковда“.

Говоря о склонении прилагательных в северновеликорусских говорах, нельзя не упомянуть о нестянутых формах прилагательных, в таком изобилии известных речи былинной. Нельзя видеть в них остатков глубокой старины, так как стяжение местоименных форм прилагательных произошло еще в древнерусском языке: это формы больше растянутые для стиха: доброей, доброем, добрыим, добрыих, добрыех и т. д.; даже от местоимений: тоей — тоёй, одноей — одноёй, тыех и т. д. Употребление подобных

форм и от местоимений лучше всего говорит о их позднейшем происхождении. Некоторые следы растянутых форм можно изредка наблюдать и в речи разговорной. У Соболевского (Опыт диалектологии) отмечены оне в Боровицком уезде (34), Ярославском (37), Череповецком (46) и некоторых других местах.

Как особенность северновеликорусских говоров, отметим образование сравнительной степени на *-я́е*: скоря́е, крепча́е; иногда она оканчивается даже на *-я́ё*: биля́ё Вельск., любя́ё Сицк. и т. д. В подобных формах, вероятно, следует видеть возобладание окончания имен прилагательных с основами на задненебные: крепчае, легчае, тишае — образования органические, остальные же им подражают. В литературной речи и южновеликорусских говорах, напротив, формы, в роде: новее, светлее и т. д., вытеснили все возможные образования на *-ае* (из *-ēie*, *-ѣк* после задненебных).

В склонении *местоимений* обращают на себя внимание нередкие случаи форм ён, ёна́, ёно́; множ. ч. ёны и оны. Похожие образования известны южновеликорусским и белорусским говорам; j зашло в них из косвенных падежей (jäго́, jäму́ и т. д.). *Ы* в окончании множ. ч. — по общему закону постановки окончания винительного падежа вм. именительного. В именит. множ. ч. и винительном встречаем мо́ѣ, твое́, чье́, образованные так же, как *те*, каковое в свою очередь тоже вторичная форма вм. „ти“, куда *е* (= *ѣ*) зашло из других падежей (тех, тем, теми). Звук *е* (= *ѣ*) из именительного падежа по общему стремлению к уравнению основы склонения может проникнуть и в косвенные падежи: моех, твоем и т. д. На появление *е* здесь могло оказывать свое воздействие еще и твердое различие местоименного склонения, представителем которого является „тех“, „тем“ и т. д. Местоимение „что“, кроме обычного „што“, встречается еще в виде що Волог. губ., *штё — щё* Тотем. и Кадн. у., *чо* Арх. *Що* развилось из „чьсо“ посредством уподобления *с* предыдущему шипящему *ч*: чьсо — чшо — шшо — що; штё имеет мягкое *т* под влиянием щё, так как *ч* и *щ* обыкновенно мягки; тем естественнее влияние „щё“ на „штё“, что обе эти формы встречаются в одной и той же местности.

В заключение обзора склонений отметим, что в северновеликорусских говорах очень распространено употребление *члена*, при том не только в речи песенной, но и в разговорной. Самым естественным видом члена в мужеском роде является *от*, где в *о* — прояснение *ъ* предыдущего слова, а в *т* — след местоимения *тъ* (тот): кум-от, холостой-от, другой-ет раз, той-ет конь, мой-от поп и т. д. Но кроме-от встречается *то*: парень-то, сватьи-то, где в *то* сред-

ний род к *тъ*. Наконец, о́чень часто в роли члена является просто местоимение „тот“, поставляемое обыкновенно после слов, к которым относится; для женского рода — *та*, для среднего — *то*. В косвенных падежах член также склоняется: отца тово, больной той жене, мать ту, люди те, ноги ты и т. д. В косвенных падежах во множественном числе изменения местоимений не бывает: не стучи ногам-те Даль Словарь², I, XLVI; в Ростове-те на соборе-те на кровле-те галок-те, ворон-те видимо-невидимо. Ростов. В роли члена в былинной речи, иногда, повидимому, бывает „он“:

Малюта злодей Скурлатович —
Он ведет царевича за Москву-реку...
Волх *он* догадлив был...
Свищет Соловей *он* по соловьему...

По употреблению члена северновеликорусское наречие напоминает болгарский язык, в котором роль члена играет тоже указательное местоимение *тъ*, поставляемое позади тех слов, к которым относится. Более подробная речь о члене в истории языка.

В области *спряжений* типичной особенностью северновеликорусских говоров является твердость *т* в 3-м лице единственного и множ. чисел, как и в литературной речи: несёт, несут. Иногда *т* и отсутствует: можо, е, глядя(т) Новг. и др. Интересную форму имеет в разных говорах глагол „есть“: е́сте, е́стя Боров., Ново-Лад., Тихв., Нерехт., е́сти ib. Аналогичное образование имеем в белорусском „ёсце-ка“ и серб. „јесте“. Во 2-м лице един. ч. отметим -си: даси́, јиси́; к последнему и 3 л. ед. јись (ест). — В роли частицы возвратного и страдательного залогов часто является *се* (се, сё, це), *си — сы — цы*, реже *са — ца*: луцилосе Онеж., оборонитце ib., надиеўсё, дожидаласё Вельск., каплетце Волог., делатцы ib., купатцы, уцераемса Сицк., дзе́ржитца ib., отрёксы.

Из области северновеликорусского *синтаксиса* отметим:

1. Употребление в роли сказуемого причастия: ищо не отошедша служба, а уж и цяй пьете Вытегор.

2. Употребление вм. дополнения при неопределенном форм на *-а*, как приложения: трудно тебе у Царь-Девицы живая вода достать Белоз.

3. Употребление безличных выражений в страдат. форме вм. действительной: уйдено, так не цё бранитця Вытег., доученось до того...

Даже в *словаре* есть немало отличий между северновеликорусским и южновеликорусским поднаречиями: на севере живут в *избах*, едят

крупу из *жита*, землю *боронуют* или *волочат*, тесто месят в *квашне*; тогда как у южновеликорусов *хаты*, крупу выделывают из *ячменя*, землю *скородять*, хлеб месят в *деже* и т. п.

Есть и несколько чисто этнографических отличий в одежде, домашней обстановке, постройке жилищ и т. п. (см. у *Зеленина* в разных местах).

Особенности отдельных северновеликорусских говоров подробно изложены в „Опыте русск. диактологии“ *А. И. Соболевского* и в „Опыте диалектологической карты русск. языка“ *Дурново*, *Соколова* и *Ушакова*.

Составители „Диалектологической карты“ все северновеликорусские говоры соединяют в пять групп, руководствуясь всею совокупностью особенностей каждой из этих групп. Именно:

1. Поморскую, или Архангельскую группу, обнимающую самую северную часть этого поднаречия, распространенную в Арх. и северных частях Олонец. г. и на крайней сев. окраине Вологодской. *Ѣ* в этой группе обыкновенно совпадает с *е* закрытым, в конце слов переходящим в *и*. *А* с предыдущей мягкостью (*я*) перед мягким согласным всегда равно *е* (грезь), такую же судьбу имеет оно и в слогах предударных даже перед твердым согласным (петáк). Здесь же цоканье с мягким *ц* (цюдо, ноць), кое-где и чоканье. *Щ* = долгому твердому *ш̄* (ш̄ука); твердо и долгое *ж* (дожа̄). В родит. п. *-ого*, *-оγо* и даже *-оо* (слепóго, коγò, дóброо). В 3-м лице ед. и множ. ч. *т* иногда отпадает (лю́бит, несе́, говоря́). Есть и др. черты.

2. Олонецкую, занимающую большую часть Олон. г., кроме юго-восточной части. И здесь *ѣ* больше равно *е̂* закрытому, перед мягкими согласными часто переходящему в *и*. В предударных слогах перед твердыми согласными *ѣ* = *е*. В сравнении с поморскими говорами здесь как отличие является *шч* и *ждж*, *шт'* и *жд'* на месте *ш̄* и *ж̄* долгих (пушчу — пуштю, приежджай — приждяй). Возможно ў в конце слова из *л* твердого (быў, дóўго). В родит. и дат. п. ж. р. прилагательных *-эй* (другэ́й). В 3-м лице т'.

3. Западную, или Новгородскую группу, обнимающую губ. Ленинградскую, южную часть Олонецкой, зап. уезды Новгородской, кое-какие окраины, прилегающие к Тверской и Псковской г. Здесь преобладает произношение *ѣ* под ударением и в предударном слоге как *и*; есть говоры и с *е* закрытым. Цоканье слабое, *ц* тверд. В родит. п. *-ово*. Твор. п. мн. ч. совпадает с дат. п. (с своим рукам).

4. Восточную, или Вологодско-Вятскую группу, обнимающую говоры восточной части Новгор. г., части Олонецкой, Вологодской и Вят-

ской, Пермской, части Уфимской, Ярославской и Костромской до Волги. *И* на месте *ѣ* здесь бывает только перед мягкими согласными под ударением и в предударных слогах, а перед твердыми под ударением вм. *ѣ* бывает *е* или *иэ* (лето—лиэто, хлеб—хлиэб; перед ударением возможно и *'о*(ё): река́ и рёка́, пёту́х, даже на конце слов: молодыё дивицы, её, всеё, самыё). В Тот. у. Вологод. г. и некот. др. *иэ* на месте *ѣ* возможно и перед мягкими согласными. В этой группе особенно распространено *'о*(*ё*) на месте безударного *е* (вёсна́, зна́ёт, возьми́тё). В разных местах здесь наблюдаются следы дифтонгического произношения старого *о* как *уо* или как *у*. Переход этот возможен в тех словах где на *о* в старину можно было предположить восходящее ударение (ср. Опыт диалект. карты, 87 стр.). Здесь же наблюдается цоканье и чоканье с мягкими *ц* и *ч* и даже со звуками средними $ц^{ъ}$, $ч^{ъ}$ шепелеватыми. Есть говоры и не цокающие. Группа эта занимает очень обширную территорию, поэтому в ней замечается разнообразие в мелких особенностях.

5. Владимирско-Поволжскую группу, обнимающую остальную часть окающих говоров, расположенных по Волге до границы с южновеликорусскими и вообще акающими говорами. Соседство последних сказывается в произношении *ѣ* как *е*, и лишь кое-где в предударном слоге как *о* (рёка́, в лёсу́). Естественно, что и *е* безударное перед твердыми согласными переходит в *'о*(*ё*): нёсла́, будёт, дайтё. Цоканье и чоканье далеко не повсеместно; заметно его убывание. В слогах непредударных в Поволжьи редко наблюдается *о*, а чаще *у* (угоро́т, уддава́ть), наблюдается здесь и редуцированный гласный и вообще заметна склонность к аканью.

На что следует обратить внимание при изучении северновеликорусских говоров, отмечено в „Программе для собирания особенностей северновеликорусских говоров“, изд. Р. Акад. Н. в 1896 г., и в „Программе“ Моск. Диалект. комиссии (Р. Ф. В. 1911 №№ 3—4).

Переходные говоры от северновеликорусских к южновеликорусским („средневеликорусские“).

Уже несколько раз упоминались нами переходные говоры. Происхождение их вполне естественно в виду постоянного общения пограничного населения. Основа этих говоров в большинстве случаев северновеликорусская, но среди них под влиянием южновеликорусов и литературной речи прежде всего распространяется аканье, затем исчезает цоканье;

с другой стороны, с.-вел. г—g вытесняет южновел. г—h. Памятью о с.-вел. основе служит удержание во многих местах *е* безударного (село́, гледи́, река́). Во всех таких говорах преобладает род. п. у прилагательных и местоимений на *-во* (каво́, зло́ва).

Так как средневеликорусские говоры длинной полосой тянутся с запада на восток по всей территории великорусского наречия, то естественно, что в разных местах в них отражаются черты тех или других групп с.-великорусского и южновеликорусского поднаречий, соприкасающихся между собою. На самом западе в Псковской и Тверской губерниях заметно и соседство белорусского наречия.

Довольно подробно „средневеликорусские“ говоры рассмотрены в „Опыте диалектологич. карты“, стр. 32—47.

Белорусское наречие.

Источники и пособия.

Для знакомства с белорусской речью мы имеем в качестве источников, кроме живого языка, главным образом народные произведения, притом записанные не особенно давно. Дело в том, что белорусское племя обратило на себя сериозное внимание исследователей только со времени польского восстания, т.-е. с шестидесятых годов XIX столетия. Правда, было некоторое знакомство с белорусским языком и народностью и раньше этого времени, но все это отличалось неясностью, неопределенностью, разными недоразумениями: не знали даже, к какой народности следует отнести белорусское племя. Однако и первое зарождение изучения белорусской народности, хотя и не дало ничего особенно выдающегося, все же заслуживает упоминания. Начало его относится к первой четверти XIX столетия, когда под влиянием романтизма всюду в литературах зарождался и усиливался интерес к изучению народностей. Белоруссия в рассматриваемое время, хотя и была под властью русских, но по разным недоразумениям находилась в полной польской опеке; поэтому и первое изучение её естественно началось на польском языке. В журналах, издававшихся в то время в Вильне, попадались статьи, дающие материал по мифологии, преданиям и языку белорусского племени. Отсюда разные сообщения изредка заходят и в русские журналы. Но все это были только зачатки изучения народности и языка.

Более замечательные для наших целей труды попадаются только, начиная со второй четверти XIX ст. Тут прежде всего замечательны собрания *Я. Чечота* († 1847). Друг и товарищ Мицкевича по университету, Чечот отличался любовью к народу, проистекающею из общего романтического увлечения последним. Во всех его работах преследуется цель—развить в помещиках и вообще в интеллигентной части общества участие к народу. Чечоту принадлежит 6 книжечек, выходивших с 1837 по 1846 г., носящих приблизительно сходное название: „Piosnki wieś-

niacze znad Niemna i Dźwiny". Однако не все 6 книжек отличаются одинаковым достоинством: первые представляют не подлинные белорусские песни, а польские переводы и подражания. Наиболее любопытна 6-ая книжка; тут не только даются подлинные белорусские песни, пословицы, поговорки, но также делается попытка очертить главнейшие звуковые и морфологические особенности белорусской речи и приложен указатель более редких слов.

В это же время появилась книга *Е. Тышкевича* „Opisanie powiatu Borysowskiego" (Вильно 1847), дающая, кроме разных статистических и исторических сведений, не мало любопытных описаний обрядов с сопровождающими их песнями. Тут между прочим напечатаны записи, сделанные еще в 1800 — 2 г. Таковы первые труды по белорусской этнографии: они вышли из-под пера лиц, считавших себя поляками, и поэтому не всегда достаточно чутких к русским особенностям белорусского наречия.

Не лучше были и первые русские работы на этом поприще. Более серьезно поставлено дело в записях, помещенных в I, II и III томах „Этнографического сборника" (1853—1854 г.), где вместе с другими сведениями сообщаются и интересные лингвистические данныя, касающиеся белорусской речи в губ. Виленской, Гродненской и Витебской. Материалы по белорусскому наречию в расматриваемое время нашли место и в „Известиях Академии Н. по Отделению русск. яз. и слов.", где помещены, напр., пословицы, собранные Носовичем (краткая редакция) 1852 г., или белорусские слова, собранные во время командировок *С. Микуцким* в 1854 г.

Настоящее более или менее научное изучение белорусской народности начинается только с 60-х годов, после польского восстания. Тревожные события последнего заставили внимательнее отнестись к той народности, в пределах которой, больше без ее ведома, нашли арену для действия разные политические страсти. Нужно было решительно определить этнографические отношения края, чтобы дать удовлетворительный ответ на толки западной дипломатии и печати, не яснее самих русских представлявших состав населения края. Являются поэтому исследования статистические, географические, исторические и этнографические; даются наконец, вполне удовлетворительные записи и по языку. Тут отметим книгу *П. Бессонова:* „Белорусские песни" (М. 1871). В основу этого собрания положены песни, доставленные из разных мест Белоруссии П. Киреевскому. Во время службы в Зап. крае самому Бессонову пришлось несколько познакомиться с белорусскими говорами, но, вероятно, не в достаточной степени: в его

сборнике сильно сказывается непоследовательность в орфографии и стремление подправлять белорусские звуки и формы на великорусский лад. Это и, естественно, так как Бессонов, по его словам, несколько раз переделывал правописание песен (большинство их было записано польской азбукой). Впрочем главные особенности белорусского наречия, можно сказать не нарушены.

В это же время на поприще собирания произведений народного творчества действовал один очень плодовитый этнограф, действительно не мало подвинувший вперед своими трудами дело изучения белорусской народности,— разумею *И. И. Носсвича* (1788—1877). Белорус родом, получивший образование среди белорусов и действовавший после на педагогическом поприще на родине, он хорошо был знаком с белорусским наречием и народной поэзией. Одного только у него недоставало — надлежащей филологической подготовки; но в этом отношении он не отличался от своих современников. Начало его деятельности на почве собирания народного белорусского творчества относится к 1852 г., когда в прибавлении к „Известиям А. Н. по Отд. р. яз. и сл." помещены были его „Белорусские пословицы и поговорки". Впрочем эта работа особого значения не имеет, и она появлялась еще несколько раз в дополненном виде. Лучшее их издание 1874 г. Тут дано такое обширное собрание белорусских пословиц, какого до сих пор не удавалось сделать никому. Но едва ли не главный труд Носовича „Словарь белорусского наречия" (Спб. 1870). Хотя он и не отличается достаточною полнотою и хотя мало цены имеет для фонетики языка, однако во всех остальных отношениях он является незаменимым. Кроме живых слов теперешнего белорусского языка, здесь дано не мало материала и для понимания старого западнорусского наречия. Наконец, собирание Носовича простиралось и на песни. Его „Белорусские песни" напечатаны в „Записках Географ. Общества по отд. Этногр.", т. V (1873). Многие из песен записаны самим собирателем, но не мало заимствовано и из прежних изданий. В научном отношении особой ценности не имеют.

В той же самой книжке „Записок Г. О." (т. V) напечатан первый сборник белорусских песен *П. В. Шейна* († 1900). С этим этнографом мы уже имели случай встречаться в обзоре работ по изучению великорусского племени. Он тоже уроженец Запад. края. Свои собирания белорусских песен Шейн начал, будучи учителем в Витебске, но записывал больше не сам, а пользовался помощью своих многочисленных сотрудников, число которых постепенно разросталось. Хотя многие из последних, несомненно, были на надлежащей высоте, однако в записи

вкралось много неточностей. Последние особенно сказываются в его сборниках позднейшего времени. Шейну принадлежат: „Белорусские песни“ (Зап. Г. О. V, 1873, отдельно 1874). Эта книга, а особенно программы, разосланные автором ее, усилили собирание произведений белорусской поэзии, доставившее богатый материал для других сборников Шейна, равно и для изданий других лиц. Так с 1887 по 1902 г. вышло 4 объемистых книги „Материалов для изучения быта и языка русского населения северозападного края, собранных и приведенных в порядок Шейном“ (Спб. т. I, ч. 1 и 2, т. II и т. III). Здесь даются преимущественно этнографич. материалы: описания обрядов, жилища, жизни и т. п., но и для изучения языка есть не мало интересного.

В то же время, когда составлялись сборники Шейна из разных записей, доставленных составителю добровольно, делалось подобное же собрание из материалов, истребованных оффициальным путем могилевским губернатором *Дембовецким*. Им издан „Опыт описания Могилевской губ.“ в трех книгах (Могилев на Днепре 1882—1884). Лингвистический материал содержится в I томе. Несмотря на то, что это издание сделано не специалистами, оно все же дает много интересного в лингвистическом отношении.

Одновременно с Шейном и, вероятно, не без влияния его программ начал свою собирательскую деятельность *Е. Р. Романов* (1855—1921), выпустивший „Белорусский сборник“, I—IX вып. (Киев, Витебск, Могилев, Вильно 1886—1912). Тут, кроме песен, есть еще сказки, заговоры, апокрифы, духовные стихи, описание быта белоруса и словарь условных языков. Большинство произведений записано самим автором, все время близко стоявшим к народу; в этом ценность его сборника. Еще в рукописном виде в Отделении русск. яз. и сл. РАН хранится собранного им материала листов на 100 печ. Витебских народных говоров он касается в работе: „Материалы по исторической географии Витебской губ.“ (Могил. 1898). Губернии б. Гродненской посвящены 2 тома, изданных под редакцией Романова „Материалов по этнографии Гродненской губ.“ (Вильно 1911—1912).

Губерния Смоленская, большая часть которой тоже заселена белорусами, мало изучалась в отношении языка. Истинным этнографом её явился *В. Н. Добровольский* († 1922), выпустивший в Записках Г. О. четыре части „Смоленского этнографического сборника“ (Спб., М. 1891—1903). Ему же принадлежит „Смоленский областной словарь“ (Смол. 1914), изданный на средства РАН.

Кроме чисто этнографических сведений, не мало и лингвистических материалов имеется в разных работах *Н. Я. Никифоровского* († 1910),

касающихся главным образом Витебской Белоруссии. Таковы: „Очерки Витеб. Белоруссии“ (Этногр. Обозр. 1892—1899); „Очерки простонародного житья-бытья в Вит. Белоруссии и описание предметов обиходности“ (Вит. 1895); „Простонародные приметы и поверья“ (Вит. 1897); „Простонародные загадки“ (Вит. 1898); Белорусские песни „Частушки“, изд. под редакцией Занкевича (Вильна 1911).

И польская новейшая этнографическая литература не забывает Белоруссии. Так в издании Краковской академии „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“ появилось несколько довольно интересных статей, посвященных занимающему нас предмету. Так в V т. находим „Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego“ *В. Дыбовского*. Тут же напечатаны сборнички *Верниг*, один даже с предисловием Карловича о белорусском наречии; в XVI и XVIII т. записи *И. Бодуэна-де-Куртенэ* из Сокольского уезда Гродн. г. На смену „Zbioru“ явились „Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne (с 1896 г.), где также есть статьи, касающиеся белорусской этнографии. Еще назовем труд *Э. Клиха*: Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego (Kraków. 1903). Наконец, *М. Федеровским* предпринято обширное издание, касающееся главным образом белорусской части б. Гродненской губ., под заглавием: Lud białoruski na Rusi litewskiej“. 3 тома (Kraków. 1898—1903). Издание довольно ценное и для суждения о белорусском наречии [1]).

Таким образом для ознакомления с живым белорусским наречием мы имеем из разных мест записи народных произведений. Но белорусское наречие имело и литературную обработку в форме *старого западнорусского языка*. Сохранилась масса грамот и актов, порядочное количество рукописных книг—богослужебных, библейских, святоотеческих, летописей, хроник, хронографов, беллетристических в повествовательном роде и т. п., а еще более старопечатных книг. В одном только б. Виленском архиве описанных актов до последней войны было свыше 200.000; грамот только до конца XV в. известно больше 130; рукописных книг не юридических с XIV до конца XVI в. известно свыше 80; старопечатных книг с белорусскими особенностями за одно XVI ст. можно указать свыше 30 названий, в том числе такие издания, как Библия д-ра *Франциска Скорины*, напечатанная в Чешской Праге и Вильне с 1517 по 1525, Кальвинский Катихизис *С. Будного*, напечатанный в Несвиже

[1]) Подробное Обозрение литературы по интересующему нас предмету имеется в *нашей* книге „Белорусы“, I т. (Варш. 1903), стр. 199—340, а также во II т., вып. 3 (дополнения и поправки).

1562 г., Евангелие в переводе *В. Тяпинского* ок. 1580 г., Литовский *статут* 1588 г., напечатанный в Вильне, и др. [1]).

В XIX столетии делались попытки и *литературной обработки* простого народного белорусского языка. Тут можно назвать стихотворения *Я. Чечота* (несколько), *В. Ровинского*, который написал на белорусском наречии, в подражение Котляревскому, Энеиду на изнанку, где под видом героев Вергилиевой поэмы изобразил быт состоятельных белорусских поселян (ср. *наше* издание в Сборн. Харьк. И.-ф. общ., XVIII, 143—172). Таким же писателем был *В. Дунин-Марцинкевич*. Из его произведений назовем „Sielanka“ (Вильна. 1846) и „Напоп“ (Мин. 1855). Он же перевел на белорусское наречие „Пана Тадеуша“ Мицкевича (1 ч. В. 1856). Похож на Энеиду по стиху и живому языку, отчасти по содержанию „*Тарас на Парнасе*“ (поэма). Но особенный расцвет белорусской литературы приходится на XX ст., когда после 1905 г. явилось несколько выдающихся писателей, выступавших больше под псевдонимами. Таковы, напр., *Ф. К. Богушевич* (Мацей Бурачок), *Я. Неслуховский* (Я. Лучина), *И. Д. Луцевич* (Янка Купала), *К. М. Мицкевич* (Якуб Колас) и мн. др. Они успели уже написать и напечатать много произведений стихотворных и прозаических разного рода, больше изображающих белорусскую жизнь и природу, а также тяжелое положение крестьянства и рабочих [2]).

Переходим к *пособиям* по изучению белорусского наречия. Так как собирание произведений белорусской поэзии началось сравнительно поздно, то, естественно, и научное изучение белорусского языка относится к позднейшему времени. Из общих трудов, касающихся между прочим и белорусского наречия, назовем известную работу *Потебни* „О звуковых особенностях русских наречий“ (Фил. Зап. 1865), где белорусское наречие рассматривается, как разновидность южновеликорусского. Кое-что можно найти и у *Колосова* в книге „Обзор звуковых и формальных особенностей народн. русск. языка“ (Варш. 1878). Довольно обстоятельно белор. наречие обрисовано в книге *Соболевского*: „Опыт русск. диалектологии“ (Спб. 1897). Главные черты указаны и в статье *Шахматова*: „Русский язык“ (Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, и отдельно сборник „Россия“. (Спб. 1900). Из общих работ последнего времени, касающихся и белорусского наречия, следует на-

---

[1]) Перечисление этих изданий и рукописей в *наших* „Белорусах“, I т., 357—368, 368—405, и т. III, 2 вып. (Птгр. 1921).

[2]) Новая Белорусская литература рассмотрена *нами* в III т., 3 вып. „Белорусов“ (Птгр. 1922).

звать „Опыт диалектологич. карты“ *Дурново, Соколова и Ушакова* (Москва. 1915), „Диалектологич. разыскания в области великорусских говоров“ *Дурново* (М. 1917, Шамордино 1917—1918), „Очерк древнейшего периода истории русск. языка“ *Шахматова* (Птгр. 1915 из Э.С.Ф.).—Из специальных работ, посвященных белорусскому наречию, отметим *Недешева* „Исторический обзор главнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров“ (Р.Ф.В. XII, 1884). Тут отчасти дается и историческое освещение тех или других черт; *Владимирова И. В.* „Доктор Фр. Скорина, его переводы, печатные издания и язык“ (Спб. 1888). Затем следуют *наши* работы, начиная с „Обзора звуков и форм белор. речи“ (М. 1886), „Белорусы“, т. I—III, всего семь книг (Варш. 1903—1912, Москва 1916 и Петроград 1921—1922). Тут объединены и материалы других работ. Извлечение из „Белоруссов“ представляет „Белорусская речь“ (Птгр. 1916).—Есть и несколько грамматик белорусского литературного языка, напр., „Белорусская грамматыка для школ“ напісаў *Б. Тарашкевіч* (Вільня, 1918).—К числу пособий следует также отнести 3-ью „Программу для собирания особенностей народных говоров“ (моя редакция), изд. Академией Наук (Спб. 1897, 2 изд. 1916), и ответы на эту программу под общим заглавием: „Материалы для изучения белор. говоров“ (вышло 34 N-ра) [1]).

Границы белорусского племени и языка.

Белорусское племя занимает, говоря вообще, западное положение в отношении к великорусскому, а к малорусскому — северозападное, представляя на своих границах смешанные, переходные к тем и другим говоры [2]). На западе оно соприкасается с поляками, литовцами и латышами (в Польше, Литве и Латвии). Граница эта примерно может быть проведена, направляясь с запада на восток,—со стороны великорусов — по самым южным частям уездов Опочецкого, Великолуцкого и Торопецкого Псковской губернии, по югозападным окраинам Осташковского и Ржевского уездов Тверской г. (в последнем по верховьям р. Туда); далее граница опускается на юг по Смоленской г., захватывая в белорусскую область Бельский, Поречский, Духовщинский, Смоленский, Красненский, Рославльский (отчасти со смешанным населением), Дорогобужский и Ельнинский уезды (кроме восточных окраин

[1]) Подробно о пособиях написано в „Белорусах“, I т.. стр. 341—421.

[2]) О смешанных говорах в „Опыте диалектологич. карты“, а также у *Дурново*: „Диалектологич. разыскания в области великор. гов.“ (М. 1917).

двух последних); затем она касается самой западной части Жиздринского у. Брянской губ. и подходит к р. Десне, отделяя в Белорусскую область две крайние волости Брянского уезда и несколько деревень Трубчевского; по Десне граница подходит к Черниговской губ., отделяя уже белорусов от малорусов. Здесь она идет в югозападном направлении по северным частям Новгородсеверского у. и далее до границы с Гомельской губернией, захватывая в белорусскую область уезды: Мглинский, Стародубский, Суражский, Новозыбковский, часть Городнянского (во всех уездах смешанное население); от м. Любеча граница спускается вниз по Днепру до рубежа Речицкого у. с Киевской г., захватывая весь Речицкий уезд в белорусскую область; у Мозыря она направляется по р. Припяти на запад до пересечения ее границей б. Пинского уезда [1]) и далее до впадения в нее р. Бобрика; по этой последней граница идет на северозапад и до оз. Выгоновичского; затем на югозапад по границе б. Гродненской г. до оз. Черного и далее на запад через Пружаны, Беловеж к р. Нареву до м. Суража; отсюда почти по прямой линии на север до г. Августова б. Сувалкской г. Северозападная граница, начиная от Августова, сначала ломанной линией идет на восток по Августовскому и Гродненскому уездам, затем по Лидскому и Ошмянскому б. Виленской губ., а далее, не доходя г. Вильны верст на 40 с югозапада, запада (в Трокском у.) и севера (в Виленском у.), в Свенцянском у., переходит почти в северное направление, захватывая восточный угол Новоалександровского у. б. Ковенской губ. и восточную часть Иллукстского у. б. Курляндской губ., к р. Зап. Двине северо-западнее Двинска. Затем граница идет на восток до м. Придруйска, а отсюда ломанной линией на север по уездам Дриссенскому и Люцинскому Витебской губ. примерно до ст. Корсовка Северозападных железных дорог [2]).

В очерченном пространстве белорусы составляют главную массу населения, простирающуюся до 10 миллионов. Громадное большинство белорусов—православные, но на б. западных окраинах имеются и католики, в Сувалкской и отчасти западных уездах Гродненской, Виленской и Витебской, а также в восточных уездах Ковенской и Курлянд-

---

[1]) По Рижскому договору нижеследующая часть Белоруссии уже входит в область Польши, Литвы и Латвии.

[2]) Подробное определение границ Белорусского племени с картой имеется в нашей книге: „Этнографическая карта Белорусского племени". Труды по изучению племенного состава населения России. 2. Петроград. 1917. Издание Российской Академии Наук. Перепздание этой работы (Пгр. 1918) сделано Белорусским Областным Комитетом.

ской — составляющие большинство; в незначительном количестве католики имеются и в других губерниях [1]).

Образование белорусской народности и языка.

Современная белорусская речь сложилась постепенно, исторически, из языка тех древнерусских племен, которые преимущественно в эпоху литовского господства легли в основу белорусской народности. Насколько можно судить по сообщению нашей Начальной Летописи, эти племена были дреговичи, радимичи и отчасти кривичи (полоцкие и смоленские). Сближение этих племен особенно усилилось в период удельно-вечевой жизни русского народа, но окончательно сплотило их в одну белорусскую народность литовское владычество в XIII—XIV веках. В это же время и отчасти позже белорусы в некоторых местах ассимилировали себе северян, вятичей и даже некоторые литовские племена, напр. ятвягов и голядь. Образовавшаяся таким образом белорусская народность и ее язык в духовном отношении совершенно покорили себе литовцев: последние начали перенимать у западнорусов нажитую ими цивилизацию, постепенно усваивали язык и даже православную религию. Уже при Ольгерде литовское правительство нашло необходимым признать русский язык оффициальным; за правительством последовало и высшее общество.

В рассматриваемое время белорусская речь уже заключала в себе почти все те фонетические и морфологические особенности, которые характеризуют ее звуки и формы теперь; лишь словарный ее состав и синтактическая сторона продолжали изменяться и в последующее время, в эпоху польского владычества и влияния, которое было довольно значительно уже в XV и особенно усилилось в XVI веке и в последующее время до окончательного присоединения Западной Руси к Восточной. Возникшие в Литовско-русском государстве сеймы, городское самоуправление, стоявшее в связи с появлением Магдебургского права, призывавшие к государственной жизни и деятельности высший и средний — городской классы общества, заставили обратить особое внимание на язык, как главный проводник общественных интересов. Господствовавший тогда литературный язык, общий западной Руси и восточной, полный церковнославянизмов, для указанных целей оказался неподходящим, как уже раньше он был признан неудобным для грамот и актов. Вследствие сказанного для выражения общественно-государственных

[1]) Ср. ib., 27. В 1897 г. всего было: православных 4.661.966, католиков 1.050.285 чел.

интересов нужно было прибегнуть к языку народному; а так как в нем многих терминов для выражения новых понятий не было, то пришлось брать их из других языков, и прежде всего из польского и при посредстве его из западных языков, так как с ним были знакомы, вследствие частых общений с Польшей, высший и отчасти средний классы. Когда вследствие распространения политической и религиозной унии с Польшей (в конце XVI в.) усилился в Белоруссии польский католицизм, влияние польского языка на народ и на духовенство стало особенно заметно [1]).

Следствием всех указанных причин было то, что выработавшийся к концу XVI века литературный западно-русский язык изобиловал массой полонизмов, конечно преимущественно в словаре; рядом с ним существовал язык простого народа — довольно чистый русский язык, тоже не свободный от полонизмов, но вообще говоря — имевший их мало. Фонетические (в звуках) и морфологические (в словообразовании) особенности в том и другом языке развивались сообща, сходно; но синтаксис в литературном часто отступал от народного, а словарь еще больше расходился особенно в произведениях переводных. В более неаккуратных из них польский оригинал часто только переписывался русскими буквами, да в фонетике и морфологии отчасти исправлялись явные полонизмы. Играть роль литературного и оффициального языка ему пришлось долго. Лишь в самом конце XVII в. он был вытеснен из судебноадминистративной практики польским языком, но в других областях он продолжал существовать (хотя и был большею частью заключен в польское письмо) до конца XVIII столетия. Народный белорусский язык живет до сих пор.

Главнейшие особенности белорусской речи.

В основу белорусского языка легла западная ветвь среднерусских говоров; вследствие этого естественно, что он находится в самой близкой связи с южновеликорусским наречием, и многие черты последнего свойственны и белорусским говорам; поэтому в пограничных местностях часто бывает нелегко отличить белорусов от южновеликорусов. Особенно роднит их с последними усиленное аканье (обращение и *е* в *а*): нясу́, бядá, а также звук *г*=*h*. Однако, прислушавшись к речи белорусов, можно заметить у них и особые черты, отчасти исключительно им

[1]) Подробнее об этом можно читать в наших „Белорусах“, III, вып. 2, в главе: „Выступление народного языка в Западной Руси в роли литературного органа“.

свойственные, отчасти общие с малорусами. Эти особенности следующие: 1) появление *дз* и *ц* мягких вместо *д* и *т* мягких: хадзи́ць (иногда этих свистящих звуков и не бывает); 2) возникновение *ў* краткого на месте *у* безударного, стоящего перед согласными: ўмёр; на месте предлога *въ*: ўкинуў ў мѣх, и — что особенно характерно — на месте *л* в прошедшем времени и некоторых других случаях, где оно (при ст.-сл. *лъ*) из др.-русск. *ъл*: быў, прасиў, поўны; 3) усиленное произношение согласных, доходящее до удвоения их, в тех случаях, когда им приходится стоять перед j: Илля́, вясе́лле; 4) появление слогов *ыі*, *иі* вместо великорусских *оі*, *еі*: мыю — мый, пий, шыя, злый; 5) неумягчительность *р* в одних говорах и смешение *р* твердого и мягкого в других: гавару́, я ряд (доволен); 6) появление *дж* вместо *ж* обыкновенно в глагольных формах: гляджу́; 7) сохранение в склонении перед *е* из старого *ѣ* переходного смягчения задненёбных: на паро́зе, ў ла́ўце, при стре́се; 8) употребление множественного числа при 2—4 в мужеском роде: два ваўкі́, и возможность двойственного числа после тех же числительных в женском и среднем родах: три бядзе́, дзве́ сяле́; 9) существование звательной формы, хотя обращение к ней и не обязательно: сы́нку, чалаве́че; 10) особый вид повелительного со звуком *е* из старинного *ѣ* во множественном числе: идзе́м, купе́ця; 11) отсутствие именительного падежа множ. ч. на *-а* у слов мужеского рода; паясы́ или паясэ́, лясы́ или лясэ́; 12) употребление в вопросах частицы *ци* (ти) и *чы*: ци гэ́то ты сказа́ў? Есть и другие черты.

Если рассматривать во всей совокупности особенности белорусского наречия, как исключительно ему свойственные, так и общие с южновеликорусскими и малорусскими говорами, то оно окажется совершенно оригинальным организмом, сложившимся исторически уже давно. В настоящее время в белорусской речи можно указать даже несколько говоров, но все они связываются основными общими чертами.

Особенности в звуках.

Гласные.

В белорусских говорах, как и в южновеликорусских, те или другие изменения гласных находятся в большой зависимости от ударения в слове. Кроме того, на изменение гласных оказывают влияние: место их в слове, качество соседних согласных, открытость или закрытость слога, характер гласных в соседних слогах, стремление к диссимиляции вокального элемента слогов и т. п. обстоятельства.

Из явлений в области безударных гласных первое место занимает а́канье [1]). Как и в некоторых южновеликорусских говорах, белорусское аканье распространяется и на *е*, которое, будучи без ударения, также переходит в *а* с предыдущей мягкостью согласного (орфографич. *я*). Современные белорусские говоры не все имеют одинаковую огласовку безударных *о* и *е*: в одних эти звуки всегда переходят в *а—я*, в других такой переход еще зависит от места данного слога по отношению к ударению: слоги, предшествующие ударяемым, обыкновенно больше акают, нежели следующие за ударяемыми, да и из предшествующих слоги, более удаленные от ударения к началу слова, менее явственны. Самый характер безударных гласных в разных местностях бывает различен: в одних более явственный, в других более глухой; в одних *о—е* ближе к *а—я*, в других—почти совпадают с *ы—и*; кое-где в известных слогах можно наблюдать и довольно явственные безударные *о—е*. Преобладающее белорусское произношение—сильное аканье: хажду́, тапары́, маладо́га, ро́дам; вярни́ся, у мяне́. зяляно́, слу́хайця, во́сянь. Но в некоторых местностях видим иное. Так, если провести линию примерно от Новозыбкова через Могилев, Борисов, Свенцяны, то в местности, лежащей к юго-западу, наблюдается умеренное аканье, состоящее в том, что в слогах, непосредственно следующих за ударяемыми и во вторых от ударяемых к началу, может быть почти явственное *о—е*: по́водам, ци́хога, молады́, бра́цейка, зеляно́, перабу́дзя. Переходу в *а—я* подвержено и *е* из *ѣ*: цана́, сяку́. В местностях, прилегающих к Припяти и Нареву, аканье еще слабее. Некоторые говоры, соседние с великорусскими, в северовосточной части Белоруссии (уезды Витебский, Велижский, Дисненский, Быховский, южные окраины Псковской губернии, Бельский, Духовщинский и Поречский Смоленской губ. и некоторые другие места), вместо перехода безударных *о—е* в *а—я*, обращают их большею частью в *ы—и* (звучащие довольно глухо), хотя и не во всех слогах: чаще *ы—и* бывают во втором слоге перед ударяемым и в непосредственно следующем за ним, а также перед слогом с а: мыладе́нчы, пыляде́в, быга́тыму, на́ныч, з ба́бый; иногда *ы* заходит и в другие слоги, обыкновенно перед *а* ударяемого слога: дыбра́, спыдыба́ла. Это так называемое диссимилятивное аканье: перед *а* бывает *ы*, но если в следующем слоге не *а*, а другой гласный, то безударное *а* сохраняется (травы́, вады́, го́раду и т. п.). Сюда же конечно принадлежит и появление *ы* на месте безударного *а*,

[1]) Много ценного материала собрано и освещено у *Дурново* во II вып. „Диалектологич. разысканий", стр. 12 и след.

которое по своему звуку ничем не отличается от безударного *о*: зыкылацíлыся, выгныла, плáкыць, незышто. Когда стал возможен рассматриваемый переход безударного *а* в *ы*, то явилась и возможность и обратного перехода *ы* безударного в *а*: палáя, жалáў *ба*, пасалáець Черик.; даже на месте *ы* вторичного из *и*, стоящего после *р* и шипящих: товáрашов, часлó Горец., спрáшаваець.

При тех же условиях, при которых происходит переход *о* в *ы*, а также особенно в положении между мягкими согласными, наблюдается и переход *е* в *и*: ни баю́ся, бирягý, пярисыпáючы, бýдзиць, разсéимся, зилянéнький. Из приведенных примеров уже можно видеть, что замена *е* посредством *и* не всегда аналогична такой же замене *о* посредством *ы*; действительно: пирида мнóй, ни далитáя, пиранясý, иныы (они из ёны—ены) и под. имеют *и* как бы по другим законам; здесь переход *е* в *и* чередуется или бывает одновременно с переходом *е* в *а* (*я*), чего нельзя сказать относительно *о* безударного, переходящего в *ы*; да кроме того — переход *е* в *и* распространен и на бóльшем пространстве, нежели *о* в *ы*, не только в северо-восточной Белоруссии. Совершенно аналогичны появлению *а* на месте *ы* и редкие случаи возникновения *е* на месте *и*: дóсець (польск. dosyć), станцея, истенный.

Если по поводу аканья обратимся к истории языка, то окажется, что ослабление безударных слогов, сказывающееся в качественной и количественной редукции гласных, восходит уже к XII в. (ср. Белорусы, I, 97); предположение это однако только теоретическое; несомненные следы белорусского áканья по памятникам можно отметить лишь с XIV в. Вот несколько примеров: *Алкердъ* 1359 г., *Аѳофрей* 1399, *абою* 1478, *стаить* ib., *вясло* 1489, *жана* XV в., *плѧма* (чит. *плямя́*) XVI в. (ср. Белоруссы, II, вып. 1, стр. 137—143, 202—205). Случаи с *и* вм. *е*: *клиния́ся*, *мертвица́* 1459, *звинал* XV в. и др. (Белорусы, II, 1, стр. 219—220).

Совершенно противоположное рассматриваемым явлениям, но также обусловленное безударностью гласных, представляет из себя переход безударного *а* с предыдущей мягкостью согласного (орфограф. *я*) в *е*; особенно распространен этот переход перед следующим твердым согласным, а также в возвратном местоимении *сѧ*: баю́се, каледа́, светы́, по́еса. Как можно видеть из приведенных примеров, в указанном положении в *е* может переходить всякое *а* (*я*), какого бы оно происхождения ни было: из *ѧ* и *а*. Явление это впрочем не общебелорусское, чаще оно наблюдается в югозападной Белоруссии. Такое *е* из *а* может возникнуть и тогда, когда последнему придется стоять между мягкими согласными: гледзючы́. Такое *е* из *а*, будучи безударным,

может переходить в *и*, так что с первого взгляда покажется, будто *и* стоит на месте *а*: ц*и*жа́рная (при ця́жки), *и*кова́, усто́*и*ла, вы́ц*и*нуў. Последний переход более обычен в северовосточной и восточной Белоруссии.

Старинные памятники в большом количестве дают примеры появления *е* на месте *а*: *Е*рополкъ 1489, по*е*сы XVI в., де*е*ло 1588, паметь Скор., по*и*совый XV в. (ср. Белорусы, II, 1, стр. 219).

В полной зависимости от ударения в теперешней речи находится переход ударяемого *е* (из ѣ и ь), стоящего после мягкого согласного или j и перед твердым согласным, а также на конце слов, в о с предыдущей мягкостью согласного (ё): людзём, зялёный, ўсё. Здесь, значит, такое же явление, как и в южновеликорусских говорах; те же и отступления от выставленного положения, но есть и исключительно белорусские особенности. Так вместо ожидаемого *о* (ё) имеем *е*: а) во многих местах Белоруссии в женском и среднем родах ед. ч., в именительном множ. ч. формы прошедшего на *л*: ўмёр — ўме́рла — ўме́рло — ўме́рли; здзёр — здзе́рла и т. д., где ударение на *е*, больше вторичное, позднейшего происхождения; б) в окончании глаголов настоящего времени: бяру́, -е́ш, -е́, -е́м, -е́ця, где возобладало влияние образований с *е* перед мягким согласным или бывшим таковым (-ешь, -ець, -еця); в) в именительном и винит. множ. ч., а также в родит. падеже един. ч. некоторых местоимений, где это *е* отчасти равно др.-русскому *ѣ*: маé, мяне́, цибе́; г) перед шипящими по памяти о старинной мягкости последних; адзе́жа, грабе́ж, лещ, лямéш; д) в некоторых отдельных словах: е́лка, кле́пка, ле́гчы. С другой стороны имеем *о* (ё) там, где ожидали бы встретить *е*, так как ему приходится стоять перед мягким согласным: ёсць (вопреки всем другим глаголам, знающим в таких случаях *е*: нясе́ць); по аналогии образований с гласным *о* неумягчительным имеем ё: ранёсенька (при рано), ёй (как той), чистоё полё (как велико село); в говорах, соседних с малорусскими, иногда встречаем *о* (ё) вм. *е* и перед ударяемыми слогами: ёна́, ў мёду́. Звук *о* (ё) имеем иногда и на месте *е* = *ѣ*: гнёзды, вёдры, побёг, „Ці ў бясёды час які“ Н. Ніва 1914 № 48, но звезды, цвиў.

Появление *о* (ё) на месте *е* перед несмягченным согласным явление исконное в русском языке: уже в прарусском языке всякое *е*, стоявшее не перед смягченным согласным, превращалось в ö, которое в дальнейшей жизни языка в одних говорах переходило в *о* с предыдущей мягкостью согласного даже и независимо от ударения, в других, как в южновеликорусском и белорусском наречиях, удержалось лишь под ударением перед твердыми согласными, а без ударения обратилось

больше в *а*. В старом западнорусском наречии на письме это явление нашло отражение лишь после согласных шипящих, *ц* и *р*, подвергшихся вторичному отверденню, вследствие чего явилась возможность писать после них *о* вместо не вошедшего тогда еще в употребление знака *ё*, обозначающего *о* с предыдущей мягкостью согласного; обыкновенно в таких случаях после мягких согласных писали *е* и лишь изредка *о*. Примеры: купц*о*м XIII в., наш*о*дши 1489, ж*о*лчию Скор., сёнтѧбрӧ Арист. Вр. XVI в., сл*о*зы XV в., ѿ дн*о*въ (дней) XVI в.

Отчасти положением под ударением, отчасти другими причинами [1]) объясняется переход *ó*, *á* (редко), *ѣ́* в *э́*, а после задненебных в *é*: тэй гаре, кривэй, такей-сякей, другею рукою, браты тэя паехали, шклянэя вочи, бялэй, крэучык, бочка вадэ и др.; иногда и без ударения: гэ́тэй, чи́стэе и др. Этот переход не общебелорусский: наблюдается он в разных местностях б. Могилевской г., отчасти Витебской и Смоленской Знают это явление также и некоторые соседние великорусские области. Старинным произведениям отмеченный переход неизвестен.

В довольно значительном пространстве югозападной Белоруссии (к северозападу от Минска, Вилейка, Мосты Гродн. г., Свислочь Волков. у.) в зависимости от ударяемости слог аў (из *ав* и *аг*) переходит в оў: трбўка, доў, ўзёў, паклóў, укрóў и т. д. Здесь *а* перешло в *о* перед ў вследствие сильной лабиализации гласного. Иногда это явление наблюдается и вне ударения: вы́трыв*о*ў, ду́моў, д*о*ўнéй и т. д. (ср. Белорусы, II, вып. 1, 84—85). В старинных памятниках это явление не находит отражения.

В зависимости от положения под ударением или вне его находятся изменения и некоторых других гласных. Звуки *у* и *и* (последнее особенно из *jъ*, *jь*), будучи без ударения, когда им приходится выступать в роли самостоятельных слов или же стоять перед согласными в начале, слов, а также в некоторых случаях после гласных предыдущего слова, теряют свой слоговой характер, обращаясь в ў и й: ў минé, ўмéеш, йци, йшоў, на йми́, выймáем и т. д. В старинных памятниках уже с XV в. можно констатировать существование *й* неслогового, сказывающееся в пропуске его на письме (не бо сѧ двце 1489) или в обозначении какими-либо надстрочными знаками (блвеный то моў XVI в.). (ср. Белорусы, II, вып. 1, 271—273). Что касается ў, то его существование уже с XIII в. видно из смешения на письме *у* и *в*, возможное лишь при допущении существования в известном положении звука среднего

---

[1]) Ср. Белорусы, II, вып. 1, стр. 94, 165—170, 285—286.

между ними, каковым является ў: ни нам *в* себе в Смоленьске 1284, *в*ъгорьскимь 1349, *в*же 1499, оў *в*стă XVI в. (в устах) и т. д. (Белорусы, II, вып. 1, 290—293).

Постепенно сокращаясь, гласные безударные могут дойти до нуля и совершенно исчезнуть. Иногда впрочем на такое исчезновение звуков могут оказывать влияние и другие причины, напр., аналогия и народная этимология: наме́ней, споведа́ца, го́лка, гаро́д (огород), е́ткую, твайго́, постнави́, не́йких и т. д. (ср. Белорусы, II, вып. 1, 106—107, 173—174, 227—228, 273—276, 289, 296). Исчезновение тех или других звуков в некоторых случаях произошло давно и засвидетельствовано старинными памятниками (дсмнноули XV в., зане бъ тогда XV в.), в других оно происходит на наших глазах.

С положением гласных под ударением или вне его приходится считаться и тогда, когда идет речь об изменениях и других гласных, так как только ударяемые слоги и будут вполне явственны, хотя бы их характер зависел от других причин, напр., от качества соседних гласных или согласных, от положения в открытом или закрытом слоге и т. п. Так древнерусский *ѣ*, совпавший в белорусском наречии по своему звуку с *е*, в большинстве случаев подвергается и тем же изменениям, что и *е*, напр., будучи безударным, переходит в *а* и *и* (бя́да́, стра́ла́, ў ле́ся в одних говорах, напр. северозападных, и би́да́, стри́ля́ць, ў ле́си—в других). Впрочем в да́тельно-местном падежах, в случае безударности окончания, *и* преобладает. Решительно отличается по своей судьбе *е* из *ѣ* в том случае, когда оно, будучи ударяемым, стоит перед твердым согласным: оно переходит в *е* широкое, а не в *о* (*ё*): свӓт, ля̈с.

Закрытостью ударяемого слога, а в некоторых случаях и помимо ее в южной части белорусской области (южные части Гомельского, Бобруйского, Слуцкого, б. Новогрудского, б. Слонимского и б. Волковысского уездов) следует объяснять появление на месте *ѣ* слишком узкого закрытого звука *е*, притом очень палатального, так что перед ним как бы слышится і̯ несложговое (лі̯ес, сві̯ет); такое произношение можно считать и дифтонгическим. С таким ѣ=і̯е совпадает и *е*, стоящее в закрытом ударяемом слоге перед мягким согласным (пі̯еч, шы̆е̯сць).

В тех же местностях слишком закрыто произносится и безударное *о*, почти как *у*, а ударяемое *о*—*ё* (т.-е. *е* перед твердым согласным) выговариваются слишком лабиально, иногда даже с явным перед ним у̯ неслоговым, т.-е. как дифтонг у̯о (ву̯оз, лю̯од: ср. Белорусы, II, вып. 1, 120—135, 223—227, 240—245). Особенно обычно *у*—*ю* вм. *о*—*е* в сло-

гах закрытых ударяемых: буг, цю́тка. Дифтонгическое произношение *ѣ—е—о* в старинных памятниках отражения не нашло, как очень тонкая фонетическая черта.

Слишком закрытое произношение *о* безударного (и иногда совпавшего с ним *а*) и реже ударяемого, зависящее от положения этого звука по соседству с губными или задненёбными согласными, наблюдается не только в южных местах Белоруссии, но и в других, больше соседящих с ними (уезды Сеннинский, б. Люцинский, Горецкий, Могилевский, Рогачевский, Оршанский и нек. др.); таковы случаи: к*у*маро́во, п*у*горе́ло, сад*у*ва́я, б*у*г*у*ро́дзица, ск*у*зо́ў, г*у*л*у*ву́, б*у́*ляй, х*у́*чаш, вярёвк*у*ю разьмерили, к*у*лю́с, ён вы́рв*у*ў и т. п. По древним памятникам *у* из *о* можно проследить, начиная с XV в., однако в большинстве случаев, вероятно, как полонизмы: щадк*у*м 1408, *у*гарки XV в., ап*у*столо̄ 1489 г. (ср. Белорусы, II, вып. 1, 120).

Соседние с Малоруссией местности знают корень бу- вместо бы-: б*у*ў, б*у*ло́, куда *у* зашло не фонетическим путем, а благодаря действию аналогии настоящего „буду“. В Речицком и отчасти Мозырском уездах наблюдается *у* на месте *ы* и в некоторых других случаях, именно— после губных *б*, *п*, *м* и зубногубного *в*: в*у́*лиў, м*у*, городов*у́*я, м*у́*слями, речки б*у*йстрые и под. Причиной этого явления оказывается слишком лабиальное (как при *о—у*) произношение здесь губных согласных. В отдельных словах и образованиях это явление можно наблюдать и в других местностях. Старинным памятникам оно не известно (ср. Белорусы, II, вып. 1, 282—285).

Прарусские звуки ъ и ь имели ту же судьбу, что и в южновеликорусских говорах, т.-е. под ударением и при нескольких глухих в слове в слогах, стоящих не рядом с ударяемыми, переходили в *о* и *е*; во всех других случаях, особенно на конце слов исчезали, усиливая только гласный предшествовавшего слога. Из белорусских отличий укажем лишь, что в сочетании ъ и ь с *р* и *л* (*ръ—рь*, *лъ—ль*), где в южновеликорусских говорах и литературном языке *р̥о—р̥е*, *ло—ле*, по-белорусски в слогах безударных бывает *ры—ри*, *лы—ли*: кр*ы*ви́ (при кроў), хр*и*сциць (при хрест), бл*ы*ха́ (при блох), сл*и*за́ (при слёз) и под. Здесь, насколько можно судить по данным истории языка, появлению означенных слогов предшествовала утрата ъ и ь безударных, затем следовала в белорусском и малорусском наречиях вокализация *р* и *л*, т.-е. обращение их в слоговые $\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{l}$, а уже при последних с утратой их гласности развились *ы—и*. В старинных памятниках находим отражение указанного явления полностью: крви 1296, смрти 1489, ѡкрвавил XVI в.,

криви XV в., задрыжа̂ 1489, христиче XV в., блыщачися 1580, слыза́ и под. (Белорусы, II, 1, стр. 158—161).

Несколько сходная судьба была в западнорусских говорах и основных славянских сочетаний из согласного + ъr̥, ъl̥, ьr̥, ьl̥ + согласный. Пройдя в общерусском языке ступень ър, ъл, ьр, ьл, последние, если на ъ и ь не падало ударение, исчезали бесследно, а r и l вокализовались и развивали уже перед собой довольно неявственные *ы—и*: дз*ир*жа́ць, ч*ир*во́нцы, к*ил*басу́. Тоже в начале слов на месте старых ръ —ль являются ир—ил: *ир*жа́, *ир*ва́ць, *ил*ьну́; *и* иногда бывает и перед *м*: *им*шо́ю, *им*ховую, и перед другими согласными: *и*гру́шы. Явление это известно и старинным памятникам (Белорусы, II, 1, стр. 316—318). Последние, а также и теперешние живые говоры в качестве приставочного звука перед теми же согласными и некоторыми другими знают еще *о*: таково Орша при древнем Ръша, аржаны́, альняны́й, аўто́рак, амгла́, Амцисла́ў, амши́ць и др. (Белор., II, 1, 315—316).

Иногда *о* и *и* являются приставочными и не по фонетическим причинам: адзе (где, из а + дзе), ис королём, ик цару и т. п. (Белор., II, 1, 316—319).

Звук ь, исчезнув в произношении, оставил по себе след в мягкости предшествовавшего ему согласного. В белорусском наречии и здесь иногда (не повсеместно) замечаются некоторые отступления в этом отношении: имеем вторичную твердость: па́*лц*ы, си́*лн*о, ма́*лц*ы, це́*лн*ый, са́*лц*о и др. (Белор., II, 1, 395—397); находим отражение старинной мягкости, утраченной в теперешней литературной речи: пага́ньства, ру́ськи и под.

Замена основных славянских сочетаний or̥—ol̥, er̥—el̥, стоящих между согласными, еще в прарусском языке в эпоху его единства была *оро—оло, ере—еле*, т.-е. представляла п о л н о г л а с н ы е формы. Во всем объеме это явление унаследовано и белорусским наречием, которое, будучи мало подвержено ц.-славянскому влиянию, даже в большей чистоте отражает его, нежели литературная речь. Старое западнорусское наречие в этом случае является прямым преемником др.-русского летописного языка и речи грамот, давая ц.-славянские формы лишь в памятниках, сильно подверженных ц.-славянскому влиянию; польская огласовка спорадически замечается в переводных произведениях с этого последнего языка. Таким образом, напр., в старом языке и в современном обычны следующие образования: в*оло*дѣти 1432, на*городу* 1480, в*ере*менемъ 1387, с*оро*мѣйся 1489, д*оло*ни ib., новг*оро*дским (Новогрудским) 1588, объг*оло*шонъ ib., с*оло̂*ко XVI в., об*оло*къ 1580, в ч*ере*во

ib., молодица XVI в. и т. д., ворог, нагорóда, болозéй, володоваць, серéдний и т. д. Но кроме такой обычной замены, изредка попадается и другая огласовка плавночастых созвучий: *ера*, *еро*, *ира*, *еры*, *ола*, *еля*: перасущúць, веробъя́ми, серада́, биражóчкам, сéрыбро, золатóму, селязёнычка и под.; или из старинных произведений: золатарев Скор., выстерагатися ib., по горадо́ XVI в., черова Позн. сб. и под. Приведенная огласовка свойственна всему белорусскому языку и в большинстве случаев легко объясняется законами изменения безударных слогов при вторичном отвердении *р*. Вследствие пропуска первого из безударных гласных в полногласных формах получается как бы польская огласовка: кроль, врóны, млыда́я, ва гро́дзе, глóву и под. Все такие случаи далеко впрочем не повсеместны. Есть они и в старинных памятниках, в чем можно видеть и полонизмы (кролю 1393, гроды ib., оуздровилъ 1489, злото XV в., слóкости XVI в. и др.). Бывают редкие пропуски и второго *о*: борнова́ць, корва́ць, зóлзы и под. Можно указать и некоторые другие образования среди полногласных форм (ср. Белорусы, II, 1, стр. 297—308).

На месте прарусских *ы* и *и* не полного образования, явившихся перед j из *ъ* и *ь*, как и в малорусском наречии, бывают *ы* и *и* при великорусских *о* и *е*: сляпы́й, крый, мы́ю, си́ний, напи́йся, шы́ю, змия́ и под. Это явление повсеместное белорусское, подтверждаемое самыми старыми памятниками. Не представляют отступлений такие случаи, как салавей, верабей, гусей, людзей, так как в них *е* ударяемое на месте обыкновенного *ъ* (ср. верабья́); на появление *е* из *ъ* в родительном пад. множ. числа могли повлиять такие образования, как гусёх, людзёх, где *е* из *ъ* не могло перейти в *и*, так как за ним не было j. В восточных белорусских говорах вместо *ый—ий* в некоторых образованиях, между прочим в именительном един. числа явилось э́й—е́й, как об этом уже была речь (ср. Белорусы, II, 1, стр. 276 — 278, 257 — 261).

Согласные.

Выдающейся особенностью всей белорусской речи, не безызвестной и некоторым великорусским говорам, является переход *в*, стоящего после гласных и перед согласными звуками (больше вследствие выпадения между ними *ъ* или *ь*), в ў. Это неслоговое ў бывает разного качества: иногда оно ближе к *в*, а иногда к *у* слоговому, что отчасти зависит также и от места данного звука в речи, особенно если он бывает предлогом: после согласных почти чистое *у*, а после гласных ў неслоговое. Примеры: зави́ ўну́чку, праси́ ўсих, царо́ўны, улéзла ў мех,

пришóў у хáту. В рассматриваемом отношении *в* совпадает с *у* безударным, стоящим в известном положении. Если за предлогом ў из „в“ должно следовать слово, начинающееся с *о* или ы, а иногда и *у*, то после этого предлога развивается призвучное *в* и получается как бы *ўв — ув*: увотри́, увозна́ў, увыйшóў, ўв ўтку; вторично, под влиянием косвенных падежей, развилось ў в слове ўвесь: из ўсяго́, ўсяму́ и т. д. Появление ў неслогового на месте *в* старинным памятникам известно уже с XIII века, только, конечно, памятники не употребляют знака ў, а ставят на месте *в* букву *у*: оуздумалъ 1229, оузяти 1284, унукъ XIV в., оудова 1489 и т. д., оув-огороде XV в., оув-огонь 1489 г. В предлоге *ув* в некоторых случаях можно бы видеть и удвоенный предлог * вьвъ: ни вво што Пс. XVI в. Р. М. № 335 (ср. Белорусы, II, I, стр. 413 — 422).

В ў неслоговое в современном белорусском языке, как и в малорусском, переходит и *л* твердое (обыкновенно из основного русского ъл), когда ему приходится стоять за гласным в слоге закрытом: коўбаса́, моўча́ць, со́ўнышко; такую же судьбу имело *л* в прошедшем времени глаголов в муж. роде: быў, даў. Явившись в слоге закрытом, ў из *л* иногда заходит и в другие образования, хотя бы ему приходилось стоять и перед гласным: по́ўны—по́вен, чо́ўна—чо́вен, то́ўсты—то́вист. Конечный л в существительных и прилагательных обыкновенно не переходит в ў: вол, мил, сёл; то же бывает и в середине слов в слогах закрытых, когда *л* стоит не за старинным ъ; гарэ́лка, га́лка, ви́лки, го́лка; возможны впрочем здесь и новообразования с ў. Ў неслоговое из *л* явление старое в белорусском языке: по памятникам появление *в* на месте *л* (и обратное — смешение *в* и *л*) можно проследить уже с XIV в.: Withawt 1390 г. (из Витолтъ), Withawdus Городельский прив. 1413 г., у великого князя Витолта..., вел. кн. Витовътъ прив. 1529 г. и др., Вовчькевичъ 1497 г., не вдовзѣ 1489 и др. (Белорусы, II, I, стр. 397 — 403).

Особенно выдающейся чертой белорусского консонантизма является свойственная большей части говоров твердость *р*. Если провести линию от Себежа на Городок, Витебск, Горки, Пропойск через р. Беседь к границе Черниговской г. и здесь почти по границе Гомельского уезда к Новозыбкову, то вся местность к югозападу знает только твердое *р*, а к северовостоку, кроме твердого, знает и *р* мягкое, причем последнее смешивается с твердым, становясь иногда на месте последнего. Обычным белорусским произношением в югозападной области будет: цар*а́*, гавар*у́*, посвар*ы́*лася, запрага́йцъя и т. д.; в северовосточной области: пацир*я́ў*, ряку́, зар*я́*, но и *дря*ць, за*ря*би́ць, *ря*д (я довелен) и т. д. Белорусское

р твердое — его характерная особенность, только отчасти известная еще северномалорусским говорам. Очень рано отмечают эту черту и старинные памятники, уже с XIV в., при чем в них рядом с „твердыми“ гласными после *р* нередко бывают и „мягкие“ даже там, где должны быть твердые: сентеб*ра* 1395, т*ера*ть 1398, писа*ра* 1457, т*ро* XV, серебр*ы*ныи 1405, т*ры* XVI в., пека*ро*мъ XVI в., по мо*рою* XVI в., т*рэ*тюю и т. д.; с другой стороны: днепр* 1489, вы*ри*ти XV в., *ри*бы Скор., бер*ю*гъ 1562 и т. д. (Белорусы, II, I, 381 — 393).

Подобно *р*, вторичному отвердению в современных белорусских говорах подвергаются и некоторые другие согласные, особенно губные звуки: если последним приходится стоять перед j (орфогр. ь), а на юге хотя бы и перед „мягким“ гласным в середине слов, они твердеют, то же бывает всегда на конце слов перед старинным ъ; бъецёся, выпъю, тридзевъяць, пъяць, семъ, голубъ, кроў и т. д. Отвердение губных перед ь явление общебелорусское, происшедшее уже давно: здоровъю 1476, пъючи XVI в., Демъянъ ib., избавъ XV в., wсмъ XVI в., любовъ 1562 и т. д. (Белорусы II, 1, 408 — 411). В отдельных говорах, а иногда и во всех, но в отдельных словах попадаются, как мы уже отчасти говорили, спорадические случаи с твердыми согласными вместо ожидаемых мягких (пал*ц*ом Орш., бобы*л*сти Мстисл., бо*л*но Горецк., си*л*ный Бых., дово*л*ны Климов., ма*л*цы Сѣнн. и др.). В большинстве случаев с *л* здесь произошло то же, что и с остальными согласными, когда им вследствие исчезновения ь приходилось стоять перед твердыми согласными, т.-е. оно, уподобившись им, отвердело. Самые южные белорусские области и крайние западные знают еще отвердение *с* в *ся*: купа́ўса Слуцк., нась́ўса и т. п. Говорящих та́к называют „са́калами“ или „сакуна́ми“. Из других отвердений согласных еще отметим повсеместное „*сэ*рцэ“, „*сэ*рданко“, „уз*дэ*чка“, „*дъ*яволы“, в отдельных местностях попадаются и другие случаи. *Ц* из прарусского *ц* всегда твердо: цэна́, ц*э*́ркоў, купе́ц и т. д.

Выдающейся особенностью современного белорусского наречия в области согласных является длительный *ґ* = *h*. В этом отношении белорусская речь сходна с южновеликорусской и малорусской и отличается от северновеликорусского и литературного московского произношения, знающего г = g. Последний звук белорусам известен лишь в словах, взятых из польского, в роде: грунт, га́нак. В чисто белорусских словах г = g можно слышать только в группе *зг* = *зg*: ро́зга, мазго́ў. В виду господства у белорусов г = *h* в нижеследующих, да и других примерах ґ и будет обозначать *h*, а для g будет употребляться г, каковой знак по памятникам известен уже с XVI — XVII в., вытеснив

более раннее обозначение звука g посредством группы *кг*. Звук *г* = *h* свойствен белорусскому наречию искони и унаследован, вероятно, от языка племен, легших в его основу (Белорусы, I, 96). Уже в древнейших белорусских памятниках, когда передавали иностранные слова с *h*, обращались к *г*: гэрбъ Позн. сб. (herb), Ізрагелевых Скор. (Izrahelskjch), *г*елена XV в. и под.; с другой стороны писали Скир*кг*айло 1387, оу ѳи*кг*ѹре, *кг*лоріа XV в., ґва̂тъ, ґрѹнто̂ XVII в. Иногда *г* и совсем опускался, когда в иностранных словах слышалось *h* или *j*: ѿриеновы, анъ'ела XV в. (Белорусы, II, 1, стр. 469 — 472).

Но самой характерной чертой белорусского консонантизма является так называемое д з е́ к а н ь е и ц е́ к а н ь е, т.-е. произношение мягких *д* и *т* как дз (ʒ') и ц (ć). Это особенность общебелорусская: ее нет только в некоторых окраинах, преимущественно южных и юговосточных. Эти звуки являются перед каждым гласным переднего ряда, а также перед j и мягкими согласными: дзе́ци, идзе́ць, суддзя́, дзьве́, вяцьви́стый и т. д. Если иногда в сборниках белорусских народных произведений встречаются *д* и *т* мягкие, то это недосмотры записчиков или редакторов. По этой черте белорусская речь напоминает польскую, однако в последней дзеканье и цеканье несколько иного характера, с некоторым шипящим оттенком; соседство поляков лишь поддерживало белорусское дзеканье. Старинные западнорусские памятники дают примеры рассматриваемого явления однако только с XV — XVI в., да и то в них можно подозревать полонизмы. Старинные писцы вообще всячески избегали обозначать свистящее произношение мягких *д* и *т*, стараясь употреблять историческое письмо часто, быть может, с целью отличить его от польского письма, даже в словах, взятых из польского: обецать 1562, *д*ьякѹючи XVI в.; даже в латин. грамоте 1563 г.: Nicolao Radiuil in Olica et Neswies duce. Древнейшие несомненные примеры дзеканья относятся к XVI в.: мета*ци* Литов. Метр., по́водзе 1543, наложы*ць* маю XVI в., *Ц*имошку 1681 г. и т. д. (Белорусы, II, 1, 434 — 443). Впрочем в старых привилеях в латинском тексте попадаются западнорусские слова с dz: que d z i a k l a nuncupantur 1434 г., 1457 г., seu d z i e c z k i e non dabimus 1529 г. d z i e t z k i e и др.

К числу примет, роднящих белорусские говоры с малорусскими, относится усиленный выговор согласных, иногда переходящий в удвоение их, в том случае, когда согласному приходится стоять перед j, за которым следует гласный. В этом случае согласный уподобляет себе j, и получается двойной мягкий согласный, причем в некоторых говорах возможно и слитие в одном звуке удвоенного согласного, так что удвоение как бы исчезает, но не бывает и j перед гласным. Удвоению

в теперешних бел русских говорах подвергаются все согласные, способные соединяться с j (значит, кроме *р* в юго-западных говорах, да отчасти губных). Примеры: Ильля́, свиньня́, ры́сьсью, но́чьчу, судзьдзю́, збо́жже и т. д., но звяръё. На востоке и севере можно слышать и пе́рьря. Удвоение губных вообще отсутствует, хотя в сборниках народных произведений, да и в живой речи и это явление иногда можно наблюдать: вераббём, подла́ввя, но ўю. Двойное *дзъдз* и *цьц* может упрощаться в том смысле, что в первой части слышится только *д* и *т*: *дьдз — тьц*: судьдзя́, питьцём. Если удваиваемому согласному предшествует еще какой-нибудь согласный, то удвоения или усиления согласного может не происходить: ли́сьцем. Явление удвоения согласных перед j было известно и старым западнорусским памятникам (ср. Иллиничы XV в., хрестьтянского 1457, с коллемъ 1578, росказаннемь 1585, Ананню XVI в. и др.), впрочем обыкновенно это удвоение не обозначалось, так как удвоенные согласные больше пишутся над словами и притом не вдвойне (збо́я 1588, воплощёє XVI в.), но *j* (ъ) в таких случаях всегда опускается (ср. Белорусы, II, 1, стр. 361 — 372).

Что касается замены основных групп *dj* и *tj*, то в этом отношении белорусское наречие, как и естественно, вполне совпадает с другими русскими наречиями, представляя *ж* и *ч* (межа́, свѣча́). Впрочем на месте *dj* нередко встречаем, особенно в глагольных формах *дж* (ǯ): ви́джу, ра́джу, иногда ўраджа́й, пахо́дж. Хотя по аналогии изменения *tj* в *ч* (= *тш*) мы ожидали бы на месте *dj* — *дж* уже в прарусском языке, однако старинные памятники решительно представляют только *ж*; то же и в древнейших западнорусских произведениях (промьжю 1229, преже XV, схожати XVI в., вижю XVI в. и т. п.). Вследствие этого приходится допустить, что у белорусов и малорусов, знающих в известных случаях сочетание *дж*, звук *д* в глаголы и отчасти в другие образования зашел по аналогии большинства форм тех же слов, имеющих одно *д*. На месте основных сочетаний *стj* и *скj*, *здj* и *згj* в белорусских говорах имеем *щ* (шт͡ш) и *жд͡ж*; гу́ща, ишу́, даж͡жа́, барж͡жэй, виж͡жа́ць. Старые памятники также знают указанные способы смягчения, только в них обычно вместо *ждж* пишется *жч*: дъжчѣвнымъ 1296, ѣздживалъ 1359, дожчю 1489 и т. д. (ср. Белорусы, II, 1, стр. 486 — 490, 494 — 496). Еще заметим, что иногда в современном языке и в старых памятниках встречаем *жд* и *щ* (приездати, надежда, со свещами, помощь и под.); но это будут заимствования из ц.-славянского языка; точно также *дз* и *ц* на месте ожидаемых *ж* и *ч*

будут заимствованиями из польского (уродзáй, знадзóны, моц, цуд, абяцанка и т. д.).

Щ и *жд'ж* в белорусском наречии отличаются твердостью такою же, как и *ж* и *ш*; твердо и *ч*. Впрочем некоторая память о их исконной мягкости живет еще отчасти до сих пор; это сказывается в том, что перед шипящими *е* не обращается в *о* (ё), как об этом уже была речь. Мягкие *ч* и *щ* можно слышать лишь по соседству с великорусскими говорами, напр. на востоке Гомельск. губ.

Характерною особенностью современных белорусских говоров является удержание от старины переходного смягчения задненебных *г*, *к*, *х* в тех случаях, где оно происходило и в древнерусском языке, т.-е. в формах склонений перед старыми *е* (зват. п.) и *ѣ* (дат. и местн. падежи; в именительном множ. числа не бывает смягчения, так как он заменен винительным): бóже, чалавече, святы́ дýше, на парóзе, дузе́, лáўцэ, стрóсе. Отступления иногда наблюдаются только в северных и восточных окраинах, в чем следует видеть влияние литературной общерусской речи и соседних народных великорусских говоров. В спряжении смягчение в свистящие утрачено. Так как смягчение задненебных было свойственно и древнерусскому языку, то в старых западнорусских памятниках оно вполне обычное явление (Белорусы, II, 1, 465 — 467).

В отношении соединения между собою согласных звуков в гру́ппы белорусские говоры, вообще говоря, ближе к великорусским, нежели к украинско-малорусским, хотя иногда бывают точки соприкосновения и с последними. Обыкновенно звонкие перед глухими переходят в глухие; то же бывает и на конце слов перед утраченными ъ и ь. Однако следует заметить, что в некоторых белорусских говорах (югозападных) согласные звонкие не столь слабы (особенно зубные), как в великорусском наречии; они очень близки к звонким, составляют, так сказать, середину между теми и другими. Может быть по этой причине в сборниках белорусских народных произведений не всегда обозначается этот переход. Согласные глухие перед звонкими в середине слов и в связной речи всегда переходят в звонкие.

Отчасти под влиянием звуковых причин (вследствие положения перед звонкими согласными), отчасти под влиянием аналогии „из“ предлог „с“ заменяется посредством *з*. Таким он остается перед звонкими, в том числе перед *н*, *л*, *р*, *м*, *в*, а также перед гласными; перед глухими согласными он имеет вид *с*. Одинаковую с ним судьбу разделяет и *из*, который часто даже теряет свое *и* (как безударное); по аналогии

этого предлога *и* иногда приставляется к *с*. Примеры: издзе́лаў, из ба́бый, з бабро́выми, злеза́й, изно́ў, зъе́ла, ис кро́ўю, иску́й, с ха́ты вы́шаў и т. п. Смешение „из“ и „с“ наблюдается и в старинных памятниках уже с XIV века: тѧгатисѧ ис королемь 1349, Зѧславъ 1489 и др. (Белорусы, II, 1, 339—343).

Подобной участи, как „с“, подвергся и предлог „от“, принявший форму *од*: одогна́ў, одгэ́туль и т. п. Эта замена произошла, вероятно, не без влияния предлогов „под“, „над“. Они свое *д* часто не меняют даже перед глухими, вероятно, по особой склонности белорусского наречия удерживать зубные согласные звонкими даже на конце слов.

Переход звонких согласных в глухие (перед глухими, а также на конце слов), как и естественно ожидать, был свойствен и старому западнорусскому наречию: сковоро*т*ке, поле*х*чили, светкове, ѿ врахъ Скор. и т. д. (Белорусы, II, 1, 336—337). И сказанное о предлогах *с—из*, *от* находит подтверждение в старинных памятниках: ис торунѧ ок. 1341, зъ дубровами 1383, з лѣсом ib., зо всими пожитки ib., одогнали, ѡд человека Скор. и т. д.

В старинных группах *кът*, *чьт*, как и в великорусских говорах, после исчезновения ъ и ь, находим сочетания *хт* и *шт*, при том уже начиная с древнейших памятников: хто Четья 1489 и др., што—уже с XIII в. Однако *кък* не всегда меняется в *хк* (мѧхка, мѧхки Сб. XVI в. Вил. П. б. № 262), но бывает и *кк*: мякки.

Своеобразную замену вместо уподобления разнородных согласных находим в появлении *j* на месте *д*' и *т*' мягких перед *ц* в основных группах *дьц—тьц*: малайцо́м (из др.-р. молодьцьмь), айца́ (из отьца); из косвенных падежей *j* может зайти и в именительный: айце́ц. Это явление общебелорусское; подобное видим и в польском языке, а также отчасти в некоторых других русских говорах (Белорусы, II, 1, 444, 448).

Говоря о разных изменениях согласных групп, нельзя не упомянуть и о полном уподоблении одного согласного другому, что бывает в группах зубных (но больше в северовосточных говорах), именно, *дн=нн*: вялі́коньню Сенн., сяго́ньня Вит., оньні́, обе̂ньня Смол. и др.

Сделаем еще замечание о характере некоторых отдельных согласных в белорусских говорах.

О группе *щ* уже было замечено, что она=*шч* (ш͡тш): шчы́ры. Так, очевидно, было и в старину: оужишча, ѿчоупа Сб. XV в. Публ. б. № 391.

В мягком *ц* (из *т* мягкого) как бы несколько усилена вторая часть его: сидзи́ць=сидзи́тссс...

С в западных говорах произносится несколько протяжно, как бы *сс*: ссáло (жир), хотя приведенное слово все же не совпадает с формою ссало к глаголу ссаць (сосать). В некоторых говорах, будучи в известных случаях слишком мягким, *с* приближается к *ш*: муґилäўшки (могилёвский).

Звука *ф* белорусское наречие не знает даже в такой степени, как великорусское, т.-е. на конце слов и перед глухими согласными на месте *в*, так как в этом положении последний звук переходит в ў. В иностранных словах на месте *ф* белорусы знают а) *п*: Пилíп, Язэп (ср. Іосепъ XV в.); б) *хв*: хвартýх, ахвицэ́р, Хвёдар; в) *х*: Хадоська, Хлавианъ 1489; г) в словах, взятых из польского, *т*: Тамаш (Томашъ албо Фома XV в.).

В качестве вставочных и приставочных согласных в белорусских говорах являются *в* и *г*; первый звук преобладает: охвота, ниводзин, на вóстрови, вóчы, вóсянь, навучы́ли, вýцица, тую викóну (редко. Рогач.). То же в старых памятниках: да водного XV в., ѩко вось, ѕесть его вѕжъ Скор. (Белор., II, 1, 426—427). Приставочный *г* довольно распространен в разных белорусских областях в словах: гáты, гарѣх, гуж, гетакихъ 1589, гужъ, гужи Скор. В югозападных говорах в качестве приставочного звука *г* выступает и в других словах, где в большей части Белоруссии бывает *в*: гоўцá, гавёс, гýлица и под. (Белор., II, 1, 474—475).

Звука *н* после предлогов (развившегося из последних) перед формами местоимения и—ѩ—ѥ в белор. наречии обыкновенно не бывает: у яго, на ёй, з ими, так как здесь стечение гласных в достаточной степени устраняется посредством *j*, стоящего в начале форм названного местоимения. Звук *j* нередко приставляется и в других случаях: на ю́лку Речиц., да ягóнь Бобр. В глагольных формах *н* бывает и в белор. наречии: зняць; то же и в старых памятниках: єсмь нaлсѧ 1383, инѧти XVI в. и др. (Белор., II, 1, 307—408).

Что касается выпадения и отпадения согласных, то первое представляет те же явления, что и в великорусских говорах. Что же касается второго, то здесь есть кое-что интересное. И отпадают чаще всего *в* и *г*. Особенно стало возможно отпадение второго, так как звук его—длительный *г*—приближается к придыханиям. Примеры: лядзи́ (гляди), лядзéць, паляджу, осподар (ср. хто ѣ сподарь 1489, ѡсподарьскѡ ib.)—почти общебелорусские формы, пиро (пирог) Бых. *В* иногда отпадает в приставке *въз-*, которая поэтому может иметь вид *оз-*: азьми́ при вазьми́; довольно обычна эта приставка в старых памятниках: озма XV в., ѡзме XVI и т. д. (Белор., II, 1, 423—424).

В некоторых говорах Могилевской губ. часто между гласными выпадает j, особенно в окончаниях прилагательных и глаголов: до́браа, та́а, зна́а, ска́зуа, до́бруу, сваў и т. д. Это явление наблюдается и в старинных памятниках,—в последних не без югославянского влияния: вѣликаа XVI в., прускаа, дроую 1489 (из другуѭ—друую) и др. (Белор. II, 1, 54). Иногда пропускается вторичный j из *ж*: моець (может быть) Черик., Горец., моо так Гом. Иногда отпадает j в начале слов: ня ели, *а*к нам тут дали Горец., *а*щé при яще Новогр.

В некоторых местностях отпадает конечное *т*' в группе *ст*; болесь (из болесть), чесь Сен., есь (=ѣсць), ёсь Вит. и др.

Северовосточным белорусским говорам известно смешение основных *ч* и *ц*: чарства Велиж., челый ib., вяноцки Смол. Точнее границу цокающих говоров можно провести к северу от Смоленска, Суража Вит. г., Невеля и Себежа. Цокают в тех местах, где в старину жили смоленские и полоцкие кривичи, бывшие сродни Новгородским „словѣнамъ", также цокавшим уже в XI веке. Примеров этого смешения *ч* и *ц* в старинных памятниках масса: немечькому 1264, челованию, доконцанъ XIV в. и т. д. (Бѣлорусы, II, 1, 497—498).

Аналогичное указанному явлению представляет переход *ж* в *з* и *ш* в *с*, и наоборот, наблюдаемый в языке населения некоторых местностей, лежащих на севере; это собственно особенность псковского говора. Так мы имеем за́лко Пореч. Смол, г., нѣ за́ного живого XVI в., ста́за (=съта́жа) Скор., золчь XV в., лиши́и (лисий) 1399, васи бозе XV в. (ср. Белорусы, II, 1, 491—492, 454—455, 493, 456), явление в современном белорусском наречии впрочем редкое. Встречающееся во многих местностях „зялезо", при малор. „зали́зо" должно быть объясняемо иначе; также „рзуць" при ц.-слав. рꙁѣти архаизм.

На некоторых изменениях согласных звуков в словах сказывается действие народной этимологии. Так литературное общерусское „хозяин", „хозяйка" в тех белорусских говорах, где оно известно (обычно „госпадар", „госпадыня"), имеет форму хадзя́ин—хадзя́йка, где нельзя не видеть приурочения к корню ход; тоже омысление в „хрест", „хриси́ица" под влиянием Христос.

Морфологические особенности.

Склонения.

В области словообразования белорусское наречие, не отступая в общем от других русских наречий, представляет и некоторые самостоятельные любопытные явления. Выделение их здесь в особый

отдел заставило бы нас для разных пояснений часто уклоняться в сторону. Для более цельного представления мы будем касаться таких явлений попутно, при изложении склонений и спряжений [1]).

Что касается категории р о д а, то в белорусском наречии можно указать немало отступлений от великорусских говоров, происшедших вследствие влияния одних основ на другие—с одной стороны, с другой—у названий одушевленных предметов—вследствие представления пола. Немалое влияние оказывают и причины чисто фонетические, а также и некоторые другие еще недостаточно выясненные обстоятельства. Так по причине влияния одних основ на другие и смешения их перешли в муж. род слова: цень, боль, жаль, пагибель, далонь, мазоль, плеш, цеп (цепь) (як с цепу сарваўся), пыл (=пыль), палын, поўноч, твар (лицо) и нек. др., отчасти известные и старому зап.-русскому наречию; по той же причине в женский род перешли: пара (=пар), а также мечь (гойструю мечь), череў (ч. распароўшы), пятрова дзень—некоторые случаи не общебелорусские.

Под влиянием представления о естественном поле предметов, особенно, если имелось по два слова для их названий, слова, обозначавшие самцов, стали муж. рода, а самок женского. Вследствие этого в муж. роде оказались: саба́ка, ло́шадзь (обыкновенно „конь"), изредка мыш; в женском роде стало: гусь, дзяўча́. По фонетическим причинам слова среднего рода (с основами на -ŏ) в некоторых белорусских говорах по своим падежным окончаниям стали совпадать со словами женского рода (с основами на -ā), вследствие этого народ стал смотреть на них, как на слова женского рода. Произошло это, как и в некоторых южно-великорусских говорах, от того, что безударный гласный последнего слога *о* обратился в *а* и тем совпал с окончанием именительного падежа слов женского рода: пи́ва пьяна́я, свята́я благовещаньня, ўсю ста́ду, ча́рстви нябе́снэй, на бе́лую блю́ду и т. д. Подобные случаи известны и старинным памятникам: бедрѣ тво́ѣи, по́несн копию которою и др. Когда вследствие фонетических причин слова среднего рода могли переходить в женский р., явилась возможность смешения с ними и исконных слов женского рода на *-а*, которые в непонятных для меня случаях стали принимать окончание -о и, повидимому, стали словами среднего рода; таковы: пало́, гриво́, брыво́; в средний род перешло и

---

[1]) Подробно этот отдел рассмотрен нами в „Белорусах", II, вып. 2: Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава. 1911, стр. 1—136.

несколько слов муж. рода: глазо́, удо́, вели́каднѐ (ср. Белорусы, II, 3, 21—24).

Категория рода оказала свое сильное влияние и на слова с основами на *-а* мужеского рода в том отношении, что почти во всех белорусских говорах в косвенных, падежах они могут склоняться, как слова мужеского рода с основами на -ŏ: к судьдзю́, к соба́ку, с соба́ком, за пъя́ницом, з Ва́нем и т. д. Иногда даже именительный падеж в таких словах получает окончание мужеского рода: млад ю́наш Черик., с уся́кого боле́зя, если в приведенных примерах не великорусизм (по-белорусски: дзяцю́к, хварóба). Как бы в противоположность сказанному, с некоторыми словами мужеского рода, оканчивающимися на *-а* прилагательное может соединяться в женском роде: святую Миколу, судьдзя праведная и под.

Чисел в теперешних белорусских говорах только два: единственное и множественное; от двойственного сохранились лишь самые незначительные остатки. При числительном два, а в подражание ему при три-четыре в двойственном могут стоять только слова женского и среднего рода: дзьве руцэ́, чаты́ри приго́дзе, три бядзе́, дзьве ле́це и т. д. (Белорусы, II, 2, 143 — 144). От слов мужеского рода обыкновенно ставится множ. число. То же видим и в старинных памятниках: два кони 1479, два сосуды Скор., но две жене, руце, нозе iѣ., две лѣте, две седле XVI в. Впрочем известно и множ. число от слов женского и среднего рода: две трубы Скор., wбѣдве войска XVI в. Позн. (Белор., II, 2, 139 — 140). Как след двойственного числа от некоторых слов сохранились отдельные формы двойственного: дзьве, абе́дзьве, дзьве́сце; особенно часты формы творительного на *-ма*: очыма, плечыма, слязима, дравима, грашыма. В случаях, подобных последним, только окончание двойственного, но не значение. В старых памятниках таких случаев естественно еще больше: очью, очима, трима слугама XV в., ѫшъю, ушию Скор., w руку твоих iѣ., тых дву сту и под. (Белорусы, II, 2, 145 — 147).

Делая замечания о выражении числа у имен существительных, нельзя не коснуться вопроса о выражении множественного числа при помощи собирательных, стоящих в единственном числе (Белорусы, II, 2, 147 — 151). Подобный способ обозначения множественности уже был известен др.-русскому языку; очень охотно прибегало к нему и старое западнорусское наречие; знает его и современная речь: рубиє альбо хусты XV в., на колье тыкаху XV в., колосье 1580, голье XVII в., бабъё, бру́сся, выраннё (вороньё), коре́ннё, ли́сця, стру́чча и т. д. — все образования ср. р. на *-ье*. Из слов жен. р. особенно часто

употребляются слова на *-а*: братья: с своею братьею 1264, тамося крестилъ и братья его XV в.; господа: вам гдѣ своѣи кланѧѣмсѧ іЬ., сторожа, холопья и др., современные: блазнóта, мальгвá (маленькие рыбки), малеча, червá и под. Реже употребляются собирательные на мягкий согласный (-ъ): плоць (плотвá), ризь (старьё).

Что касается падежей, что в белорусском наречии в единственном числе их одним больше, нежели в великорусском, так как от старины удержалась особая звательная форма, по крайней мере у основ на-ŏ, -й и -ā: пáне ивáне, вóрле, мýжу, сы́нку, гáю, кóню, мéсяцу, мáтко, зарó и т. д. Некоторые из звательных по своей форме новообразования. Так же обстоит дело и в старых памятниках: боже, сыну, мужу, земле и т. д. Скор.; там же, вероятно, не без влияния ц.-славянского встречаем даже „о смерти". В восточных говорах в роли звательного встречаем такие новообразования, как: мам, баб, молодух, тёт — с пропуском в окончании *о* — *е*, т. е. имеем то же, что и в некоторых великорусских говорах.

Обращаясь к рассмотрению окончаний существительных, в белорусском наречии находим следующие особенности.

В единственном числе.

Именительный п., как и в малорусских говорах, знает у слов мужеского рода между прочим и окончание *-о*: Дани́ло, Петрó, дружкó Янко, браткó, глазó, бáцюшко, тáтко и т. д.; то же и в старинных памятниках: Мисайло 1398, Олександро 1432, и Франциско Скорина XVI в., Ягайло и т. д. Подобные уменьшительно-ласкательные образования конечно подражают окончанию слов среднего рода. После гласных вм. *-о* в них бывает *е*: Сафрωнїе пишеть 1562, святый Николае помогаетъ и под. в старинных памятниках. В случае безударности окончание *-о* заменяется на *-а*: бáцька, дзя́цька, тáтка, и в косвенных падежах тогда возможно образование по образцу слов женского рода (р. п. дзяцьки), хотя и не во всех падежах.

В песенной речи, как в малорусском и сербском языках, в роли именительного нередко выступает звательный: сидзи́ць бóже, ходзи́ў раю, улáне заплáкаў, ишóў пани́чу, éдзе Ясю, éдзе, Иваньку папóў па вадзи́цу пашоў, а мой мужу блáзне хóчець мянé би́ци и т. д. (Белор., II, 2, 160).

Под влиянием чисто фонетических причин слово „голубь" перешло в твердое различие основ на -ŏ; р. голуба, д. голубу и т. д.

У слов женского рода обыкновенное окончание *-а* — *-я*; старинное *-и*, как полонизм, удержалось лишь в слове „пани", кое-где „госпо-

дыни", „княгини". Те же слова известны и в старинных памятниках (Белорусы, II, 2, 213).

Слова в роде „цьркы", с основами на -ū, перешли в основы на -ŭ: цéркоў, свякрóў, или на -ā: цéрква, свякрóва.

Слова среднего рода с основами на -*мен*-, если не имеют ударения на конце, в именительном вм. *а* (*я*) могут иметь *е* (*ё*): ймя́, племя́, имя́ и т. д., но и и́ме, пле́ме, се́ме и и́мё, се́мё и т. д. То же колебание и в старинных памятниках: имѧ и йме, семе и под. (Белор., II, 2, 244—245). Относящиеся к основам на -*мен*- слова мужеского рода перешли в мягкое различие основ на -ŏ: камень, -еня, ячмень и т. д.

У основ -*ѧт* — старый именительный на -*а* (-*я*) в полной силе цяля́, жараба́, парася́, дзиця́ и т. д. Есть даже новообразования: дзяўча́, паня́, небажа́, зярня́, гарбузяня́ (с прибавкой -*ен*-), кураня́, казляня́ и т. д. По аналогии большинства слов среднего рода с основой на -*о* и здесь вм. -*а* (-*я*) возможно окончание -*о* (-*ё*): парасё, дзицё, щанё, ваўчó кацянё.

Удерживается от старины „ма́ци" рядом с „маць" — „матка" — „мацяр" (и даже матар), кое-где встречается „до́чи" (вм. обычного дачка́).

В родительном падеже у основ на -ŏ сильно распространено окончание -*у*, зашедшее сюда от основы на -й: ме́ду, то́ргу, ра́ю, Дуна́ю, аўсу́, дзёгцю и т. д.; то же и в старинных памятниках; миру 1349, дарꙋ 1489, ѿ голоду и т. д. (Белор., II, 2, 162—163); только названия лиц не употребляют этого окончания. От слова „дзень" род. „дня" (днѧ Скор.), но в наречных выражениях есть и „дне" — „дни" (сегодне, сегодни, сянни), в чем можно видеть старину, но можно также *е* — *и* выводить фонетически из *а* (*я*) безударного. К „дзиця́" род. п. „дзицяци" и „дзиця"; к „маци" р. п. „мацяри" и „маци" (уже табе тваей маци век не видаци). В западных белорусских говорах (б. Гродн. г.) от основ на -*а* в мягком различии известно окончание -*е* = *ѣ* (от зямле), заходящее и в твердое (хустка сястрэ). То же можно отметить и в старинных памятниках: ѿ темнице 1489, пище потребное Скор. (Белор., II, 2, 214—215).

В дательном падеже обычные окончания. В некоторых местностях б. Гродненской г. у названий одушевленных предметов мужеского пола встречается редкое у белорусов -*ови*, чаще -*еви*, даже в твердом различии: Данилови, жабракеви, жарабцеви и под., окончание заимствованное у основ на -й. В старых памятниках, может быть под влиянием ц.-слав. языка, это окончание чаще (Белорусы, II, 2, 165—166).

Возле Гродна можно слышать у слов с основами на -ŏ дат. п. на -*ей* дзякéй, мужыкéй, бáцькей. В некоторых местах и случаях „мáци“ и „дóчи“ в дательном падеже встречаются без изменения: своей родной маци Игум., ку своей дочи Бых. Другие отличия в формах дательного объясняются чисто фонетически: рутцэ́, мáтушцы, сасé, мáчыси и т. п.

Винительный п. у слов муж. рода с основами на -*о*, обозначающих одушевленные предметы, как и в великорусском наречии, заменяется родительным падежом. Но в белорусском наречии дело пошло дальше: нередко и неодушевленные предметы для винительного падежа пользуются формой родительного: секуць дуба, вазьми рубля знайшоў гриба, даў драла, на вяликадня и т. д. Слово „маци“, как и в других падежах, и здесь может оставаться без изменения: тваю маци.

Творительный п. вообще правильно отражает старину. В женском роде у основ на -ā обыкновенно -*ою* (рукою), -*ой* встречается редко. В северовосточных говорах вм. безударного -*ой* бывает -*эй* — -*ый*, согласно известным фонетическим изменениям гласных: бáбый — бáбэй. Отметим еще несколько редких песенных форм: з маци Лепп., ймям своим Сенн., перед святым Пятро Реч., з Юрью Гореп., своёй меччу (= мечью — мечом) Рогач.

Местном п. довольно распространено окончание -у, зашедшее от основ на -й: ў чóрным шóўку, ў баркý, на Дунáю, ў пóлю, особенно после задненебных для избежания смягчения их: на надвóрейку, ў ýху. Проникновение *у* в местный в значительной степени можно наблюдать уже в старинных памятниках: оу полотскоу 1383, в новѣгородкоу, оу мѣнскоу, оу смоленскоу, в луцку 1432, оу родѣ 1489, вѣ песку Скор. и т. д., w познанью XVI в., при морѣ, на пескѣ, в меху 1580 и др. (Белор. II, 2, 176 — 178).

Во множественном числе.

Именительный п. представляет следующие особенности. У основ на -ŏ, свойственного великорусским говорам, окончания -á совершенно нет: вм. домá, цветá, лесá у белорусов только — дамы́, цвяты́, лясы́ и т. д.; рядом с ы на югозападе Белоруссии очень распространено é из прарусского -*ѣ*, составлявшее принадлежность первоначально мягкого различия, а затем распространившееся и на твердое и в настоящее время удержавшееся только в последнем, вследствие чего перед *е* согласный твердый, кроме задненёбных: валэ́, галубэ́, жанцэ́, мужыкé; то же и у слов женского рода: жанкé, дзяўкé и т. д. Старым западнорусским памятникам это окончание также известно: палце, коне, вельможе, летописце Скор., сироты и вдовице 1489, помыс XV в., княгине,

єрєє 1562 и т. д. (Белор., II, 2, 181—183). Подобное же окончание на *-е* из основного *-є* известно словам на *-ин*: мещане, хазяне́ и хазяи́, цыга́не и цыганы́ и под. Слова среднего рода вм. *-а* без ударения обыкновенно употребляют *-ы*: варо́ты, се́лы, дро́вы, но здесь возможно и *-а*. В местностях, где особенно сильно польское влияние, в именительном падеже множ. ч. можно слышать *-ове*: панове, сватове. В старых памятниках оно значительно чаще: жидове 1489, змиеве ib., сыновѣ Скор. и др., в чем отчасти можно видеть ц.-славянское влияние. Отметим еще остатки глубокой старины: че́рци (при чарты́), суседзи, го́ни (при гоны). Впрочем все эти имен. п. на *-и* в косвенных падежах изменяются по образцу основ на *-ĭ*, как „людзи“. Именит. п. множ. числа иногда с успехом выражается единственным числом слов собирательных: сынаўё, мужыччо́, галлё и т. д.

В родительном падеже окончание *-оў* (*-ов*) пользуется бо́льшей распространенностью, нежели в литературной русской речи: зашло оно и в мягкое различие основ на *-ŏ* муж, рода (рублёў, канёў, акунёў), в слова среднего рода (варо́тоў, пи́сьмоў); известно оно даже основам на *-ā* (старшы́ноў). Рядом с *-оу* существуют конечно и другие окончания: изредка на согласный основы (мещан, татар, рог), на *-ей* (грошей); от слова „дзень“ род. п. дзён и днёў, как и в старинных памятниках.

В дательном падеже, как и в великорусском наречии, возобладало окончание основ на *-ā* — *ам*, но и старинное *-ом* — *-ем* (из *-емъ* и *-ъмъ*) живет до сих пор, особенно под ударением: зубо́м (при зуба́м), сынко́м (при сынкам), людзём (при лю́дзям), дзяцём, сянём и под. Понятно, отмеченные окончания обычны и в старых памятниках: врагом 1489, по двором, мужом XV в., львомъ, богомъ Скор., учителомъ (чит. у-лём) ib., но и *-ам* им также известны: словамъ Скор., по селамъ XVI в. Позн. и др.

Винительный п., как совпавший с именительным, представляет те же особености, что и последний. Лишь у названий лиц и вообще предметов одушевленных он заменяется родительным; но как и в малорусском наречии, часто бывают и здесь отступления в том смысле, что винит. п. совпадает с именительным: хвалю́ жанке́, даиць каро́вы, пасци валы́, улюби́ўся ў до́чи сваё, бабры́ павёсиць и т. д. Впрочем имена лиц (но не животных) обыкновенно ставятся в родительном падеже. Как и в великорусских говорах, форма сходная с именительным, употребляется для означения перемены состояния: браць, аддава́ць ў салда́ты, пайци ў го́сьци и т. д.

Творительный падеж, как и в других русских наречиях, представляет возобладание *-ами*, но и *-ми* (из основного *-ъми*, *-ьми*) тоже нередкость, при том не только как остаток старины (в основах на *-й*, *-ĭ* и согласные), но и как новообразование: гро́шми, ключми́, ко́ньми, абру́сми, слязми́, шы́йми, не говоря уже о таких формах, как сяньми́, дзьвярми́, где это *-ми* органическое. То же находим и в старых памятниках, где рядом с праславянскими и прарусскими окончаниями на *-ы* (поити ис татары 1349, з гоны бобровыми 1399, всими витези, великими вороты XVI в. и т. д.) встречаем массу примеров на *-ми* (обычайми, крылми, витезми и т. д.), при *-ами* (со львами, горшками зверьми Скор. и др.) (Белор., II, 2, 199 — 204). В некоторых местностях, больше в цокающих говорах, творительный может заменяться дательным: за дрова́м, за блина́м Бельск. Смол. г., розгам накажим Гом. (вероятно от старообрядцев). Изредка можно встречать творит. п. на *-амы* (рукамы Бых., зубамы, сватамы Могил.), которое можно объяснить как компромисс *-ами* и *-ъ*, долго жившего в старом западнорусском наречии (Белор., II, 2, 203 — 204). Такие образования, как суседзими, дзе́цими Сенн., конечно не морфологическое, а фонетическое явление.

Местный падеж обыкновенно оканчивается на *-ах*, зашедшее сюда от основ на *-ā*, но и старинные окончания других основ в разных отражениях живут до сих пор. Так след *-ех* представляют такие образования, как вороцех, вороцих, вороцях, в лецех, лецих и под., с мягким *ц* из *т* перед старинным *-ъ*; *-ъхъ*—*-охъ* (окончание основ на *-ū*, употребляющееся теперь больше не на своем месте): по лядо́х, по бало́тох, по махо́х, даже — на вило́х; *-ьхъ* — *-ехъ* (окончание основ на *-ĭ* и на согласные): людзёх, сянёх, камянёх. В старых памятниках все эти архаизмы в большем числе: формы на *-ахъ* не господствуют. Примеры: о дарехъ Скор., в шатѣ XVI в., в рече́ 1489, трохъ королохъ XV в., в мехохъ Скор., по языкохъ iѣ., в цр҃кве́ XVI в., во племенехъ iѣ. (Белор., II, 2, 204 — 209, 212, 228, 234, 239, 242, 246).

В склонении местоимений отметим:

а) Отличия в основах. Это, как и в южновеликорусских говорах, формы тобе — собе, идущие от прарусского языка (в зап.-русских памятниках, начиная с Псалт. 1296 г.); далее именит. ён, яна́, яно́ — с j, зашедшим сюда из косвенных падежей; той, тая, тое из тъ + и, та + а, то + е; гэ́тый (в большинстве говоров), гэтакий, гэный, гэйный, кождый, кожный, кожен, жа́дзен (= же + едьнъ, ни один), наський, сёй, увесь — увсе́й и нек. другие, больше новообразования (ср. Белорусы, II, 2, 61 — 66).

б) Отличия в формах. У местоимений личных отметим: род. п. мине́, цибе́, сибе́; то же в винит. падеже. В *е* можно видеть глубокую старину (Белор., II, 2, 254). В винит. п. в ю.-западных говорах встречаются и энклитические *ме*, *це*, *се*, возникшие не без влияния, быть может, польского языка (mię, cię, się), хотя конечно возможно выводить их и из старинных мѧ, тѧ, сѧ, известных и западнорусским памятникам (Белорусы, II, 2, 257). Последнее местоимение в соединении с глаголом имеет вид *ся*, *си*, *се*, *сь*, что отчасти объясняется фонетическими причинами, отчасти особыми образованиями (в *се* — *си* можно видеть и форму дательного энклитическую). В некоторых могилевских говорах „между собою“ выражается посредством „меж со́бку“.

У местоимений неличных обращают на себя внимание: р. п. жен. р. тое́, таѐ, яе́, мое́, маѐ, где *-ое* = др. рус. *-оѣ*; это образование очень распространено в ст.-западнорусском языке: тое земли 1264, тоѐ ночи XV в., тое́ ви́ницы бороно́ XVI в. и т. д. (Белор., II, 2, 261); еще отметим ты́я, таей, тэ́й, объясняемые отчасти фонетически. В муж. роде, кроме моего, твоего, своего, еще встречаются майго́, твайго́, свайго́, и маго́, тваго́, сваго́ — со стяжением гласных.

В творит. п. сильно заметно влияние склонения прилагательных: тым, ким, ўсим; в „чым“ конечно старина. С творительным часто совпадает и местный падеж: об тым, ў водны́м и под.

В именит. п. множ. ч. больше вторичные образования: яны́, одны́, ўси и ўсе, самы́, маѐ, тваѐ, чіе́, ты́е, гэ́тые (где *-е* = *-ѣ*); в местностях, знающих именительный ед. ч. на *-ей* — *-эй*, именит. множ. ч. оканчивается на *-ея* — *-эя*; такея́, самэ́я. Многие из перечисленных образований находят отражения и в старых памятниках: тые села 1433, тыи люди XV в., оуси ib., все шаты XVII в. и др. (Белор., II, 2, 264—265, 288 и др.).

Много новообразований встречается и в косвенных падежах: тых, тым..., усих, усим..., гэтых... и т. д.

К склонению местоимений примыкает и изменение некоторых числительных. В белорусском наречии произошло полное смешение именного склонения числительных и местоименного: как „два“, так склоняются „тры“, „чаты́ры“ и даже „пяць“, „шесць“ и т. д. Именно:

Имен. два (м. р.), дзве (ж. и ср. р.), тры, чатыры, пяць...

Родит. двух — двох, дзвюх — дзвёх, трох, чатырох, пяцёх...

Дат. двум — двом, дзвюм — дзвём, тром, чатыром, пяцём...

Твор. двума — двома, дзвюма — дзвёма, трыма, чатырма, пяцьма...

Местн. о двух — двох, дзвюх — дзвёх, трох, чатырох, пяцёх...

Такое склонение уже было известно и старым западнорусским памятникам: ве тренадцете̂ дне̂ XV в., выбравши двана̂цате̂ м8жевъ XVII в., тым шестма XVI в., пятьма тысячамъ 1580 и т. п. (Белорусы, II, 2, 330 — 331).

По своему образованию замечательны след. числительные: двана́цаць (двана̂цати 1562 г.) и двана́нцаць: *н* вм. *д* — под влиянием *н* в предыдущем слоге — бывает и в других числительных; аба́два, абе́дзве; на юге можно слышать: двойко, тройко, чацвёрко, пяцёрко и т. д. „Сорок", „сто" и „тысяча" обыкновенно склоняются, как имена существительные. То же было и в старом языке. По аналогии однако склонения большинства числительных по множественному и отчасти двойственному числам, подобные образования заходят и в 40 и 100: сорокъма копами 1588, надъ стома витезми XVI в. и др. (Белорусы, II, 2, 331 — 332).

В теперешних живых белорусских говорах возобладали полные формы прилагательных или же стянутые из полных. Последние легко узнаются по ударению, сходному с тем, какое в полных формах прилагательных: пъя́на (краткая пъяна́), грошы кру́глы (кратк. круглы́) и т. д. Краткие формы встречаются даже реже, нежели в русском литературном языке: это больше песенные эпитеты или же сокращения, вызванные рифмой и ритмом. Даже в роли сказуемого употребляются обыкновенно полные формы, хотя возможны и краткие.

Что касается полных форм, то тут отметим следующие особенности.

Имен. ед. ч. обыкновенно оканчивается на *-ый — -ій*; то же окончание и под ударением; *й* в этом окончании может и отсутствовать: до́брый и до́бры, сляпы́й и сляпы́, глухі́й и глухи́. В северовосточных говорах вм. *ый* известно *-э́й*, вм. *ій* (после задненебных) *-ей*; аржане́й, глухе́й, дороге́й, даже — большей (ср. Белор., II, 2, 307). Именит. п. на *ы — и* известен и старым памятникам: го(ть)скъı берег 1264, малы 1541, глыбоки XVII в. и т. д. (ib., 305).

Все разновидности родительного п. мужеского и среднего рода выводятся из возобладавшего в русском языке местоименного окончания *-ого — -его*: маладо́го, до́брога, пре́жниго и т. д.; то же и в старом языке: полочко̂ 1265, старого 1497, тутошнего 1480, русского, вышнего Скор. и т. д. (ib., 309 — 310). В основе окончания женского р. лежит *-ое — -ее*, возводимое к основному русскому местоименному окончанию *-оть*: лихо́е де́ли, гадзи́ны дзеся́тае, тре́цяе гадзи́ны, бе̂дзнэе удавы́ и т. д.; кроме этого окончания известно *-ые — -ие*: ми́лые, си́ние; безударное *е* в этом окончании, равное тому же *-ь*, может пере-

ходить в *а* (*я*): святы́я, сало́дкия; по близости к Полесью можно слышать *-ои*: богатои Слон., в других местностях (на сев.-востоке) можно видеть в *ои* фонетическое изменение *-ое*: родзёнои Лепп. Известное литературной речи *-ой* также встречается в белорусском наречии, где оно, как в именит. падеже ед. ч. муж. р., может иметь вид *-эй*: дорогой, бога́тэй. Все окончания родительного падежа находят отражение и в старинных памятниках: оу святоѣ софьѣ ок. 1300, таємноє рады XV в., ѿ непонѧтое жоны 1489, чужее Скор., святые 1578, сто̃и сопїи XV в. и т. д. (Белор., II, 2, 311—3,3).

Дательный п. лишь в женском роде представляет некоторые отличия, больше фонетического характера. Господствующее окончание *-ой* может в известных говорах переходить в *-эй*, а после заднепебных и шипящих в *-ей* и далее в *-ій*: злой, дурнэ́й, друге́й, чужы́й и т. д.

Винит. п. женского р., под влиянием, вероятно, формы именительного на *-а*, часто встречаем *-аю* вм. обычного *-ую*: бо́жаю, го́ршаю и под.; *а* безударное может переходить в *ы*: богомо́льныю, убо́рныю.

Творит. п. ж. р. обыкновенно *-ою*, которое, хотя и редко, может сокращаться в *-ой*. В говорах, знающих в именительном *-эй*, возможно это окончание и в творит. п. женского р.: ста́рэй ба́бэй. *О* безударное фонетически может перейти в *ы*: да́ўный паро́й.

Местный п. един. ч. в муж. и ср. р. обыкновенно совпадает с творительным: ў вишнёвым са́дзи, на сивы́м ко́нику, ў сало́дким сне, на шыро́ким по́ли и т. д. Обычное окончание *-ом*—*-ем* встречается реже ў чы́стом по́ли, ў сусе́днем до́ми. По старым памятникам смешение творительного и местного падежей можно проследить с XV в.: на чужӣ конѣ 1495, оу высокимь городе XVI в., на городе Несвижским 1562 и т. д. (Белор. II, 2, 317).

Во множ. числе именительно-винительный оканчивается на *-ые*—*-ие* (где *-е* = *-ѣ*), из которых фонетическим путем выводятся— *-ыя*— *-ия*, *-ыи*— *-ии*: до́брые лю́дзи, си́вые пту́шки, ста́рые колёса; в сильно акающих местностях: нявядо́мыя лю́дзи, бы́стрыя ре́чки; в местностях с диссимилятивным аканьем: круты́и биряги́, ма́лыи дзе́ци; где известно в един. ч. *-эй*, там в именительном множ. ч. возможно *-эя*: госци любэя, волы половэя; еще отметим редкую ржевскую форму на *-аи*: гуси се́раи. Большинство приведенных образований известно и старому языку, только в нем *-ыя*—*-ия* можно объяснять и ц.-славянским влиянием (ср. Белоруссы, II, 2, 318—321).

Остальные падежи по своим окончаниям ничем не отличаются от соответствующих форм в южновеликорусских говорах и литературной речи.

Говоря о именах прилагательных, нельзя умолчать о редких случаях сравнительной степени.

добрый: лепей, лепи, лепшы; лѣпеи 1394, лепъшеи 15о2; луччы, лоутшы XVI в., валей валяшей.

злый: горшы, горшый 1562, горей, пущей, поущих XV в.

скорый: хучей, барджей (к борзд).

(О других образованиях см. Белорусы, II, 2, 57—59).

Спряжения.

Глагольные основы, при образовании разных форм, в белорусском наречии имеют тот же вид, что и в великорусском. Еще чаще, чем в последнем, происходит совпадение основы настоящего и неопределенного в одной форме, напр.: даваць — даваю (уже в XVII в. нехай нам даваю), прáтаць — прáтаю (произвожу уборку), пець — пею — пяю и т. д. В приведенных и подобных им случаях основа настоящего подражает основе неопределенного; но есть обратные случаи: при форме настоящего „дзьму“ имеем и неопределенное „дзьмуць“ (при „дуць“); при „стану“ — „станоути“ Пс. XVI в. и под. Влияние смешения основ сказывается и на нефонетическом изменении некоторых суффиксов: вм. *-ова-* нередко бывает *-ува-*, куда *-у-* зашло из суффикса настоящего -уje-: годуваць (из годоваць — годую), плювáць (из плеваць — плюю); влиянием форм настоящего объясняются и такие неопределенные, как пéкци (вм. печы), прылéхчы (вм. прилечы) и под.

Из глагольных суффиксов останавливают на себе внимание: а) разные замены основного суффикса *-ова-* — *-уje-*, *-ева-* — *-'уje-*. Развившийся из него в литературном языке *ыва* — *ива* для обозначения многократности действия в белорусском наречии не пользуется большим распространением: в нем многократность действия обыкновенно описывается несколькими словами. Многократность иногда выражается суффиксом *-ава-*, *-ва-* (с предыдущим неопределенным гласным или без него): выгавáраваць — выгавáрую, атк'йдъваць — атк'идъваiу, узнаваць — узнаю и под.; суффикс неопределенного часто заходит и в настоящее (вм. ожидаемого *-уje-*): спораваюць, вытравае, хотя, вообще говоря, *-у-* в настоящем обычное явление: выговáрую, асáджую, подноúуя, затáплюй Могил. В некоторых местностях Могил. г. вм. *-ыва-* — *-ива-* упо-

требляется *-ыj-* — *-иj-*: оса́джиицъ, спра́шиецъ, обма́ныешь. Замечательно, что старые белорусские памятники в значительном количестве знают *-ыва-* — *-ива-*: игрывали, хоживалъ XVI в. Позн., ѣдывали, пріѣждивалъ XVI в. и др. (Белор., II, 2, 75 — 76). б) Новообразование *-ану-*: маканý̆ць, хапанý̆ць и т. д. (Об основах и о суффиксах ср. Белор., II, 2, 67 — 80).

Что касается глагольных окончаний, то тут замечательны следующие.

Окончание неопределенного *-ци* — *-ць* с преобладанием первого: мы́ци, чыса́ци, йци, жани́цися, плысци́ и т. д., люби́ць. У глаголов с корнем на задненёбные перед окончанием *-чы* — *-ч* могут восстановляться *г* и *к*: мохчы, лехчы, ўцякчы при беч, збеч; дальнейшим новообразованием будет се́кци, где, кроме *к*, и *-ци* — вторичное. Выдающейся чертой белорусского наречия являются окончания на -тки, -цьки, -тонькн в глаголах детского и вообще ласкательного языка: спа́тки, пи́цьки, е́стоньки и под.

В настоящем времени те же личные окончания, что и в южновеликорусских говорах; отступления больше фонетического характера.

Из более редких особенностей отметим: сохранение от старины во 2 л. ед. ч. *-си*: яси́, даси́.

3-е лицо обыкновенно имеет *-ць* из основного славянского и др.-русского *-ть*: дасць, есць, нясе́ць, ро́бицъ; но -ць во всей группе югозападных говоров, а иногда и в других местах, у основ на *-е-* может и отсутствовать: даé, нясé, идзé, бъе и т. д. В последних говорах *-ць* удерживается лишь у основ на *-и-*: лю́бицъ, гаво́рыць, прыхо́дзицъ и т. д., хотя иногда и здесь *-ць* отпадает, а конечное безударное *-и*, в подражание таким образованиям, как „ка́же“, „во́зьме“, переходит в *-е* — *-я*: прыхо́дзя, гаво́ра, кло́ня и т. д.; в наречном выражении „му́си“ (ср. „Н. Н.“ 1909, 455) рядом с „мусицъ“ -и без -ць можно слышать в разных говорах, вероятно, под влиянием польского языка. От глагола „есмь“, не употребляющегося в 1 лице, 3 л. обыкновенно ёсць, ёсь, ёсцека, реже ё. В некоторых говорах Могилев. г., напр, Гомельском, Сенн., попадаются странные формы 3-го лица на *-ти* — *-ци*: бягíти вовк Гом., е́дзеци Сенн.

Во множ. числе 1-ое лицо оканчивается на *-м* (= -мъ), но в южных областях белорусской речи бывает и *-мо*, особенно любимое повелительным наклонением. По фонетическим причинам *-мо* может изменяться в *-ма*: но́симо, кладзе́мо, бежымо́, уцека́йма, спева́йма. Окончание *-мо* очень хорошо известно и разным старинным памятникам: есмо

1409, предамо XIV, седимо Скор., wдамо 1616 и др. (Белор., II, 2, 350—352). Южным белорусским говорам известны также образования с несмягченным согласным перед *о* из *е*: живóм Рог., идóм, могóм Гом., пеéдом Слуцк.

2-ое лицо обыкновенно оканчивается на *-це* (= *-те*) часто с оттяжкой ударения на суффикс: спицё Мог., стоицё Лепп., ня боицёся Игум., ведетé Гом. и т. д.

3-ье лицо оканчивается на *-уць* и *-ацъ* с предыдущим твердым или мягким согласным, при чем старинное различение этих окончаний по основам на *-о/е* и *-и*, а также на согласные не выдерживается: несýць, прóсяць говóруць, цéрплюць, спяць. Это же окончание (но только с *т* вм. *и*) знают и старые памятники: живуть 1432, будуть 1457, wзмѣть XVI в., слышать 1489 и т. д. (Белор., II, 2, 353—355). Подобно 3-ему ед. числа, и 3 л. множ. ч. в некоторых могилевских говорах оканчивается на *-ци* — *-ти*: уси хлопцы бегути, чужия жонки йдути, яны, поўзлаживали... дай пяюти там, як оцец и маци до школы пойдуци и т. д.

Повелительное наклонение в белорусских говорах до сих пор сохранило много старинных особенностей, напр., след суффикса *-п*, привив его даже основам на *-и*: идзéце, нясéце, хадзéм, голосéце и т. д. Это *е* из *п* идет беспрерывно от глубокой старины: идѣмо 1489, идѣмъ XVI в., боудемо и т. д., возмете XV в., пріимете 1562 и т. д. (Белор., II, 2, 361—362). И *п* на месте *и* также известно старым памятникам: поустѣте 1489, терпѣмо XVI в. (ib.). В говорах, соседних с великорусскими, отмеченные формы выходят из употребления и заменяются обычными в южновеликорусских говорах с *и*. Конечное *и* 2-го л. ед. ч. после гласного обыкновенно переходит в *й*, которое может заходить, как и в русск. литературной речи, и во множ. число: уцекáй, уцекáймо; после согласных, особенно в случае безударности *-и*, последнее может отпадать: кинь, згинь, отстýп, ня станóўся; то же и в старых памятниках: встѣпь, чинь XVI в. и т. д.

Будущее время выражается сходно с южновеликорусскими говорами: буду рабúць, зраблю. В южных говорах допускаются и образования, сходные с малорусскими: рабúциму, ицúмешь, сабирáцьмуць; кое-где заметно и разложение таких форм: „родну мову вы *любицеме* да веку“ Наша Ніва 1907 № 20 (Пявун-гаварун); реже в таких случаях употребляется маю: маю быць мяцён.

Северозападная часть б. Гродненской губ., наиболее подверженная польскому влиянию, знает будущее II-ое: буду мог, будзеш прасúла

и т. п. Такие образования известны и старому западнорусскому наречию: боудоу могль имѣти XV в. и др.

Причастия настоящего вр. действительного залога приняли неизменяемую форму (деепричастие) на *-учы* и *-ачы*: несучы́, про́сячы, се́дзючы, рыда́ючы. Как видно из последних примеров, эти окончания часто употребляются не на своем месте. В песнях иногда встречаются и образования на *-я*: се́дзя, начу́я, сто́я. Особенного внимания заслуживают редкие образования на *-а* (корися мужу як мога), обычные в древнерусских (на месте ц.-сл. -ы) и старых западнорусских памятниках: мока дождемъ и горя зноё, жива, возма, зова, какъ хто мога, ида 1489 и др. (Белор., II, 2, 366—367).

Причастие прошедш. вр. оканчивается на *-шы*: бегшы, е́ўшы; очень редко встречается -ў (из *-въ*): розли́ў слёзки. В северовосточных областях, соседних с великорусскими, причастие прошед. вр. знает образования на *-емшы*; запале́мшы, проглыцёмшы, спородзёмшы и под. Может быть они образовались под влиянием причастия от глагола ѣати (ср. вземшы, вынемши гр. 1597 г.).

Причастие прошедшего времени на *-лъ* образуется так же, как и в южновеликорусских говорах; после гласных на месте *л* по известному фонетическому закону бывает ў (быў, даў). При посредстве рассматриваемого причастия образуется прошедшее, давнопрошедшее время и условное наклонение: праси́ў, праси́ў быў, каб Мацей быў ў ве́дзьму не пове́рыў, не адгры́з быб аргани́сту но́са.

Для означения мгновенности действия употребляются отглагольные междометия: собака хап мясо, баба брык да гары нагами.

От страдательного залога есть только причастие прошедшего времени да неопределенное, образованное с этим причастием: би́тый, быць би́ту, зва́ный.

Особенности синтаксиса.

В отношении синтаксиса белорусское наречие, в сравнении с великорусским и малорусским, представляет мало отличий [1]). Некоторых синтактических особенностей мы уже касались в разных местах в морфологии, напр., особенностей в употреблении рода, числа слов, собирательных, отчасти падежей. Здесь прибавим еще несколько черт.

---

[1]) Они изложены в нашей книге: „Белорусы", II т., вып. 3: Очерки синтаксиса белорусского наречия. Варшава, 1912.

Что касается особенностей в употреблении числа, то в белор. наречии к словам, употребляемым только во множественном числе, в сравнении с великорусскими говорами, можно прибавить: кру́пы, коно́чли, грудзи (грудь), калёсы (телега), при великор. ед. числа „жито“— множ. число „жита́“; множ. ч. для означения времени: петухи́, дзе́ды, ко́ляды, прыехаў да кур, миръ... до купалъ 1349; множ. ч. для означения состояния лица: шо́лудзи, сухо́ты, на за́работках, иці́ ўпро́чки, пойдзем наўцёки; для означения населенных мест: Волосо́вичи, Кобы́льники (в старину и земсль: соущ8 ж є му оу Н е м ц ѣ, поидѣ во О у г р ы XVI в.), вообще названия мест: паста́ў ў галава́х, ў нага́х; для означения почтения: маць прачистая вярницеся; стойце пане дзядзьку; мой тато паехали и т. д. (Белорусы, II, 3, 31—36).

П о д л е ж а щ е е обыкновенно выражается именительным падежом. Об употреблении звательной формы в роли подлежащего уже была речь (стр. 102). Тут отметим еще один редкий случай выражения подлежащего числительным с предлогом: прышлі́ ў пяцёх, зрабили ў двох, жылі́ ў шасцёх. Иногда предлог отсутствует: ішло ў ночы *двох* с трывогай... „Наша Ніва“ 1912 № 14.

В выражении с к а з у е м о г о составного обращает на себя внимание то обстоятельство, что им бывает обыкновенно полная, а не краткая форма прилагательного: наш поп малады, яго вус залаты́. В тех случаях, где в русской литературной речи исключительно возможна форма творительного падежа (для означения временного состояния), в белорусском наречии допустим и именительный падеж: ён быў хво́ры, зраби́ўся вялі́ки ду́рень и т. д. Как и в русской литературной речи, связка в настоящем времени обыкновенно отсутствует, но в народной поэзии она нередко бывает налицо, при чем однако замечается смешение лиц: я ёсь одзи́н у до́ми, а есьм Микита и т. д.

В б е с с у б ъ е к т н ы х предложениях в роли подлежащего фиктивного иногда выступает местоимение „яно“: яно́ пра́ўда; яно́ здае́тца мо́жно зрабіць, але́ не́ для чаго. В этом отношении у белорусов некоторое сходство с малорусами. Вообще разные виды бессубъектных предложений очень распространены в белорусском наречии: но́ги его хо́чено перебі́ць, нима́ш стра́ху; ў мо́ры га́лу ёсць, кото́рому ли́чбы немаш; гэто будзе знаць; яна табе́ не тре́ба бу́дзе; от слёз не вида́ць све́ту бо́жаго; нима́ ча́су; ой чуць, ма́тко, чуць; слыхо́м було слыха́ць, а цяпер и ў глазы́ видаць; ка́жуць, ско́ро вайна́ будзе; ў календаре пі́ше, што будзе дощ; гарох пае́ло мо́шками.

В р е м е н а глагола-сказуемого употребляются так же, как и в литературной речи. Более редки следующие случаи: употребление на-

стоящего вида совершенного (будущего) для означения прошедшего действия; мы поўстрека́ли во́ўка. Як а з и р н е́ т ц а ён на нас, аж у вочах поцямне́ло. Подобных случаев не мало в старом языке: и князь... събравъ... рать, поиде... противу отца..., и съимуться на Вельи... и ту перевезѣться рать, и поидуть къ Трокомъ, и пришедши оступять Троки... Лит. лет.

В употреблении н а к л о н е н и й те же особенности, что и в литературной речи. Отметим разве значительно большее распространение формы неопределенного в разных значениях, в роли носителя наклонения, как можно видеть из ниже приведенных примеров: ну, як ици, дык ици—потхо́дзиць; от едзець. Як ехаць, дык ехаць—узьезжаець на чистое поле; як бехчы, дык бехчы—узьбегаець ён, лощадзь—разинуў рот на еты снопы. Тольки проглыциць—казак Михаи́ла хвациў яе за грыву. Иногда в подобной роли является повелительное: як бяжы, яны, бяжы, прыбегаюць яны к рыбаку. Укажем еще употребление вм. повелительного наклон. формы прошедшего времени: пашо́ў вон! каб ты здох! чу́ла—чу́ла! (слушай! обращение к женщине). При 3 лице повелительного употребляется „ниха́й“ или „хай“: ниха́й ро́бяць, хай нясе́.

Что касается з а л о г о в, то форм страдательного залога, как и вообще в русской народной речи, нет. Причастие прошедшего времени довольно употребительно, но личных форм страдат. залога нет. Обычны безличные выражения с страдательным причастием: не запильновали—и стох украдзено Орш.; разметано закон твой; лычиком завязано и т. д.; тысячми а҃нг҃лъ мело проважено бы҃ і҃с҃ х҃а въ нб҃о XVI в.

Из других особенностей в выражении сказуемого отметим попадающееся в сказках употребление п р и ч а с т и я вместо глагольной формы: сам поехаў к отцу. Маць помёршы, тольки три дни ни заспеў Городок. (но здесь может быть и великорусизм: северная особенность).

Разных случаев употребления тех или д р у г и х п а д е ж е й мы уже отчасти касались в морфологии. Здесь дополним сказанное там.

Винительный п. употребляется между прочим на вопрос „где“: сидзиць канец стала; робиць по-канец рук; жыве край села.

По памяти о старом родительном при достигательном (супине), а может быть и просто родительный части или временного, так сказать, пользования употребляется в белорусском наречии после неопределенного, зависящего от глаголов движения: пашли глядзець маста; камяни, идзиця топароў тупаць и под. Родит. п. употребляется и для означения времени на вопрос „когда“: голодного лета людзи ўмирали, тых дзён (в то время), сего́ лета; терпѣла с҃ми тое҃ ночи XV в. Время

выражается также разными формами с предлогами: за Микалая Паўловича 25 гадо́ў служыли; еси чини̑ за часо̑ ихъ XVII в.

При сравнительной степени вм. родительного падежа обыкновенно употребляется род. с предлогами *за*, *над* или *от*: ле́пшы за мяне́, сильне́йшы од льва, бага́тшы нат цара́. Употребления „чем" при сравн. степени почти не бывает: яны дальше ўдвайне, чимси ўчора были. Обыкновенно бывает *нiж*, *як*.

Дательный падеж для означения цели движения, довольно обычный в старом языке (поидеть Кракову Лит. лет., вздрыжаю̑ была земля XVI в., чему̑ ѿпусти̑ єси мене ib.), теперь известен только в наречных выражениях: го́дзи, чему (= зачем). Наречия: дамо́ў, дало́ў — формы местного падежа — употребляются в том же значении.

Дательного самостоятельного в белорусском наречии конечно нет; но имеются сложные предложения с явными следами разлагающегося дательного самостоятельного: женучы нам вепроў, то пан спаткаў нас; едучы им по дарози, захоцелося спаць Ялени и Ивану. То же в старом языке: мнѣ боуда старостаю—бо̑ их прислалъ бы̑ XV, тои же зимы боудоущи королю во Кракове... Андреи Полоцькыи приде Лит. лет.

Для означения места, кроме форм творительного падежа, употребляются еще наречия в форме творительного; кудо́ю, тудо́ю, сюдо́ю; кудыма́, тудыма́; сюдэ́ю.

При пояснении слов дополнениями с предлогами иногда наблюдаются отступления в сравнении с великорусскими говорами: смиянца с каго; насмѣеся с нй Пс. XVI в.; смиянца коло мене Орш.; просиць о хлеб; памятаў на бога: радаваўся з гэтого; нехай ся з мене не ра̑уують XVI в.; пацеху меў с таго; прышоў да до́му (=домой); размножыцца над пясок марскі; пашоў по грыбы. Обыкновенно „по", вм. дательного падежа, сочиняется с предложным: рос не па гадох, да па часох, да па минутах.

Старому западнорусскому наречию и современному белорусскому свойственна одна черта, отчасти известная и великорусскому наречию — повторение предлога перед существительным и определением или приложением к нему: поехаў ён под дуба, под етаго; пашли ў лазьню ў гэту. В старом языке: втопити оу реце у Двине; поеха̑ до лꙋцка до вѣликого и т. д. Литов. лет.

Ввопросительных предложениях обычно ставится „ци" (реже „чы") в начале предложения в тех случаях, где в р. литературной речи бывает „ли" (разве): ци ты гэтого не бачыў? рекл боазъ рꙋте чи не слышишь дочко XVI в. Но вопросит. предложения могут начинаться и с других слов: чаму ты не прыйшоў? што гэто за людзи? и т. д.

В сложном предложении обращают на себя внимание способы соединения придаточных предложений с главными.

Пояснение имени: той, што спиць...: Воидила, што былъ за него сестру свою далъ Лит. лет.; не застаў человека, бы им меў шкодзиць и т. д.

Выражение времени: ну як ици, дык ици — потходзиць.

Предложения цели в современной речи не знают союза „чтобы“, а обыкновенно пользуются „каб“ из „кабы“: прасиў, каб ты прыйшоў. В старом языке бо́льшее разнообразие: пре сеи миръ троудилисѧ... ажбы миро былъ и дъ века 1229 Смол., пошли Скӥгаила штобы ѿ зда присѧгꙋ Лит. лет., пришо̂ а̂бы суди̂ землю XVI в. и др. (Белор., II, 3, 258 — 261).

В условных предложениях обыкновенно „коли“: кали сабяреш много грошей, будзеш багаты; коли пойдуть... и вы бы ихъ пропускали 1443; „каб“: каб не ўмерли, таб небо подперли. В старых памятниках — аже, если и др. (Белор., II, 3, 268 — 272).

То же „коли“ и в предложениях времени: кали ты прыехаў, мы уже ўсе спали; а коли миръ станеть, юрью кнѧзю города лишитисѧ 1439. В таких же предложениях очень распространено и „як“: ꙗк упїшасѧ XV в.; як ем, и глух и нем.

Предложения следствия подчиняются союзами: „аж“, „ажно“, „ажны“: ꙋдари Голиаѳа в чело, аже ꙋвѧзъ камень в челе Скор., ён тады щуп за галаву́, ажно́ ў яго́ ро́ги; байба́к бяжы́ць, аж балахо́н яго́ дрыжы́ць.

Предложения сравнительные соединяются союзами: „як“, „бы“, „чым“, „нижли“, „быць“ („бытцам“), „моўля́ў“: смꙋтенъ ꙗкъ зезюлꙗ XVI в.; спиць як пшаницу прадаўшы; дудка цягне тонко, бы павуцина; задрыжали бы пьꙗные XVI в.; чимся так жиць, пайду лепий к воўку; лѣпше ꙋбоги́, нѝжли можны XVII в.; дощ быць дым закурыўся; иншия дзейкаюць, бытцам яны с прысы́пушыў Климов.; „Литва! родна зямелька. Ты, моўляў, здароўе“ Д.-Марцинкевич.

Белорусские говоры.

Из определения границ белорусской территории можно было видеть, на каком большом пространстве живут белорусы и как разнообразны их соседи; из краткого очерка образования белорусской народности нельзя было не заметить также, что последняя составилась из нескольких племен. Имея все это в виду, легко понять, что белорусская речь, будучи в основных чертах везде сходной, в разных местах в подробностях неодинакова. Вследствии этого является возможность

говорить о белорусских говорах. Отдельные черты их подчеркивались в разрых местах. Главнейшия подразделения два: югозападные говоры и северовосточные.

Первым принадлежат: твердое *р*, усиленное аканье в центре, возможность *о* и *е* безударных в известных случаях в областях, лежащих к югу, следы дифтонгов. 3 ье лицо един. числа у основ на -о — -е- без *-ць*.

Северовосточные говоры знают и мягкое *р*, безударные гласные часто изменяют как умеренно акающие южновеликорусские говоры (диссимилятивное аканье) знают *-эй*, 3-ье л. единственного числа всегда на *-ць*. В этих говорах постепенно усиливается великорусское влияние, особенно в словаре, кое-где в морфологии и даже в фонетике.

Есть и другие черты различия обоих отделов; можно даже указать подразделение говоров, о чем подробнее говорится а) в I т., 193—197, наших „Белорусов"; там же дана и диалектологическая карта; б) в „Опыте диалектологич. карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии" (Труды Моск. Диал. Ком.). Москва. 1915, 52—56.

Есть еще говоры переходные от белорусских к южновеликорусским, северновеликорусским и малорусским, но этот вопрос еще мало разработан в науке.

Речь современных белорусских писателей.

Употребляемая большинством современных белорусских писателей речь имеет в своей основе сильно акающий отдел югозападных говоров. По этому в ней обычны *а* вм. *о* безударного, *р* твердое, 3-ье лицо без *-ць*. Но рядом с этими основными чертами у них допускаются нередко и разные провинциализмы (в роде *-е* вм. *-иць* в 3 л. глаголов: лю́бе вм. лю́биць), сильно режущие ухо лиц, привыкших к чистой народной речи; нередки и полонизмы в словаре, а иногда даже в фонетике, чего конечно легко избежать, если быть внимательным к своему стилю.

Что касается принятой белорусскими писателями орфографии, то она сходна с нашей теперешней реформированной, только вм. *и* всегда употребляется *і*, обязательно пишется *ё* и введено *ў*; после шипящих и отвердевших согласных пишутся *ъ* и *э;* щ заменяется написанием *шч*.

Малорусское наречие (украинский язык).

Источники и пособия.

Для знакомства с малорусскими говорами мы имеем массу материала. Самыми надежными конечно были бы те данные, которые мы почерпнули бы из непосредственного наблюдения, но и при скудности последних в нашем распоряжении есть другие не менее надежные источники. Так мы обладаем множеством хороших записей народных произведений из разных мест, да, кроме того, имеем не мало напечатанных искусственных литературных произведений на малорусском наречии, которые для изучения языка так же важны, как и записи народных произведений.

Разнообразные особенности малорусской жизни, своеобразность языка, резко бросались в глаза всякому, имевшему общение с малорусами; поэтому естественно, что при первых попытках изучения русских народных говоров, тотчас же обращали внимание и на речь малорусскую. При обозрении великорусских говоров мы видели, что знакомство с народными произведениями началось еще в конце XVIII столетия. В то же время появляются и первые записи малорусских народных произведений. Сначала они попадают в сборники произведений великорусских (напр. у Чулкова), а потом появляются и отдельно. Конечно, первые собрания не отличаются особой ценностью, по крайней мере в отношении языка, однако, как увидим, они ценнее подобных же современных им собраний великорусских, что произошло от того, что народный малорусский язык резко отличался от языка литературного русского и поэтому не мог быть поправляем применительно к правилам последнего.

Не касаясь некоторых мелочей, можно считать первым этнографом, обратившимся к изучению малорусской поэзии *Н. А. Цертелева.* († 1869). Он занимался преимущественно эпической поэзией, результатом чего явилась его книжка: „Опыт собрания старинных малороссийских песней“ (Спб. 1819). Ближайшим преемником его явился *М. А. Максимович* (1804—1873). Сначала профессор ботаники

в Московском у-те, а затем ректор и профессор русской словесности и языка в Киевском у-те, по интересующему нас предмету известен как издатель двух сборников произведений малорусской народной поэзии: „Малороссийские песни“ (М. 1827) и „Украинские народные песни“ (М. 1834).

В это же время (первая четверть XIX столетия) делаются попытки изучения малорусского населения и записи их произведений и со стороны поляков. Из таких собирателей можем указать *Вацлава Залеского* и *Жеготу Паули*. Оба они, кроме польских-песен, записывали и малорусские, конечно польским письмом. Первому принадлежат: „Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego“ (Львов 1833). Русских песен здесь больше, нежели польских. Значение рассматриваемого собрания довольно верно охарактеризовано много лет спустя таким строгим судьей, как Бодянский: „Собрание Залесского сильное имело влияние как на земляков его, так равномерно и на русских в Галиции и Угрии; он самым делом уже показал и тем и другим, какое неоцененное сокровище они имеют в своем народном творчестве“ (предисловие к нар. песн. Головацкого). Паули издал Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi“ (Львов. 1839—1840, 2 тома).

Издания этих польских этнографов и др. подобных побудили и галицких русских взяться за изучение своей народности и ее языка. Плодом этого явился тогда же небольшой сборник „*Русалка Днестровая*“ (У Будиме 1837). Однако этим пока и ограничилась деятельность на поприще малорусской этнографии в Галиции.

В России в это время вышел в 1836 г. новый сборник *П. Лукашевича* († 1887): „Малороссийские и червонорусские народные думы и песни“ (Спб.). Эта небольшая книжечка после долго пользовалась уважением этнографов. Тогда как другие собиратели обыкновенно восторгались богатствами малорусской народной поэзии, Лукашевич, наоборот, говорит об ее упадке, о скорой гибели, и свой сборник представляет как немногое, что ему удалось спасти. Песни червонорусские Лукашевич взял от Залесского (Вацлава з Олеска).

К романтикам тридцатых годов относится *А. Л. Метлинский* (1814 — 1869), бывший профессором в Киевском и Харьковском у-тах, сборник которого также пользуется известностью. Им изданы „Народные южнорусские песни“ (Киев. 1854). В предисловии к сборнику он побуждает к собиранию памятников языка во всех его наречиях и оттенках: „Я утешался и одушевлялся мыслью, что всякое наречие, или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и

что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомненный признак кровного единства и залог святой братской любви между его единоверными сынами и племенами". Издание его песен в филологическом отношении очень исправное. Держась господствующего украинского наречия, он не устранял тех мелких особенностей, а также вариаций выговора, которые встречаются в самом главном языке.

Известный историк *Н. И. Костомаров* (1817 — 1885), родившийся в Воронежской губ., занимался и этнографией. Для нас интересны его сборники песен, изданные в „Летописях русской литературы и древностей" Тихонравова (т. IV, М. 1862) и „Малорусском литературном сборнике" Мордовцева (Саратов. 1859. Песни, собранные на Волыни). Наконец под его редакцией изданы 3 тома известных „Трудов" Чубинского (о чем речь ниже).

Современник Костомарова *П. А. Кулиш* († 1899), равно как отчасти и сам Костомаров, принадлежал несколько к иной этнографической школе. Прежний романтический вкус к малорусской старине начал сменяться более пристальным исследованием, собиранием и изданием памятников этой старины. Кулишу принадлежат „Записки о южной Руси" (1856—57), замечательные не столько своими материалами по языку, сколько своею новой формой этнографического изучения. Автор вводит читателя в самый процесс этнографического наблюдения: он дает не только самые народные произведения, не только живо рисует тот или другой обряд, но и близко знакомит нас с лицами, от которых записывает те или другие песни, и над которыми производит свои этнографические наблюдения.

С шестидесятых годов XIX столетия в малорусской этнографии выступают новые силы, проникнутые если не более теплым чувством к их малорусской родине, чем их предшественники, то несомненно еще большей ревностью к работе. Тут безусловно первое место принадлежит *П. П. Чубинскому* (1839 — 1884). В 1869 г., по поручению Географического Общества, он предпринял экспедицию в югозападный край, в течение которой была собрана такая масса материала, каковой не удавалось приобрести никому из предшественников Чубинского. Он исследовал губернии — Киевскую, Волынскую и Подольскую и, кроме того, захватил части Минской, Гродненской, Люблинской, Седлецкой и Бессарабской, населенные малорусским племенем. Материалы и исследования, собранные им, вышли в свет в течение 1872 — 1878 годов в 7-ми больших томах. Материал малорусской этнографии разросся здесь до раз-

меров, далеко превысивших все то, чем она владела до сих пор. Относительно достоинства языка собранных произведений мы имеем следующее свидетельство самого собирателя: „я везде следил за фонетическими и грамматическими особенностями говора".

В это же время выпустили в Киеве научное издание исторических песен *В. Б. Антонович* († 1908) и *М. П. Драгоманов* († 1895), под названием: „Исторические песни малорусского народа" (т. I и 1-ый вып. II-го тома. Киев. 1874 — 1875). Эти ученые предприняли пересмотр всего поэтического материала малорусской народной поэзии, вознамерившись собрать все существующие народные тексты, выделить все подлинное от сомнительного и прибавить к тексту исторический комментарий. Хотя это издание и не было окончено, однако оно оказало сильное влияние на дальнейшие изыскания.

К этому же времени относится деятельность *Номиса* (это псевдоним М. Т. Симонова, род. 1823 г., умер в конце XIX века). Ему принадлежит обширный сборник малорусских пословиц, который смело можно поставить рядом с великорусским собранием Даля. Книга его носит заглавие: „Українські приказки, прислівъя и таке инше. Спорудив М. Номис" (Спб. 1864). Здесь собрано до $14^1/_2$ тысяч пословиц и до 500 загадок. Взяты оне как из прежних изданий, так и записаны непосредственно из уст народа.

Другим замечательным трудом нового поколения этнографов были сборники *И. Я. Рудченка*: „народные южнорусские сказки", вышедшие в двух выпусках в Киеве в 1869 — 70 г., и „Чумацкие народные песни" (Киев. 1874). Сказки Рудченка особенно интересны в отношении языка, так как он не хотел пропускать ничего, что могло бы служить для характеристики малорусских говоров в фонетическом и лексическом отношениях. Нельзя подобного сказать относительно песен: здесь собиратель в основу клал обыкновенно более полный текст песни и затем в выносках сообщал варианты. От этого сборник выходил цельнее в отношении содержания, но много терял в отношении неприкосновенности языка, так как сохранение особенностей местных говоров здесь было невозможно.

Из других работ по собиранию народных малорусских произведений в последующее время отметим: сборники *И. И. Манжуры*: „Малорусские народные предания и рассказы" (1876 г.); „Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ". (1890 г. в III т. Сборника Харьк. И.-Ф. общества); *Ястребова*: „Материалы по этнографии Новороссийского края" (легенды, сказки, рассказы), 2 части (1894 г.); *Б. Д. Гринченка*: „Этнографические мате-

риалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях" (Вып. I. Чернигов. 1895, II — 1897, III — 1899).

В заключение рассмотрим сборники малорусских народных произведений, явившиеся в конце XIX и начале XX столетий вне пределов России. Тут прежде всего интересны труды известного польского этнографа *Оскара Кольберга* (1814 — 1890). Главный его труд по малорусской этнографии „Pokucie. Obraz etnograficzny" (Краков. 4 тома. 1882 — 1889. Попутье — угол бывшей Речи Посполитой, между Карпатами и Днестром; населен гуцулами и подгорянами). С 1877 по 1895 г. выходило особое издание Краковской Академии Наук, посвященное вопросам археологии и этнографии: „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej". Здесь нашли место и многие собрания народных малорусских песен и других произведений слова. Так сам *Кольберг* поместил здесь небольшой сборник песен, записанных им в Подольской губ. (т. XII); тут же есть песни украинские из окрестностей Белой-Церкви, записанные *Мошинской* (т т. II,V,IX); из Волыни, записанные *Рокоссовской*, из окрестностей Пинска, записанные *Быковским* (II т.); из м. Лолына Стрыйского повета в Галиции, записанные *Франком* (т. X), и др. Указанное издание сменилось другим: „Materyały antropologiczne i archeologiczne i etnograficzne". И здесь находит по временам место и малорусская этнография. Хотя в отмеченных изданиях малорусские материалы и передаются польской транскрипцией, но при умелом пользовании и из них можно извлечь немало интересных данных.

Но самым капитальным трудом по собиранию малорусских народных произведений вне России во второй половине прошлого столетия являются „Народные песни Галицкой и Угорской Руси" *Я. Ф. Головацкого* (1814 — 1888), напечатанные в „Чтениях" в Моск. О. И. Д. Р. с 1863 по 1878 г. в 4 больших томах. Это очень капитальная работа известного Галицкого патриота, после которой не появлялось ни одной подобной. Для Угорской Руси лучший сборник по языку *А. де-Воллана*: „Угрорусские народные песни" (Спб. 1885. XIII т. Записок Г. Общ.).

Образовавшееся в конце XIX столетия в Львове *Науковое товариство имени Шевченка* издает между прочим „Етнографічний збірник". I т. его вышел в 1895 г., а в 1914 уже вышел XXXV том. Здесь много материала для изучения малорусского языка и поэзии. Большинство записей сделано или приведено в порядок и редактировано *Вл. Гнатюком*, лицом очень опытным в малорусской этнографии.

Подробный очерк сборников народных малорусских произведений у *А. Н. Пыпина* в „Истории Русской этнографии", т. III, а также у *Н. Ф. Сумцова* († 1923): „Современная малорусская

этнография", ч. I (Киев 1893); II (1897) и особенно у *Б. Д. Гринченка*: „Литература украинского фольклора, 1777—1900. Ср. еще ст. *В. А. Францева*: „Обзор важнейших изучений Угорской Руси" (Р. Ф. В, т XLV, 1901).[1]).

Для изучения украинского языка мы имеем и другой источник — искуственные произведения разных писателей — *Котляревского, Квитки-Основьянсенка, Шевченка* и мног. других, так как украинский язык в настоящее время уже стал вполне литературным.

Обращаемся к *пособиям*.

Более выдающийся старый труд — это *Головацкого*: „Росправа о языцѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ" (Львов. 1849), имеющий теперь лишь историческое значение. Довольно обстоятельный очерк малор. наречия у *Потебни* в статье: „О звуковых особенностях русских наречий" (Фил. Зап. 1865). Малорусского языка Потебня касается и в других своих работах, хотя больше с исторической точки зрения. Исключительно живых особенностей народных говоров касается *К. П. Михальчук*: „Наречия, поднаречия и говоры южной России в связи с наречиями Галичины" („Труды" Чубинского, т. VII, 1872 г.). К очерку приложена карта. Довольно обстоятельно рассмотрено малорусское наречие и в „Vergleichende Grammatik d. slavisch. Sprachen" *Ф. Миклошича*, где этому наречию в фонетике и морфологии отведены особые отделы. К сожалению у Миклошича в малорусском отделе рассматриваются и факты белорусского наречия. Больше с исторической точки зрения малорусское наречие рассматривается у *Житецкого*: „Очерк звуковой истории малорусского наречия" (Киев. 1876), а также у него же в „Очерке литературной истории малорусского наречия в XVII в." (Киев. 1889). Лучшей работой по рассматриваемому наречию считается работа *Е. Огоновского*: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache" (Львов. 1880 г.). Его-же извлечение из этого сочинения, отчасти дополнение к нему, в издании Крак. Академии Наук: Rozprawy i sprawozdania wydziału filolog. X, 1884 г., под заглавием: „O ważniejszych właściwościach języka ruskiego". Ему же принадлежит и школьная грамматика: Граматика руського язика для шкôлъ середнихъ (Львов. 1889). Не отличается научными достоинствами, но все же не лишена некоторого значения и книга *В. Науменка*: „Обзор фонетических особенно-

[1]) Этнографическая и лингвистическая литература последнего времени, вследствіе не наладившихся постоянных сношений с заграницей и расстройства книгообмена с учеными в пределах СССР, известна только отчасти. Назову, напр., работу д-ра Jiřiho Krále: „Geografická bibliografie Podkarpatské Rusi" (Praha, 1923).

стей малорусской речи" (Киев. 1889). Очень много материала по живым малорусским говорам собрано в работе *А. И. Соболевского*: „Очерк русской диалектологии" (Живая Стар. 1892 г. №4); исторический материал приводится в его „Очерках из истории русского языка" (Киев. 1884) и др. исследованиях. Очерк современного малорусского наречия имеется и в „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе" *Дурново*, *Соколова* и *Ушакова* (М. 1915). Из попыток дать грамматики малорусского литературного языка в последнее время отметим *Е. Тимченко*: „Українська грамматика" (Киев. 1907). В 1907 — 1908 г. сделана была попытка *А. Крымским* дать научную грамматику малор. наречия в книге: „Украинская грамматика" (М.). Но книга эта производит странное впечатление: в ней недостает начала, нескольких листов и целых выпусков в середине; пагинация вообще очень странная, а главное — изложение научных фактов, подчас очень ценное, сопровождается крайним полемическим задором по адресу акад. Соболевского. Отзыв об этой книге *Шахматова* в т. II Rocznik slawistyczny (Kraków. 1909). Совершенно в другом роде, но то же тенденциозно написана книга: Smal Stockyj und Gartner. Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache. (Wien. 1913). Здесь малорусский язык сравнивается с сербским и др.-ц.-славянским, только бы не сопоставлять с общерусским. Отзыв о книге *Шахматова* (Україна 1914 г., I, 31 — 49) и *мой* (Р. Ф. В., LXX). В духе Смаль-Стоцкого и книга: Др. *Василь Сімович:* Граматика української мови. Київ—Ляйпциг. 1919. (548 стр.). *А. А. Шахматову* принадлежит „Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка" в издании: „Украинский народ в его прошлом и настоящем". II т. (Пгр. 1916). На малорусский язык эта статья переведена в книге: „Акад. *Ол. Шахматов* — Акад. *Аг. Кримский*. Нариси з історії української мови та хрестоматія" (Киев. 1922). Вполне научное пособие по малорусскому языку с историческим освещением дал *С. М. Кульбакин*: „Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии" (Харьков. 1919). Со стороны исторического материала (и отчасти диалектологического) интересно издание *І. Свєнціцкого*: „Нариси з історії української мови" (Львів. 1920).

Еще укажем малорусские словари: „Малоруско-німецкий словар, уложив *Євгеній Желеховский*". Два тома (Львов 1886 г.) и „Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала Киевская Старина". Редактировал *Б. Д. Гринченко*. I — IV т. (Киев. 1907 — 1909).

Есть еще несколько более или менее замечательных исследований по малорусскому наречию, касающихся больше отдельних местностей (*В. Шимановский*: „Звуковые и формальные особенности народных гово-

ров Холмской Руси". Варш. 1897; *Олаф Брох*: „Угрорусское наречие села Убли". Спб. 1899), или отдельных явлений языка (*Верхратского*, *Колессы*, *Охримовича*, *Огиенка*, *Тимченка* и др. в„ Archiv f. sl. Phil", в „Записках наук. тов. им. Шевченка", в Р. Ф. В. и др. изд.). Очерк физиологии малорусских звуков дан *О. Броком* в Энциклопедии слав. филологии, вып. 5. 2 (Спб. 1910). Лучшая „Хрестоматия по малорусской диалектологии" *Н. Н. Дурново* (М. 1913).

Наконец, для собирания малорусских народных произведений с целями диалектологическими изданы две программы: а) *Михальчука* и *Крымского*: „Программа для собирания особенностей малорусских говоров" (Спб. 1910. Изд. РАН), б) *Михальчука* и *Тимченка*: „Программа до збирання діалектичных одмін украінскої мови" (Київ 1910).

Область занимаемая малорусским языком.

После определения границы великорусских и белорусских говоров на юге уже нам известна и граница малорусского наречия на севере. Здесь малорусское племя граничит сначала с белорусским по губерниям б. Гродненской (почти весь Бельский, Пружанский и Кобринский уезды), южной части Минской, доходя приблизительно до Припяти; далее граница идет по Черниговской губернии сначала соприкасаясь с белорусскими говорами, а затем с южновеликорусскими, о чем мы уже имели случай говорить. Далее малорусские говоры соприкасаются с южновеликорусскими по губ. Курской, Воронежской, заходят в Область Войска Донского; затем спускаются на юг приблизительно к устью Донца, причем в перемежку с малорусами живут в значительном количестве здесь и великорусы. Так граница доходит до Таганрога и Ростова на Дону, затем идет по восточной стороне Азовского моря, до средней Кубани; далее по этой реке к югозападу и доходит до Черного моря. В Таврической губ. почти нет малорусов. От устья Днепра к северу опять малорусы и здесь достигают до Днестра и отчасти Прута, соприкасаясь с румынами; затем малорусы переходят за Карпаты, гранича с мадьярами, и здесь достигают верховьев Тиссы. Затем западная граница идет сначала со словаками и поляками в Галиции, а потом с поляками по б. губерниям Люблинской и Седлецкой, возле Белы и Холма.

На указанном пространстве живет более 33.000.000 малорусов, в том числе в СССР и местах, отошедших к Польше по Рижскому договору, 28.500.000; в Галичине 3.500.000 (больше 42% всего населения); в Буковине 400.000; в Угорской Руси более 500.000. Есть в незначительном количестве малорусы в Америке и некоторых других местах.

В таком количестве и на таком пространстве живут в настоящее время малорусы, или, как в последнее время начали называть их малорусские ученые, — „украинцы“. В Галиции употребляются и другие местные названия: „русины“ — Ruthenen (в Галичине и Буковине — по Бугу, Днестру и его притокам) — собственно общее название. Горные русины разделяются на „гуцулов“ (в долине Прута и Черного Черемоша, Белого Черемоша в Буковине и отчасти Сучавы, и в Угрии в долине Белой и Черной Тиссы); „бойков“ (на северовосточном склоне Карпат, к югу от Стрыя); „лемков“ (от слова „лем“ только — самая западная часть русского племени, от м. Лютовиска до Татр); „угрорусов“, или „угорских русняков“ (югозапад, у Тиссы). — По религии большинство малорусов — православные, в Галичине и Угорской Руси — униаты [1]).

При зарождении Русского государства дело обстояло значительно иначе. По свидетельству нашей Начальной летописи те др.-русские племена, которые легли в основу малорусской народности, — поляне, древляне, волыняне, дулебы, тиверцы, хорваты и др., жили по правому берегу Днепра, на севере достигая р. Припяти, на западе переходя за Карпатские горы, на юге опускаясь до Днепровских порогов и устья Днестра. Территория эта в северной своей части представляла местность, обильную лесом, а в южной были степи, что давало повод разным кочевникам селиться здесь и вытеснять русские племена. Вся левобережная Украина тогда еще не была занята племенами, легшими в основу малорусов; движения последних в эти области (где теперь губернии Полтавская, Харьковская и Воронежская) произошло лишь со-временем. После татарского нашествия наибольшему опустошению подверглась степная часть как левого, так и правого берега Днепра. Лесистая часть, куда не могла проникнуть татарская конница, менее всего испытала на себе татарскую силу. Но так как теснимые татарами и вообще южными кочевниками племена подались на север и запад, то некоторое движение населения, особенно на северозападе, и здесь сказалось: основан на Волынской Украине Холм, близь польской границы.

С течением времени Галич отходит к Польше, а Волынь и Киев за Западной Русью подпадают под власть Литвы. В XIV в. ослабевает и власть татар. Вот теперь „Малая Русь“, пользующаяся этим названием уже, несомненно, с XIII в. [2]), под охраной литовских князей,

---

[1]) Хорошее популярное описание дано в книге: „Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала „Украинская жизнь“ (М. 1915).

[2]) В древнейшую пору Малороссия называется просто „Русью“, „Русской землей“ (в Летописи и др. старинных памятниках). Термин „Украина“, в смысле

начинает колонизовать опустошенные области — сначала Полтавщину и южную Черниговщину, куда, судя по языку, двинулись колонисты из южной части правобережной Малороссии (может быть в несколько приемов); затем в XVII в., под охраной уже Московского государства, они колонизуют Харьковскую, Воронежскую и южную часть Курской губ.

Малоруский (украинский) язык.

Главнейшие особенности современной малорусской речи часто восходят к глубокой древности, к отличительным чертам древнерусских говоров киевского и галицковолынского, заметным уже с XII в. Так как однако центром русского просвещения древнейшего периода был Киев, стоявший на большом торговом водном пути, где сталкивались разные русские племена и где постоянно находилась сборная княжеская дружина — с одной стороны, с другой — так как языком церкви и первых письменных памятников был язык ц.-славянский, то естественно, что древние русские книги, явившиеся на юге, в очень незначительной степени отражают намечавшиеся особенности малорусского наречия. Не лучше стало дело и когда малорусские земли подпали под власть Литвы. Тогда в деловой письменности распространился здесь старый западнорусский язык, в основе которого лежало, как мы видели (стр. 81), белорусское наречие. Живые малорусские черты и теперь в большей или меньшей степени проскальзывают лишь как невольные описки. Когда правобережная Украина подпала под власть Польши, тогда особенно сильно полились полонизмы в письменную и народную речь. Многие малорусские деятели начали писать даже чисто по-польски. Настоящее малорусское наречие в чистом своем виде появляется под пером лишь первых светских народных писателей, как Котляревский, Шевченко, Квитко-Основьяненко и др.

Вследствие сказанного и выдающихся старинных памятников с преобладающими чертами малорусского наречия немного. Сюда принадлежат главным образом грамоты, древнейшие из коих восходят к XIV в. (перечисление их дано у *В. Розова*. Киев. „Университ. Известия“ 1907 № 5; 1913 № 10 и 12), да переводы книг св.писания, напр. Пересопницкое Ев. 1561 г., и некоторые летописи того же времени.

„окраина“ попадается уже с конца XII в., но как политический термин сначала для Поднепровья, составляющего окраину Польского государства, входит в употребление лишь с XVI столетия.

Вопросу об истории малор. наречия вообще и объяснению тех или других особенностей его посвящены 1) названные раньше работы *Житецкого*, 2) диссертация „Очерки“ и „Лекции“ *Соболевского*, 3) Украинская грамматика *Крымского* и 4) „Нариси“ *Свенцицкого*, где перечисляются и более важные произведения с малорусскими особенностями.

Особенности в области гласных.

Малорусский язык в своих господствующих говорах резко выделяется из других русских наречий главным образом по своему вокализму. Преобладающим звуком в этом отношении в нем является *і*, представляющее в отношении своей твердости несколько оттенков. Почти все гласные так или иначе приближаются к нему. Правда, малорусский язык, как увидим после, представляет несколько говоров, в одной части которых отмеченное приближение гласных к *і* заменяется тем, что они приближаются к дифтонгам или явственно переходят в них. Рассмотрим замены разных гласных в отдельности.

На месте др.-русского *ѣ* находим следующие звуки: *і*, *іе*, *є* [1]). Первая замена есть почти общемалорусская: она имеет место в Украине, Подолии, Галичине, и Угорской Руси: лі́то, їхати, воді, ві́к. Мягкость *і* в начале слов выражается в присутствии перед ним j (ї = ji). Но и другие замены *ѣ* также известны. В северномалорусских говорах (особенно в говорах южной части б. Гродненской г., в малорусских говорах б. Седлецкой и б. Люблинской г., в северной части Черниг. г.) на месте *ѣ* встречается дифтонг *i͡e* (іе и ié), иногда даже, повидимому, *іє* (т.-е. іje), который может чередоваться с je, а также с ji — і: свіет, віе́тер, лі́ого; но рядом с указанными заменами в тех же местностях встречаем: вьје́тер, льес, грјех. В случае безударности основного слога с *ѣ* дифтонгов там почти незаметно: девчи́на, леси́, доро́зі при „корчміе́“ и под. Звук *є* на месте *ѣ* слышится, таким образом, в тех же местностях, где и дифтонг *i͡e*, особенно в слогах безударных. Отметим еще, что местами (хотя и редко) заместителем *ѣ* является *и* и *е*, причем *и* особенно после *р* вследствии отвердения последнего: грыје́х, грых, хлыб (Бела Седл. г.); песко́м, меша́ймо, реки (Сосницк. у. Черн. г., м. Але-

[1]) В принятом малорусском (украинском) письме *е* = э, *є* = е (je,'e), *і* = и, *ї* = ji, *и* = почти ы. Мягкость согласных обозначается на конце посредством *ь*, а в середине следующими за согласными — я, є, і, ї, ю; *е* и *и* не умягчают согласных. Обычный у нас знак *ё* в начале слов передается посредством *йо-*, а в середине после согласных через *-ьо-* (*його*, *цьой*), h = г, а g = ґ.

ксандровка и кое где в других местах). Не вдаваясь в рассмотрение вопроса относительно того, в каком соотношении между собою находятся указанные замены *ѣ*, отметим все-таки, что легче всего выводить их из дифтонга *i͡e*, при чем в *і* будет ослабление второй части его, а в *є* ослабление первой; переходною ступенью будет је. В *и* и *е* усмотрим позднейшее отвердение после *р* губных и др. согласных.[1]) По своему *і* на месте *ѣ* малорусское наречие сходно с северновеликорусскими говорами, хотя в последних эта замена и неповсеместная. По дифтонгам северномалорусское наречие не отличается от южнобелорусских говоров и, по всей вероятности, сохраняет остаток глубокой старины, так как дифтонг *i͡e* на месте *ѣ* следует считать прарусскою особенностью. Появление *і* на месте *ѣ* галицковолынские памятники знают с XIII в. (*в*идяше, *п*инязь, *н*икы Ев. 1283 г.).

Звук *е* (из др.-русск. *е* и *ъ*) стал неумягчительным и поэтому в соединении с согласными получаются твердые слоги: „слово *дерево* по-малороссийски надобно произносить так, как если бы оно было напечатано французскими буквами (dérévo)“ (Кулиш). *Номис* об украинском *е* говорит, что оно „твердіше од московського *е* и ніби мягкше од московського же э“. Твердое произношение согласных перед *е* свойственно всем малорусским говорам, хотя кое-где можно наблюдать и такое *е*, какое мы имеем в великорусских говорах. В украинских говорах такое є в начале слов, где в др.-русском был j: єсть (др.-р. ѥсть), єю (ѥю), но з нею, или в окончании прилагательных по той же причине (j). добреє, синє. В других говорах такое є после удвоенных согласных зіллє, сміттє, сміте. Таким образом можно сказать, что вообще согласные перед *е* бывают твердыми: *земле*ю, *доле*ю, *яйце*м и т. д. Нельзя однако думать, чтобы отмеченная твердость была исконная. Конечно, уже в старину малорусское *е* не было столь умягчительно, как в великорусских говорах, но не было и столь твердо, как теперь. По крайней мере в слогах, где несомненно следует видеть потерю *ъ*, как в робіть (повелит.), беріть (вм. др.-русск. берѣте) и под. в восточномалорусских говорах мягкость согласного *т* может быть объясняема только исконным соединением с *е* умягчительным. На это же указывает и появление *о* или дифтонга с предыдущей мягкостью согласного (ё, i͡oo) на месте *е*, а также умягчительность в начале слов, сказывающаяся в присутствии

[1]) О северномалорусских дифтонгах имеется статья Всевол. Ганцова „Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку“ (Всеукраінська Академія Наук. Записки Історично-філологічного відділу. кн. II-III (Київ. 1923), 116—144).

перед ним j. Отвердели вторично в малорусском и согласные, бывшие уже в праславянском мягкими, напр., в словах: поле (ср. ст.-слав. полѥ или по̀ле) и т. п. Эта твердость полумягких прарусских согласных в малорусском перед *е* произошла уже на глазах истории (по наблюдению Крымского, 196, в западных говорах началась около XV в.) вследствие того, что *е* как и *и* в малорусском имеет тенденцию из гласных переднего ряда приближаться к гласным среднего.

Звук *и*, имеющий в великорусских говорах обыкновенно мягкое произношение, т.-е. смягчающий предшествующие ему согласные, в говорах малорусских звучит значительно тверже, иногда почти как наше *ы* (на западе), или скорее, как звук средний между *и* и *ы*: роб*и*ти, л*и*хо, б*и*ти и т. д. Мягкое произношение *и* сохранилось лишь в тех случаях, где оно стоит после предполагаемого j, т.-е. в начале таких слов, как їм, їх, їми, а также после гласных: поїти, гоїти, свої, гаї, рої, и т. д. С подобными случаями не следует смешивать таких, где в др.-русском языке следует предполагать *ѣ*, хотя бы в теперешних великорусских говорах было *и*. Таковы, напр., случаи: коні (др.-р. конѣ), царі (др.-р. царѣ)—имен. п. мн. ч., зорі, долі (род. п. ед. ч.), ходім, ведіть (повелит.). Есть, конечно, и вторичные образования, в роде дат. п. на -ові (попові) рядом с -ови (попови).

Со звуком *и*, средним между *і* и *ы*, совпал общерусский звук *ы*, значительно приблизившись к *и*, так что в большинстве случаев разницы между древними *и* и *ы* не существует: м*и*ти (мыти) представляет в обоих слогах одинаковый гласный. С физиологической точки зрения малорусский *и*—гласный среднего ряда, но значительно подвинувшийся к переднему ряду, кроме того, не верхний, а средний, ближе к категории *е*, чем *і* (*Брок*, § 135). Такое среднее *и* вм. *ы* даже после задненёбных: г*и*нути, мняк*и*й, тих*и*й. Впрочем такое полное совпадение звуков *і* и *ы* является в малорусском только преобладающим. Можно указать местности, где более или менее различаются эти звуки. Так в галицких говорах после задненёбных произносят *і*: наг*і*й, к*і*піти, сух*і*й; в карпатских говорах наоборот: глухы̆й, кы̆дати, хы̆лятися; у лемков *и*=*ы*: ходыты, а в Угорской Руси можно слышать и звоніті. Иногда даже на Украине—вімня (вымя), відати. У гуцулов—вісокый. В разных местах Галичины ударяемое и безударное *и* заменяются звуком, близким к *е*, особенно после задненёбных: сухе́й, кре́й бо́же! Ягич даже наблюдал у своих галицкорусских и угорусских студентов произношение *ы* как *ей*: ст.-слов. „быкъ“ читали „бейкъ“. Что касается рассмотрения причин совпадения звуков *и* и *ы* в малорусском наречии, как это произошло и в некоторых других славянских языках, то это

задача истории языка. Здесь отметим, что такое совпадение не может считаться древним (отдельные случаи — при том редкие, похожие на описки—смешения *и* и *ы* встречаются уже в памятниках XI—XII в.; чаще оно в XIV—XVI вв. См. *Крымский*, 208ᴇ след.), хотя можно предположить, что в основном славянском и не было столь твердого *ы*, как в великорусском и польском произношении. На существование в малорусском довольно мягкого *и* указывает мягкость *т* в инфинитиве, в случае отпадения *и*: носить, хвалить и т. д. Это отпадение *и* произошло, очевидно, еще тогда, когда *и* было умягчительным. Впрочем, если видеть в формах неопределенного на *-ть* подражание окончанию супина, тогда такого отпадения предполагать не придется.

Но особенно заметно стремление малорусского наречия к звуку *і* в так называемом сжатии гласных *о* и *е*, при котором они переходят в *і*. Это явление имеет место только в закрытых слогах, больше под ударением: прар. *волъ дает віл, но вола, пр.-р. *носъ дает ніс, но носу, пр.-р.*кость дает кість, но кости; или *ледъ дает лід, но род. леду и лёду, *печь, дает пічь, но печи. При том в *і* переходят только исконнорусские *о* и *е*, но не образовавшиеся на русской почве *о* из *ъ* и *е* из *ъ*: сон (прарусск. *сънъ), лен (пр.-р. *льнъ) остаются без перемены. По звуку своему *і* из *о* и *е* совпадает с *і* из *ѣ*, однако не везде. Так в украинском произношении слоги *-лі-*, *-ні-* из -ло- — -ле-, -но- — -не- звучат тверже, нежели слоги *-ні-*, *-лі-* из -нѣ-, -лѣ-: лій (лой жир) произносится в отношении гласного не так, как олія (олѣя масла); даже *-ні-* из -но-(ніс из нос), по утверждению *Крымского* (30), звучит тверже, чем *-ні-* из -не-(нїс из нёс). В Галиции, по *Гольвацкому*, полное совпадение рассматриваемых *і*. В говорах волынскоподольских это *і* из *о* и *е* часто совпадает с исконным *и* и поэтому неумягчительно. Северномалорусские говоры на месте основных русских закрытых *о* и *е* знают дифтонги со звуком *у* (у͡о, у͡е, у͡ы, у͡и), или же одно *у* ку́онь, куо́нь, ру́ек (рок год), ву́ил; кунь, вул, нус. Аналогичные случаи видим и с *е*: пю́орце, завю́ол, люд (лёд), мюд, втюк (три последние примера у лемков). Таким образом сжатие *о* и *е* возможно только тогда, когда они основные и стоят в закрытых слогах. Под влиянием разного рода аналогии, а иногда и других недостаточно ясных причин бывают отклонения в ту и другую стороны. Так, напр., имеем кіло́к (кол) и род. п. гіро́к, кізо́к, или уменьшит. ніжечка (ножечка). Во всех подобных случаях *і* вм. *о* под влиянием образований, где он на месте (в слоге закрытом), как кіл, гірка, кізка, ніжка и т. д. Или имеем бог, господь, объясняемые книжным и ц.-слав. влиянием, хотя

также кое-где можно слышать и бíг, и повсеместно в выражениях: пробí, спасúбі, помогай бíг; или — ведéш, несéш, где *е* по аналогии других лиц с этим звуком в слогах открытых (веде, ведете). С другой стороны, иногда *і* появляется и на месте *о-е* из др.-р. ъ и ь: дрíв, бліх (основн. дрьвъ, блъхъ), хотя их можно объяснять и иначе в виду белорусских дрывá, блыхá: можно видеть особую замену прарусских слогов *ръ — лъ*, в которых, при неударенном положении, после исчезновения ъ согласные *р* и *л* вокализовались и затем развивали при себе *ы*; слоги ударяемые подражают безударным. *О* и *е* при полногласии также не переходят в і, хотя бы они и оказались в слогах закрытых, так как вторые *о* и *е* не праславянского происхождения; однако имеем: борон и борíн, берез и берíз. В таких случаях, конечно, подражание словам с *о* и *е* основными.

Рассматриваемое явление малорусского наречия не находит для себя аналогии в великорусских говорах. Из других славянских языков аналогичные явления находим также в немногих, именно в сербском, чешском и польском. В первых двух закрытость слога содействует тому, что слог становится долгим: серб. бо́г — бо̏га, ле̑д — ле̏да; чеш bůh — boha из ст.-чеш. buoh — bōh — boha. В польском в закрытых слогах гласные становятся закрытыми: bóg — boga. Вследствие указанных аналогий нужно думать, что и малорусское сужение гласных в слогах закрытых отражение старинной долготы. Из истории языка известно, что падение конечных и др. неслоговых ъ и ь в древнерусском произвело некоторое усиление гласных в слогах, предшествующих им, Так ъ и ь прояснились в *о* и *е* (сон, день из *сънъ, *дьнь); звуки же *о* и *е* в слогах, предшествующих утраченным ъ и ь, а также *й* из *и* стали долгими (во̏л из *волъ, ло̏д, из ледъ, ще̏ст' из *шесть); долгое закрытое *е* в старинных памятниках часто изображалось посредством *ѣ*: спасѣные, весѣлия, камѣниемь, пѣщь и т. д. (Свенцицк., 45). В литературной речи, великорусских и белорусских говорах эта долгота утратилась; в малорусском она содействовала появлению дифтонгов, а затем тому или другому преобразованию последних в простые гласные. Таким образом исследователи малорусского наречия указывают тот или другой порядок переходов от ō к *і* и от ē к *і*, напр. *Житецкий*: ō—ŭ—уо—уэ—уи—уі—ы(ü)—и—і. Эту длинную лестницу *Шахматов* сокращает в: ō—у͡о—üö—і, что и естественно, так как закрытые звуки повышают физиологически свое положение, приближая тем его к палатальному. Примерно такое же движение было и на месте орфографического *е*, стоявшего перед твердым согласным, где в прарусском языке собственно было ō, которое изменялось на малорусской почве:

ŏ—ĭŏ (ю͡о)—і (лŏд—лю͡од—лід). Если же *е* стояло перед мягким согласным, то оно обращалось в ē, на месте чего являлся дифтонг і̯е, дальнейшая судьба которого была та же, что и і̯е из *ѣ*: шēст'—ші̯ест'—шіст'.

По старинным памятникам галицко-волынского происхождения можно проследить *у*—*ю* на месте *о*—*е* уже с XIII века (субутныи, щюдръ. Соболев. Лекции[4], 67, по божьюмъ XIV в.), а *і* с XVI в. (гакивница, Антинъ. Крымск., 176.)

Несколько похоже на отмеченное сжатие гласного *о* появление на его месте без ударения в западноукраинских и галицких говорах гласного *у* в словах, в роде: укр. *уп'я́ть* (опять), *убе́д*, *мулуґі́*, *купувати*, *таньцювати* и под. Однако здесь *у* вызвано другими причинами: в трех первых словах безударное о, с повышенной артикуляцией, при губных; в глаголах на *-ува -о* изменилось в *у* по аналогии настоящих времен: *купуєш*, *таньцюєш* и т. п.

На месте безударного *у* иногда является *і*; *за́між*, *огірок*, *дібро́ва*.

И звук *е* в некоторых говорах (пограничье Галичины и Подолии), будучи без ударения, а иногда и под ударением переходит в *и*: *хло́пиць*, *чика́ла* (Крымск. У. Г. I, 219); *ви́чір*, *пли́чі* — у бойков. Ясно, что в подобных случаях *е*, особенно безударное, повысило свою артикуляцию. В подляшских и полесских говорах даже вм. *'а* иногда является є (после мягких и шипящих), и даже *і*: *сєду*, *щєстє*; *взїв*, *жи́ти* (жать) и др. По старинным памятникам *и* вм. *е* безударного наблюдаем в XV—XVII в.: *жадин*, *клинѣте* и др. (Свенц., 80).

Противоположно сжатию расширение гласных. Тут прежде всего отметим появление *о* с предыдущей мягкостью на месте *е*, причем, конечно, предполагается звук є, а не *е*, так как иначе не получилось бы *ё*; говоря другими словами, появление *о* с предыдущей мягкостью должно быть отнесено ко времени довольно раннему, когда еще *е* не достаточно отвердело. Что касается условий, при которых возможно появление *'о* из *е*, то их трудно определить: сходства с южновеликорусскими говорами здесь нет, больше с северновеликорусскими. Рассмотренное явление, вероятно, остаток известного древнерусского перехода всякого *е* перед несмягченными согласными после нетвердого согласного в *ŏ*. Чаще наблюдается *о* (*ё*) после шипящих, а также *j* в слогах, предшествующих ударению, и перед твердыми согласными, но бывают и уклонения. Примеры: *бджола́* (др.-р. бъчела), *жо́втий*, *жона́*, *чоловік*, *чорт*, *шо́стий*, *щока́*, но с другой стороны — *жердь*, *черево*, *черевик*, *ше́лест*, *шерсть*, *ше́ршінь*, где *е* перед мягкими согласными, хотя *жоні*,

на чолі — по аналогии других падежей с твердыми согласными. Совершенно правильное чередование в чорний и черніть (чернеть), пшоно и пшениця. Примеры *о* после j и других согласных: його, йому, льон, сльоза, шпильок (от шпиль), трьох, трьома, пьятьох, сього, сьому, всьо и т. д. Не во всех однако малорусских областях отмеченное изменение *е* в *'о* происходит одинаково: рядом с указанными, напр., його, всьо встречаем и єго, все. Особенно часто можно наблюдать различие между украинским и галицким произношением.

Несколько аналогично с рассмотренным явлением возникновение в некоторых словах *а* вм. *о* и *а* с предыдущей мягкостью (*я*) вм. *е*. Так мы имеем бáгато, гáразд, гáрячий, хáзяїн, халява и еще некоторые слова. В одних говорах таких слов больше, в других меньше (ср. Крымский, 240 след.). Далее, в большинстве малорусских говоров на месте *е* в именит.-вин. слов среднего рода на -ье слышится *а*, с предыдущей мягкостью после удвоенного, или долгого, или даже простого согласного: весíлля, життя́ и т. п. в украинских говорах. Из именительно-винительного падежей *я* может заходить и в другие формы (весíллям). Отмеченное явление несколько напоминает южновеликорусское аканье, на самом же деле не имеет с ним ничего общего. В первом ряде слов *а*, вероятно, возникло под влиянием следующего *а* в слоге, непосредственно соприкасающемся с данным (бага́тий, хазя́їн); в словах же, в роде весíлля, появление *'а*, вероятно, в некоторой связи с удвоением, или точнее — протяжением предшествующего согласного. Потребовалась слишком энергичная деятельность органов речи при произнесении долгого согласного, вследствие чего конечное *е* открытое, бывшее довольно широким, произносясь слабее обыкновенного, перешло в *а*. Впрочем последний переход бывает не везде.

В малорусском, как и в белорусском, на месте прарусских сочетаний -ъ̯, -ь̯ — -ы̯, -и̯ удерживается слог -*ij* (до́брий, дурни́й, ми́ю, тий и т. д.), при великорусских -*oj* — -*ej*.

Сходно с белорусским наречием и на месте основных -*ръ*-, -*рь*-, -*лъ*-, -*ль*-, в случае их безударности, является не -ро-, -ло-, -ре-, -ле-, а -*ри*-, -*ли*- (дрижа́ти, блиха́, слиза́).

Отдел о гласных закончим указанием того факта, что звук *у* безударный, находясь перед согласными, может переходить в ў — в одних местах, а в других даже в *в*: ўмію (умею), ўмива́ю, ў мене и т. д. и вмію, вмиваю, в мене и т. д. В свою очередь старое *в* (из *въ*) перед согласными и иногда на конце слов может обращаться в неслоговое ў (ц) и даже в *у*, составляющее слог: пра́ўда, діўчи́на, слоў — слію (слов),

у полі и у полі. Вместо предлога *в* иногда бывает даже *ув — увъ*: ув одно́, уво сні и т. д. Смешение *у* и *в*, указывающее на существование в малорусском ў, встречается уже с XIII в.: въ *в*тръи же дн҃ь, *в*шима, *оу*нѣшьнеѥ, *оу* корабль и т. д. (Свенцицк., 45).

Особенности в области согласных.

Подобно *в*, неслоговым ў (*и*) может становиться и *л* в тех случаях, когда ему приходится стоять после гласных перед согласными (особенно на месте др.-р. -*ъл*-); в некоторых местностях это ў произносится как *в*: воўк — вовк, доўгий — довгий, даў — дав, буў — був, ішоў — ішов и т. д. Но в случаях, где *л* приходится стоять перед гласным, ў — в не бывает: ішла́, дала́ и т. д. Впрочем иногда в — ў попадает, по аналогии вышерассмотренных случаев, и перед гласные: по*в*ен — по*в*на, чов*е*н — човна (др.-русск. пълнъ, чълнъ). Аналогия большинства падежей, где *л* приходится стоять перед гласными, удерживает его от обращения в ў — в в окончании имен существительных, как віл, діл, стіл, орел, скал, стріл и т. д. Впрочем в Галиции и Буковине, по Огоновскому, и в таких случаях бывает *в*: вів (вол), дів (дол), орев (орел), бів (бел).

Всему малорусскому языку свойственно употребление звука *г* = *h*; мгновенное г = g ему известно лишь в некоторых исключительных случаях, напр., вм. *к* перед *б*, *д*, *з*: g дому, g богу, g зимі. Звук g слышится также в словах, заимствованных из польского: gонта, gанок и под. Этот звук несвойствен был и древнемалорусскому. В редких случаях, где нужно было передавать его, употреблялось начертание *к* (Шльк҃рта 1350 г.), *кг* (Скиркгаила 1387 г.) уже с начала XIV в.; с XVII в. для g вошел в употребление знак ґ, в настоящее время принятый в малорусской печати. Тем обстоятельством, что малорусскому наречию свойственно *г* = *h*, объясняется и частое его исчезновение в начале и в конце слов, а также в середине: оро́х, о́рлиця, пробі, далебі, тоді, де и др.

Как можно было видеть из рассмотрения великорусских говоров, им свойственно было обращение звонких согласных в глухие на конце слов (в изглашении), а также перед глухими. Нельзя этого сказать относительно малорусского языка. Только галицкие говоры знают подобный переход; украинским же и другим он не известен, и лишь молодое поколение кое-где знает его. Поэтому здесь произносят: порі*т*, рі*д*, ві*з*, ні*ж*, хлі*б*, здоро*в*; в последнем случае вместо *в* обыкновенно ў. То же замечаем и в середине слов: ле*г*ко, сти*д*кий, розказувати, ні*ж*ка

и т. д. Подобное явление малорусского языка оказывается выходящим из ряда обыкновенных, так как однородность согласных групп свойственна всем индоевропейским языкам; так же у всех наблюдается и некоторое ослабление конечного согласного. Следует предположить, что в малорусском в некоторых случаях слышится после звонких частичный неопределенный гласный, мешающий полному уподоблению звонких глухим. Такое предположение вполне естественно, если иметь в виду, что все подобные группы вторичные, появившиеся после потери ъ и ь. Так на дело смотрел и Потебня (К истории звуков, I, 51). Звонкие в окончании слов могут поддерживаться также аналогией других форм тех же слов, где таким звукам приходилось стоять перед гласными.

Тут же отметим, что скорее под влиянием причин психических, а не фонетических вместо старинных предлогов „съ“ и „из“ явился один предлог *з*, который может иметь перед собою и *и* (из). Также предлог „от“, не без аналогии *под* и *над*, заменил свое *т* на *д* (од), а вследствие того, что получился закрытый слог *од* переходит в *від* (відкіля́ — отко́ле).

Особенно выдающимся явлением в области согласных звуков в малорусском языке является удвоение звуков в группе: согласный + j + гласный. Это особенно часто бывает перед суффиксом -ьје (ст.сл. -ьѥ) в словах среднего рода и -ьја (-ьꙗ) слов женск. рода. В некоторых говорах вполне явственно слышится удвоенный согласный, в других только усиленный, как бы долгий, а в некоторых, как в галицких, и совсем нет удвоения и продления звука. Мы уже говорили, что после удвоенного согласного конечное *е* заменяется посредством *я*, но иногда оно остается без перемены. Примеры: угі́ддя, безлю́ддя, судді́я, життя́, воло́сся, гря́ззю, збі́жжя, стрю́ччя, похми́лля, зі́лля, Ілля́, корі́ння, їме́ння (имя) и т. д. Если удваиваемому согласному предшествует еще согласный, то удвоения не бывает: ща́стя. В галицких говорах читаем: каміне, ми́ле, насіне и т. д. Удвоению согласных в случаях, подобных перечисленным, предшествовало уподобление j стоявшему перед ним согласному. Губные *б*, *п* и зубногубные *в*, *ф* (последний, конечно, в словах заимствованных) и губноносовой *м* удвоению не подвержены, потому что не могут входить в тесное сочетание с j: у них заметна склонность к отвердению. Так старые конечные губные, стоявшие перед -ь, бывают твердыми: сім (семь), сип (повел. сыпь); мало того, и в середине слова мягкие, в соединении с *'а* (= ѧ), твердеют, при чем выделяют из себя j, который или сохраняется в неизменном виде, или обращается в *л*, как и в старинных случаях соединения губных с j, или

после *м* заменяется другим носовым *н*. Примеры: в'яну, пам'ять, люб'ять и т. д., но может быть и люблять, мнясо (из мjасо).

В малорусском языке, как и в белорусском, сохранилось от старины переходное смягчение задненёбных *г*, *к*, *х* в склонении слов, совершенно утраченное в великорусских говорах; так мы имеем — руці ст.-сл. рѫцѣ), нозі (носѣ) стрісі (*стрѣсѣ), чоловіче и др., совершенно отсутствующие в великорусских говорах. В остальном в старинных чередованиях задненёбных с шипящими и свистящими отступлений нет.

Также сходны с великорусскими и заместители старинных групп *dj* и *tj* — *ж* и *ч*: чужий, хочу. Однако вм. *ж* в некоторых малорусских говорах (карпатских) почти постоянно (медже, чуджий, ходжу' ра́джу), в других (галицких, подольских) только в известных случаях (в глагольных формах) употребляется дж͡. Не чужд он украинским говорам и черниговским. Как смотреть на подобную группу? Мы имеем некоторое основание, по аналогии заместителя tj — *ч* (т͡ш), предполагать дифтонг (д'͡ж) и в качестве заместителя dj для прарусского языка; последний именно был бы равен той звуковой группе, которая нередко в малорусском языке. Однако самые старые памятники русского языка знают в таких случаях или *ж* (теперешнее общерусское смягчение *dj*), или *жд*, зашедшие в русский язык из ц.-славянского, ставшего с принятием христианства литературным нашим языком. Известное южнорусским памятникам уже с XIII в. *жч* (=ждж͡) развилось из групп *зж, жж вторично: в*жч*агають, вь*жч*елѣша, бездо*жьчьк* (Свенцицк., 46). Вследствие этого приходится предполагать, что в современной малорусской группе *дж* звук *д* позднейшего происхождения. В глаголах, напр., оно могло появиться из тех форм, которые имеют только *д*: „ходжу" при „ходиш" и под. От рассматриваемого *дж* следует отличать то *дж*, которое мы находим в начале некоторых слов, где оно, несомненно, из *г*: джерело (ср. гірло), джайворонок при жайворонок (и гайворон), джгут (ср. *Шахматов.* Очерк др. пер. и. р. я., 124). Несомненно, из *ч* вследствие прогрессивной ассимиляции явилось *дж* в „бджола́" (бъчела). В восточном украинском говоре рядом с формами, получившимися путем посредственного смягчения, попадаются и формы, конечно, новейшие, с звуком *д*, умягченным непосредственно: їздю, родю́; реже так же смягчается *т*: молотю́, мостю́[1]).

[1]) По вопросу о смягчении dj в малорусском ср. *Н. Коробки:* Звук дж͡ в малорусском наречии (Р. Ф. В., XXXIV).

Сочетание *щ* обыкновенно произносится, как *шч*: шчока́, шчу́ка, дошч и т. д., тогда как в великорусских говорах в подобных случаях двойное *ш*.

Выдающейся чертой малорусского консонантизма является мягкое *ц* в тех случаях, где оно таковым было в др.-русском и ц.-славянском языках. На почве малорусского вторичное отвердение *ц* произошло лишь перед *е* и *и*, которые имеют склонность к переходу в средний ряд. Примеры: купе*ць*, купи*ця*, купи*цю*, сони*ця*, но *ц*ариця, *ц*иган, купи*цем*. В карпатских говорах *ц* отвердевает и перед др.-русским *-ъ*: воробе*ц*, но бывает мягким в сочетаниях: *ця*, *цю*, *ці*.

В малорусском наречии необходима *приставка* звука *в* перед начальными *у* и *і*, явившимися из основного *о*. Когда *о* в закрытом слоге стал долгим, а затем перешел в дифтонг (ō—ȳ—o͡ȳ), то перед *у* последнего из o͡u и возникло *в*, которое затем осталось и перед і: овес—*в*івса, орел—*в*ірла, овець—вівця, оси—вісь (ось—оси) и т. д. В говорах, знающих другие замены на месте *о*, бывает приставочный *в* перед этими заменами: в͡уон, вун. Иногда *в* приставляется и в других случаях: *в*ухо, *в*улиця и ухо, улиця. Приставочное и вставочное *в* в малорусском по памятникам можно проследить с XIII—XIV в.: за *в*оовьца, въно (оно), капернаѵум и др. (Свенцицк., 45). В роли приставочного звука часто является *г*: гострий, горіх, горати, Ганна, гармата и под.

Что касается *выпадения* звуков, то здесь отметим исчезновение между гласными, происшедшее довольно рано, чем объясняется, как увидим в морфологии, нередкое стяжение гласных в группах a͡a, y͡y, o͡e в *а*, *у*, *е*: би́стра ріка, ру́су ко́су, бі́ле ті́ло, 3 л. слу́ха, співа́, мого́—мего и т. д. Сюда относится и пропуск *і* в угорусских гово́рах в твор. ж. р. на *-оў* из *-оіу*: душоў.

На месте иностранного *ф* (*θ*) в малорусском, как и в белорусском, бывают другие звуки—*х*, *хв*, *п*: Хівря, Хома, *Хв*едос, *Пи*лип, Оста*п*. Те же замены попадаются и в старинных памятниках уже с XIII в.: Хрол, Ва*хф*оломѣя и обратно—кри*ф*он (Свенц., 46).

Склонения.

В склонении существительных в малорусском наречии замечаем сильное *смешение основ*. Так старинные основы на *-ŭ* и *-ŏ* всегда смешиваются: пано́ве, пано́ві, как и синові; и наоборот—видим сі́на, им. п. мн. ч. сини́ рядом с сино́ве и т. д. Далее, с основами на *-ŏ* смешаны основы на согласные: іме́но, знаме́но, ко́лесо и т. д.; с другой стороны

ім'я, род. п. ім'я, дат. п. ім'ю, твор. п. ім'ям; или племя, дат. племю; или дівча, твор. дівчам и т. д. Подобное смешение основ было причиной того, что старинное разнообразие склонений в флексиях было значительно ослаблено. Этому содействовало еще частое *совпадение различий твердого и мягкого*. Так в некоторых говорах (червонорусских) мы имеем: королёви, конёви, морёви, краём, конём и т. д., как и в твердом различии: батькови, батьком.., с тою лишь разницей, что перед окончанием стоит мягкий согласный.

Обращаясь к рассмотрению особенностей в образовании отдельных падежей, прежде всего отметим удержание от старины, как и в белорусском наречии, *звательной* формы: чоловіче, враже, душе; жінко, Галё. Однако не всегда звательная форма имеет старинное окончание. Так слова муж. рода на задненёбные, если они не обозначают лиц, предпочитают *-у* (заподшее сюда от основ на -ŭ): вовку, снігу; это же окончание у слов на *-о*, точнее *-ко*: батьку, батеньку; реже у других: сину (органич.) при сине, свату, пальцю, колодязю, місяцю и місяче и т. д. Уменьшительные женского рода, как Марусся, доня, имеют звят. на *-у*: Марусю, доню.

Под влиянием памяти о старинных основах на -ŭ слишком распространен у слов муж. р., а иногда и среднего *дательный* п. на *-ови— -ові*. Второе окончание, с *і* из *ѣ*, предполагает основное *-овѣ, куда *ѣ* зашло от основ на -ā, как рыбѣ; распространено оно на востоке. Примеры: ковалёви—ковалеви, конёви—коневи, сотникові, москалёві, лиманові. Кроме этих форм, конечно, встречаются и обычные на *-у*: ковалю, ковю, сотнику и т. д.

Влияние основ на -ŭ сказывается также и на *местном* ед. ч., который поэтому оканчивается на *-у*: колі и колу, поли и полю. Вследствие совпадения оканчания *-у* с дат. падежом произошло смешение этих падежей, и стали говорить: „в Чорному мори“ и „на Чорному морю“, „на бистрому озері“, „при ёму“, „потому“ (postea) и т. д. Мало того, окончание дательного *-ови— -ові* проникло и в местный п.: на батькови, світови и т. д.

Под влиянием тех же основ на -ŭ получили большое распространение во множ. числе формы на *-ове*, рядом с *-и* (=ъі), *-е* (=є), *-і* в мягком различии (из др.-русск. *ѣ*): пани и панове, вітрове, вірлове, вороговe, рядом с—сусіде и сусіди, рекруте, краї, королі, вітці (отцы). Малорусскому, как и белорусскому нареч., чуждо во мн. числе *-а* в муж. р., очень распространенное в великорусских говорах (в роде леса, рога и т. д.).

Влияние тех же основ на -й сказывается и в возобладании во множ. числе в род. падеже окончания *-ов*, переходящего в *-ів*: синів, країв, королів. Это окончание можно встретить даже у слов среднего и женского рода: числів вм. чисе́л, племенів вм. племе́н, бабів, відмів, квітків и т. д. вм. баб, віде́м, квіто́к и т. д. Даже основы на -ї и те не брезгают этим окончанием: ле́бедів рядом с ле́бедий, хотя, с другой стороны, и окончание, свойственное собственно рассматриваемым основам *-ий*— *-ей*—заходит в другие склонения: сльозий вм. сліз, бабе́й вм. баб.

В *дательном*, *творит.* и *местном*, как и вообще в русском языке, возобладали окончания *-ам*, *-ами*, *-ах*. Причиной этого было, кроме распространения этих окончаний у слов женского р. с основами на -а, также значительное количество и слов муж. р. на -а (слуга́, ста́роста, воево́да, влади́ка). Старинные *-ем*, *-ьми*, *-ех* и даже на *-ох*, *-іх*, в некоторых говорах также известны. Под влиянием двойств. ч. *-ма:* смерть за плечи́ма, під двери́ма.

Из окончаний в склонении существительных *женского рода* с основами на *-а* особенно замечательны: *і* в *родит. п. ед. ч.* в мягком различии: ди́н*і*. Несмотря на некоторое сходство с подобными формами в великорусских говорах (земл*и*), это окончание не имеет с ними ничего общего: на месте великор. *-и* в малорусском нар. было бы *-и*, а не *і*, умягчительность которого указывает на др.-р. *ѣ* (землѣ рускоѣ 1371 г.).

В *творительном* п. ед. ч. преобладающим окончанием является— *-ою*, *-ею*: ри́бою, душе́ю; окончание *-ой*, *-ей* лишь изредка попадается на северовостоке, и конечно под великорусским влиянием: рибой, душей. В Галиции и в Карпатской Руси очень распространено окончание *-ов* — *-ев*: рибов — рибоў, душов — душоў, выводимое из — ою (т.-е. оіу) с потерей в этой группе неслогового *і* (рибоу, душеу). Даже, как в сербском языке, у лемков имеем окончание *-ом* — *-ем*: рибом, душом. Эти окончания в указанных местностях распространяются и на другие слова женского рода, какого бы склонения они ни были, и даже на местоимения и прилагательные: ко́стию, ко́стев — ко́стёв, ко́стём, тою доброю жоно́ю, тоў доброў жоноў, том до́бром же́ном. Окончание *-ом* в сербском языке обыкновенно объясняют подражанием словам мужеского рода.

Еще сделаем замечание относительно того, что в *винит. падеже множ. ч.* у названий предметов одушевленных имеем форму, сходную с родительным, хотя бывают случаи употребления формы, сходной с именительным: богатому чорт *діти* колише, пасу *коні*.

В заключение отметим остатки *двойственного числа*. Их в малорусской речи не больше, нежели в великорусской и белорусской, хотя в общем нет совпадений с первой в тех или других случаях. После *два* в великор. говорах ставится двойств. ч. мужеского рода, в малорусск. же наречии, как и в белорусском, форму двойственного принимают слова женского и среднего родов: дві ру́ці (ст.-слав. дъвѣ рѫцѣ), доро́зі, коро́ві, дві сло́ві и т. д. То же бывает и при *три — четы́ри*: три го́ди́ні, шти́рі гнізді и т. д.

В склонении *личных местоимений* и *возвратного* замечательны старинные формы род. п. мене́, тебе́, себе́, которые служат также и для ви́нит. падежа; в роли последнего являются еще м'я, мня (из мја), тя, ся. В дат. падеже находим мені́ — мині́ (куда *е* зашло из род. п.), тобі́ — тубі́ — тибі́, собі́ — субі́ — сибі́. Формы с *о* и *у* в основе возводятся к др.-р. образованиям „тобѣ — собѣ", а с *и* предполагают „тебѣ — себѣ". В Галиции, Буковине и восточной Венгрии встречаются еще энклитические формы, не чуждые и другим русским наречиям: ми, ти, си и мі, ті, сі (последние новообразования = мѣ, тѣ, сѣ). Остальные отступления в склонении личных местоимений замечательны только в фонетическом отношении.

Что касается склонения *собственно местоименного*, то здесь прежде всего замечательны основы и формы именительного у некоторых местоимений. Старому *тъ* соответствует: той (из тъи) — та (из тая) — те (из тое), или тот — тота́ — тото́. Основа этого местоимения в большинстве падежей отступает от старины. Именит. новообразование, притом с *о* вм. ожидаемого *ы* (*гыи), так как в конечном *й* уже не чувствовалось *и* = *jъ*; в косвенных падежах — тим, тих, тими — по образцу имен прилагательных сложных; если же встречаем — тоту́ — тоти́ми — тотих — то это вторичные образования от основы „тот" — именительного падежа. — Старое *онъ* имеет вид по чисто фонетическим причинам — він; женск. и ср. р. — вона́, воно́ — звук *в* заимствуют из муж. рода. — Вместо *сь — си — се* употребляется сей — ся — се или с удвоением основы: сесь — се́ся́ — сесе и сесе; встречается также цей и цесь, а также в более полном виде оце́й (= [в] от + сей) — оця́ — оце́. — Древнее *чьто* заменилось посредством *що, шо*. — Остальные местоимения в именительном падеже представляют лишь звуковые отклонения от общерусских: мій, твій, свій.

Из остальных падежей обращают на себя внимание формы родит. и дательного п. муж. и средн. р. Конечно того́ — тому́, ёго — ёму и под. не представляют ничего замечательного. Другое дело мій — твій —

свій: здесь мы имеем моє́го, моёго, мойго́, мого́, в сев.-малорусском под польским влиянием даже ме́го; твоє́го, твоёго, твойго, твого́, тво́го; своє́го, своёго, свойго, свого́, сво́го. То же и в дат. падеже: твоє́му, твоёму, твойму, тво́му и т. д. — Родительный п. женск. р. в разных своих формах предполагает окончание на *-ѣ*, что мы и находим в др.-р. языке в прилагательных и местоимениях: то́і, то'е́і, се́і, сеє́і, моє́і и т. д.

В *склонении прилагательных* отметим, что *краткие формы* вообще очень редко встречаются в малорусской речи; обыкновенно в именительном ед. и мн. ч. и то больше в народных песнях: бі́л, весе́л, добе́р, здоро́в и т. д., чи́сто по́ле, чу́до рі́дко и т. д. Из других падежей укажем: хо́дить по *бі́лу* сві́ту; или в пословице: не знававши бі́ди́, не буде *добра́*; или в наречных выражениях: ізда́вна, сти́ха, спо́вна, пома́лу, помале́ньку и т. д. Ничего общего с краткими формами прилагательных не имеют стянутые полные, как до́бра вм. добрая, добре вм. доброе до́бру вм. добрую и т. п.

У *полных-прилагательных* именит. п. муж. рода обыкновенно оканчивается на *-ий* и реже на *-и*: до́брий — до́бри, сліпи́й — сліпи́. Окончание -ой и -ей малорусскому нар. неизвестно, равно как и вообще эти слоги. Впрочем припомним местное той, а также сей — цей, в которых *о* и *е* вместо ожидаемого *и* (= ы — и) из основных *ъj* — *ьj* под влиянием „то“, „се“; а также в большинстве говоров формы, в роде гостей, где *е* так же объясняется, как в белорусском наречии.

Родит. п. муж. и ср. р. представляет правильное отражение др.-русского *-ого* — *-его*: доброго, синего. В женск. роде *і* = др.-р. *ѣ*: до́броі, си́неі. В северномалорусских говорах под польским влиянием развились: добрей, равно как и муж. р. добрего.

Дательн. п. женского р. встречается в форме на *-ій* (из -ой), *-і* (из -ѣ) и *-оі* (из -оѣ): добрій, добрі, доброі (возле Киева). На двух последних образованиях, повидимому, сказывается влияние именного склонения.

Творит. и местный п. ед. ч. в муж. и средн. родах имеют несколько похожее окончание: добрим (abl.) и добрім (locat.); во втором случае і из *о*. Местный, как мы уже имели случай говорить, иногда совпадает с дательным: до́брому по́ли.

Именит. п. множ. ч. представляет одно окончание для всех трех родов: *-ії* (= ыѣ) — добриі, синиі; иногда вместо этого окончания бывает *-іі* — *-і*: добрії — добрі.

Скажем еще несколько слов о склонении *числительных*. Два — дві (женск. и ср. р.) имеет род. и местн. двох, дат. двом, твор. двіма́ и

двома́. Так же склоняются числит. на *-ро:* четверо — четверо́х — четверо́м — четверма́. Такие же формы и от некоторых других: п'ятьо́х шістьо́х, п'ятьо́м, п'ятьо́ма и т. д.

Спряжение.

Неопределенная форма обыкновенно имеет старинное окончание — *ти:* носити, хвалити; но в южномалорусских и северномалорусских говорах нередкость и *-ть:* носи́ть, хвали́ть. В соответствие ст.-слав. *-ити*, др.-русскому *-чи* имеем не -чь, -чи, а вторичные *-кти* — *-гти:* пекти, могти. Конечно, в эти новообразования *к* и *г* зашли из других форм глагола, где они налицо.

Личные окончания глагола в малорусском языке те же, что и в великорусском; отступления состоят в следующем.

1 л. ед. ч. у глаголов типа ст.-слав. „дѣлати", в карпатских говорах встречается с окончанием *-ам:* гада́ю и га́дам. Более естественное объяснение этого *-м* — заимствование у глаголов с основой на согласный, как дам, ем (др.-р. ѣмь).

2 л. ед. ч. обыкновенно оканчивается на *-ш*; *-сь*, *-си* встречается у немногих глаголов: даси́ — дась, їси — їсь, єси́ — єсь.

3 л. ед. ч. имеет окончание *-ть*, которое однако удерживается только у основ на *-и:* сиди́ть, ви́дить. У глаголов же с основами настоящего на *-о/-е* это окончание почти повсеместно отбрасывается; несе, дви́гне, співа́є, купу́є и т. д. Впрочем в южномалорусских говорах и в таких случаях *-ть* иногда удерживается: укри́єть. В некоторых говорах бывает и *-т* твердое: сидит, видит; это особенно заметно в сев.-малорусском поднаречии. Наконец, кое-где *-т* и *-ть* отпадает даже после *и:* ви́ди, хо́ди.

1 л. мн. ч. обыкновенно представляет окончание *-мо:* ведемо́, зна́ємо, пече́мо и т. д. Рядом с ним нередко встречается и *-м:* іде́м, несе́м, хо́дим, купу́єм и т. д. Как местную особенность в Карпатах отметим *-ме:* несе́ме, хвали́ме.

3 л. мн. ч. аналогично окончанию 3-го единственного: в большинстве малорусской территории *-уть* — *-ать:* горя́ть, даду́ть, скубу́ть; в северномалорусском *-ут* — *-ат;* в Галиции и в 3 л. мн. ч. *-т* часто отпадает: но́ся, хо́дя, дава́ю, даю́ и т. д.

Повелительное наклонение по своему окончанию вызывает лишь то замечание, что во 2-м лице мн. ч. часто конечное *-е* отпадает, как об этом мы уже имели случай говорить в фонетике: орі́ть, вяжі́ть, хвали́ть и т. д. В повелительном еще сказывается память о древнем

ѣ, которое было у глаголов с основами на *-о/-е* после согласных (несѣмъ, везѣте и т. д.). В малорусском языке *і* (= Ѣ) проникло во все глаголы, даже с основами на *-и:* хвалíте, ходíм и т. п. С другой стороны, в малорусском очень обычен пропуск безударного гласного, или, выражаясь точнее, — образование форм множественного числа от 2-го л. ед. ч., как в русском литературном языке: бýдьте, гляньте, хвáльте, пóдьте, вéдте, бéрте и т. д. Обычно в повелительном бывает и 1 л. мн. числа: ходíм, гляньмо, ходíма (Буковина).

Будущее время образуется трояким способом: либо берется настоящее время глагола вида совершенного: напишу, двигну; замечательно у Котляревского: писнý, співнý, ссанý, наспíну (maturescam); либо к неопределенному глагола вида несовершенного прибавляется „буду“: вчýє мати, бýде бúти. Но особенно часто будущее выражается соединением неопределенного с формами глагола *иму:* хвалúтиму, хвалúтимеш, хвалúтиме, хвалúтимемо, хвалúтимете, хвалúтимуть.

В глаголах *возвратных* и *страдательных* часто прибавляется *ся*, которое, как и в великорусских и белорусских говорах, сокращается в *сь*, притом иногда и не в тех случаях, где это у нас бывает в литературной общерусской речи: накрúлась, крúюсь, накриўсь. В соединении с предыдущим *т* получается *-тися — -ця:* ведéтця, любúцьця.

Еще несколько замечаний относительно некоторых *отдельных глаголов.*

Глаголы с основами на задненебные принимают почти везде шипящие: можý, печý, поможúть и т. д., стрижý.

Глагол др.-р. *ити* (ідти́ — іти́) проводит свое *и* и в формах от основы *шьд- :* ішовши, ішоў и т. д.

Глагол др.-р. *быти* обыкновенно имеет вид: бýти, буў — булá — булó, где *у* вм. *и* (= ы), по всей вероятности, под влиянием форм „буду“ (ст.-сл. бѫдж), будешь и т. д.

Вместо др.-р. *имѣти* обыкновенно: мáти, мáю, мáєш, мáє и ма (в выражении: нема нет) и т. д.

Глаголы с губными перед окончанием (типа др.-р. *съпати, тьрпѣти*) смягчают губные не только в 1 л. ед. ч., но и в 3 л. мн. ч. сплять, терплять.

Говоры малорусского языка.

В малорусском языке явно выделяются два главных поднаречия: северномалорусское (более архаичное) и южномалорусское. К первому принадлежат говоры южной части б. Гродненской г., южной части

Минской, северной части Волынской и Киевской, а также Черниговской. К югу от них лежит довольно значительная полоса переходных говоров от северномалорусских к южномалорусским, простирающаяся приблизительно до линии, достигающей (с севера) до Грубешова, Дубна, Житомира, Канева, Лубен и Сум. Все эти говоры возникли на северномалорусской основе вследствие влияния особенностей южномалорусского наречия. Главные представители южномалорусского поднаречия — говоры украинские и галицко-карпатские. Как можно видеть из карты, приложенной к VII тому „Трудов" *Чубинского,* а также из изучения *А. И. Соболевского* (Живая Старина, 1892, IV) и др., вообще трудно строго провести границу между теми и другими говорами; особенно трудно отделить северномалорусские говоры от южнобелорусских с одной стороны и южномалорусских с другой. „Северномалорусские говоры, за немногими исключениями, принадлежат к числу или переходных, или смешанных, или — вместе — и переходных и смешанных. Они обыкновенно или составляют переходную ступень от малорусского наречия к белорусскому и от северномалоруского поднаречия к южномалорусскому, или заключают в себе, рядом с белорусскими чертами, примесь черт южномалорусских" (*Соболев.* Ж. Ст. 1892, IV, 12).

Северномалорусские говоры, как мы видели, отличаются от южных главным образом следующими особенностями: присутствием в с.-мал. говорах на месте общерусских *о, ӧ* и *е* в слогах закрытых (больше под ударением) дифтонгов у͡о, у͡э, у͡и, ю͡о, і͡е и т. д., *у, ю, и*; равным образом на месте общерусского *ѣ* сочетаний і͡е, є. Есть еще и другие более или менее часто встречающиеся черты, как нередкое появление твердого *р* вместо мягкого, как и в белор. наречии; отсутствие *я* вм. є в словах среднего рода в тех случаях, когда в южномалорусских говорах бывает удвоен согласный (перед суффиксом *-ъје*); частое появление *е* вм. *а* (*я*) в слогах безударных и ударяемых в разном положении в слове: поєс, проси́ўсс, єк (др.-р. яко), єйце и т. д., мнєсо, пьєть, нанєты и т. д. (в Ковельск. у. около Припяти); иногда начальное *о*, особенно перед губным и задненёбным, переходит в *у* (убе́д, уве́чка, уго́нь); в них часто бывает и звук *ы* (кроме *и* и *і*). В виду того, что северномалорусские говоры соседят с белорусскими и южновеликорусскими, они часто принимают в себя черты этих последних, как дзеканье и аканье. Преобладание малорусского элемента в соседстве с белорусами легко отличить по твердости согласных перед *е* и *и*, ставших у малорусов неумягчительными. У белорусов лишь *е* иногда бывает твердым, но только в отдельных словах (се́рца). По той же примете, а также по сужению гласных *о, е* и *ѣ* в изве-

стных слогах — малорусские говоры отличаются и от южновеликорусских.

Главная черта южномалорусского наречия — отсутствие дифтонгов: вместо их всегда *і*; этот же звук и на месте *ѣ*. Это наречие лежит и в основе украинского литературного языка.

Если принять во внимание всю совокупность иногда своеобразных особенностей, которыми отличаются малорусские говоры, расположенные по Карпатам, особенно существование в них различия между *ы* и *и* и разнообразие заместителей *о* и *е* в слогах закрытых, а также словарные особенности, то можно отметить и третью группу малорусских говоров — карпатоугорскую, составляющую собственно западную часть южноукраинского наречия. Самый юг ее (украинские говоры Закарпатья) по некоторым типичным особенностям приближаются к северномалорусскому наречию.

В более подробную характеристику отдельных малорусских говоров вдаваться не станем, так как это обстоятельно сделано в диалектологии *А. И. Соболевского* (Ж. Ст. 1892, IV), в „Опыте диалектологич. карты“ *Дурново*, *Соколова* и *Ушакова* (стр. 61—75 и примеч.), у *Зілинського*: „Проба упорядкуваня українських говорів“ (Зап. И. Т. Ш. т. 107—108) и *В. Ганцова*: „Діялектологічна класіфикация українських говорів (з картою)“ (К. 1923). Туда и отсылаем интересующихся.

Заключение.

Мы познакомились с теми наречиями, которые в общей совокупности составляют „русский язык“. Из них одни очень близки друг к другу, другие значительно разнятся. Однако, вообще говоря, различие между ними не особенно велико; даже между самыми отдаленными наречиями гораздо больше точек соприкосновения, нежели между самыми близкими языками из других славянских языков, как русским, сербским и болгарским, или чешским и польским. Вследствие этого считать их за совершенно обособленные языки никоим образом не возможно: всех их роднит *одна общая основа русского языка*. Право называться „языками“ дает им то, что на них имеется художественная и научная литература. Не касаясь несомненного доисторического единства русского языка и даже почти полного единства в начале его исторической жизни, так как это предмет истории языка, мы укажем здесь лишь те общие

черты, которые свойственны всем наречиям русского языка и их подразделениям. Они следующие.

1. На месте праславянских и конечно старославянских звуков ъ и ь во всем русском языке имеем под ударением *о* и *е*; тоже и в группах, неудобных для произношения: прасл. сънъ=сон, прасл. дьнь=день, малор. день, белор. дзень, прасл. мьртвъцá=мертвецá. В других славянских языках иное, напр.: серб. дан, сан—сна, польск. sen—snu, dzień—dnia и т. д.

2. На месте праславянских сочетаний ъг—ъ, ьг—ь, окруженных согласными, при ст.-славянских ръ—ра, рь—ля и др.-русских ър—ъл, ър—ъл, имеем *ор—ол*, *ер—ел*: торг (др.-р. търгъ), волк, малор. вовк (др.-р. вълкъ), серна (др.-р. сьрна), жолт из желт (др.-р. жьлтъ). В других славянских языках большое разнообразие в заменах указанных сочетаний: серб. трг, вук, срна..., польск. targ, wilk, wierzba и т. д.

3. Но особенно характерной чертой русского языка является *полногласие*, т.-е. употребление слогов *оро—оло*, *ере—еле*, *оло* на месте основных слявянских (праславянских) or—ol, er—el, там где в ст.-слав. ра—ля, рѣ—лѣ: *borda, ст.-сл. брада=борода; *golva, ст.-сл. глава=голова; *berg, ст.-сл. брѣгъ=берег; *gelza, ст.-сл. жлѣза=железа; *melko, ст.-сл. млѣко=молоко и т. д. В других славянских языках иное, напр.: серб. брáда, глáва, брег—брijег, жлијèзда, у поляков broda, głowa, mleko, brzeg и т. д.

4. Лабиализация *l* в праславянских группах el и ьl перед следующим твердым задненёбным: молоко (из mölko—melko), волк (из vьlkъ—vьlkъ) при ст.-сл. млѣко, влькъ, польск. mleko, wilk и т. д.

5. На месте праславянских *о* и *е* носовых (ǫ и ę), при ст.-славянских ѫ и ѧ, имеем гласные чистые: ѫ=*у* (ѭ=ю), ѧ=*а* (после шипящих) и *'а* (в других случаях; ѩ=я) ст.-сл. дѫбъ=дуб, мощь=мочь, часть=часть, пѧть=пять, ѩзыкъ=язык. В других славянских языках: серб. дуб, болг. дъб, словин. dȕb, польск dąb; серб. чест (ст.-сл. частъ), польск. częsty; серб. пет, чешск. pět, польск. pięć; серб. језик, польск. język.

6. На месте групп *dj* и *tj*, при ст.-сл. *жд* и *шт*, имеем *ж* и *ч*: ст.-сл. междà=межа, тысѧштà=тысяча. В других слав. языках разнообразие заместителей: серб. међа, тисућа, польск. miedza, tysiąc. Малорусское и белор. спорадическое *дж*, как мы говорили в своем месте, ничего не говорит против обычной замены.

7. На месте праславянских групп *bj*, *pj*, *vj*, *mj*... находим *бл*, *пл*, *вл*, *мл*..., как и в большинстве памятников старослав. языка, а также,

как во всей группе югославянских языков, кроме болгарского. Северозападные языки не знают этого смягчения (польск. lubię, kupię...).

8. Отсутствие *д* и *т* перед *л* и *н*: молить (из *модлити), плёл (из *плетлъ), вянуть (из *вѧднѫти). В северозападной группе слав. языков *d* и *t* здесь удерживаются: польск. modlić, чеш. modliti, польск. szedł, plotł, чешск. padl, pletl, чешск. vadnouti и т. д.

9. На месте основного славянского начального *е* в некоторых словах, ст.-сл. ѥ—е, обыкновенно бывает *о*: один, олень, озеро, осень и т. д.=ст.-сл. ѥдинъ, ѥлень, ѥзеро, ѥсень..., серб. jȅдин, jȅлен, jȅзеро, iёсен..., польск. jeden, jeleń, jezioro, jesień.

10. Одинаковые особенности в склонениях и спряжениях. Флексивные окончания в общем образуются одинаково и сходно выводятся из прарусских первооснов, как род. п. ед. у основ на -ia и под.

11. Во всех русских наречиях, говоря вообще, в словах одинаковое ударение, основанное на одной и той же системе.

12. Одинаковые морфологические и словарные особенности. Не останавливаясь на этом вопросе в подробностях, отмечу для примера приставку *роз-*, общую всем русским говорам. Если южновеликорусы знают и *раз-*, то, как мы видели, это объясняется их аканьем. Из словарных отличий можно указать, напр., *сорок*, известное всем наречиям русского языка и неизвестное другим славянам. Правда, в лексическом отношении некоторые русские наречия (белорусское и малорусское), вследствие продолжительной общей политической жизни с поляками, развили несколько особых слов для выражения больше культурных понятий; также и великорусские говоры, вследствие татарского ига и столкновений с разными азиатскими народами, приняли в свой словарь немало восточных слов; но все это не разрушает основного словарного единства, по сравнению с другими славянскими языками, наблюдаемого во всех русских наречиях.

Если остановиться только на перечисленных чертах, то не говоря уже о других мелочах в сходстве, мы увидим, что все эти черты в высшей степени существенны, и все другие рассмотренные нами раньше черты различия русских наречий, в сравнении с ними, незначительны, не таковы, чтобы они могли характеризовать целый язык, а не его наречия. Отсюда сам собой вытекает вывод, что *русский язык един, распадающийся на несколько наречий.* К этому выводу можно придти и на основании рассмотрения истории языка. Так факты языка доказывают не только фонетическое развитие отдельных русских наречий из общих основ, но и общее происхождение разных морфологических и синтактических образований.

Однако не все так смотрят на дело. *Миклошич* в своей сравнительной грамматике слав. языков (Vergl. Grammatik d. sl. Sprachen) во всех томах рассматривает малорусское наречие как самостоятельный язык, наряду с польским, сербским, чешским и т. д., противополагая его великорусскому языку. За Миклошичем последовали и некоторые другие западные ученые, напр., *Э. Огоновский* (Studien auf d. Gebiete d. ruthenischen Sprache), *Смаль-Стоцкий* и *Гартнер* (Grammatik). Действительно, малорусский (украинский) язык имеет много характерных особенностей, по которым он отличается от южновеликорусских говоров, или речи литературной. Но эти особенности не покажутся столь резкими, если сравним малорусское наречие с северновеликорусскими и белорусскими говорами. Да и само малорусское наречие только в некоторых своих частях представляет крайне резкие особенности в звуках и формах, в большинстве же случаев те или другие особенности несколько сходны с подобными же чертами в великорусских, не говоря уже о белорусских говорах; сходство это иногда простирается до полного совпадения. Так *г* = *h* знают все южновеликорусы и белорусы; *ў* знают белорусы и отчасти великорусы; удвоенные согласные в белорусском появляются там же, где и в малорусском наречии; *ё* в слогах неударяемых знает вся северновеликорусская область; даже *і* на месте ударяемого *ѣ* известно тому же северу, а на месте безударного *ѣ* знают этот звук литературная речь и умеренноакающие южновеликорусские говоры. Север знает и *и* мягкое на месте праславянского *и*. Наконец, дифтонги известны южным белорусам и кое-где даже великорусам. Выделив все это, как особенно характерное для малорусского наречия, мы найдем, что на долю чисто малорусских особенностей остается твердость согласных перед *е* и *и*, да обращение *о* и *е* в слогах закрытых в *і*, но последняя черта свойствена не всем малорусским говорам, а твердость согласных перед *е* и *и* кое-где наблюдается и в великорусских говорах. Кроме того, оба указанные свойства, как мы видели, не исконны в малор. языке.

Отлагая подробное рассмотрение черт сходства и различия малорусских и великорусских говоров до истории языка, мы здесь только заметим, что довольно знакомства и с живыми особенностями языка, чтобы видеть, что разница между рассматриваемыми наречиями русского языка далеко меньше, чем, напр., между русским и сербским языком, или русским и польским и др. Мы имеем основание думать, что и Миклошич сделал подобное разделение русского языка на два не потому, чтобы считал их самостоятельными языками: по крайней мере *И. В. Ягич*, ученик Миклошича, объясняет такой прием своего

учителя тем, что и на малорусском наречии существует литература, а Миклошич хотел дать грамматики всех славянских языков, получивших литературную обработку. В настоящее время на такое же право может претендовать и белорусское наречие, имеющее порядочную литературу. Во всяком случае во взгляде Миклошича и его последователей, как несомненное, мы должны принять то, что малорусское наречие развило несколько своеобразных особенностей, которые резко отличают его от великорусских говоров. Поэтому вполне естественно мнение тех, которые малорусское наречие противополагают другим русским наречиям, вместе взятым. Разумею мнения *И. И. Срезневского* в „Мыслях об истории р. яз." и *А. А. Потебни* в статье „О звуковых особен. р. наречий". Их мнения в настоящее время господствуют в науке.—Чисто политическими соображениями оправдывается теория, высказанная *Смаль-Стоцким* и *Гартнером* в „Grammatik d.ruthen. Spr." об особенной близости малорусского языка к сербскому: с научной точки зрения его мнение не выдерживает ни малейшей критики (ср. отзывы *Шахматова* в Украине за 1913 г. и *мой* в РФВ. 1914).

В каком же отношении к великорусскому и малорусскому наречиям находится белорусское? На этот счет к вполне установившимся выводам еще не пришли. Подробный обзор старых мнений по этому предмету у *М. А. Колосова* в книге „Обзор звуковых и формальных особенностей русск. народного яз." (стр. 253 — 266). Одни считали его поднаречием южновеликорусского наречия, другие поднаречием малорусского, третьи, наконец, признают его таким же самостоятельным, как и великорусское и малорусское наречия. Представителями первого мнения являются названные выше Срезневский и Потебня. Последний так формулирует свой взгляд на белорусское наречие: „В белорусском говоре нет ни одной звуковой черты, которая бы не повторилась хотя где нибудь в Великой России". Все случаи разногласия белорусской речи с великорусскою и сходства с малорусскою он объясняет заимствованиями. Не вдаваясь в подробное рассмотрение высказанного взгляда, так как для опровержения его необходимо привлечение истории языка, заметим, что совпадение разных особенностей дело очень обычное в языках, при том не только близких, но и очень отдаленных, особенно, если рассматривать те или другие черты в отдельности (припомним великорусское и словинское аканье, чешское и южновеликор.-малор. и белор. *h*, твердое *р* в сербском и белор., обращение в известном положении *л* в *ў* у словинцев и белор. и т. п.). При сравнении языков необходимо рассматривать их всесторонне, чтобы, увлекшись чертами сходства, не пропустить черт различия, и не предположить ближайшего

родства там, где есть только случайное совпадение, или же заимствование. А если так смотреть на язык, то и белорусское наречие должно считаться самостоятельным: совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном славянском языке, не говоря уже о южновеликорусском поднаречии, в котором встречаются только кое-где отдельные особенности белорусского наречия. Есть основание даже предполагать, что некоторые черты сходства с южновеликорусскими говорами белорусских именно следует объяснить влиянием белорусского наречия на южновеликорусское (*Надеждин*, *Зеленин*, напр., 494), или же выводить из общей им среднерусской основы.

Не более состоятелен и второй взгляд, представителем которого является *Миклошич* и *Огоновский*. Действительно, сходство белорусского наречия с малорусским в некоторых чертах поразительно (*г* — *h*, *ў*, переходное смягчение задненёбных в склонении, удвоение согласных), но если рассматривать белорусское наречие всесторонне, то увидим, что и с малорусским сходство не так велико, чтобы можно было белорусское наречие считать поднаречием малорусского: гораздо больше черт несходства. Как, напр., объяснить из малорусских особенностей твердое *р* вм. мягкого, дзеканье и цеканье, аканье? Или почему в белорусском наречии не произошло сжатия гласных и отвердения согласных перед *е и*,— существеннейших особенностей малорусской речи? В виду таких коренных отличий и сходство с малорусским языком следует объяснять не столько заимствованием, сколько одинаковым развитием в том и другом наречии при одинаковых условиях.

Наконец, представителем третьего взгляда является *Максимович*. Он („История древней русск. словесности“) видит в белорусском наречии отдельный язык, занимающий середину между великорусским и малорусским. К этому же мнению примыкает и *Надеждин* (Mundarten der russischen Sprache“). Конечно не принимая белорусского наречия за отдельный язык, нам следует присоединиться ко взгляду *Колосова* („Обзор“, 264), по которому „старинное деление русского языка на три части не может считаться решительно ошибочным“. К этому же заключению еще раньше Колосова пришел *Житецкий* („Очерк звуковой истории мал. н.“). Он так говорит о месте белорусского языка: „это не есть одно из разноречий южновеликорусского наречия, а напротив того—отдельный великорусский говор, стоящий рядом с северновеликорусским и южновеликорусским, отличающийся от них некоторыми архаическими особенностями“.

Акад. *А. А. Шахматов* (К вопросу об образовании русских наречий и русск. народностей“. ЖМНП. 1899, апр.), рассматривая передви-

жения и группировку др.-русских племен, а также звуковые черты современных русских наречий, приходит к заключению, что русский язык в старину делился на три группы говоров: севернорусскую (говор кривичей), среднерусскую (дреговичи, радимичи, вятичи, северяне) и южную (поляне, древляне, волыняне и др. южане). Со-временем среднерусская группа распалась на две и таким образом явились белорусская группа говоров (западная) и южновеликорусская (восточная). Значит, вместо прежних трех диалектических групп — северной, средней и южной — явилось четыре новых: 1) северновеликорусская, 2) южновеликорусская, 3) белорусская и 4) малорусская. В последнее время (в 1919 г.) он видоизменил эту стройную теорию, допуская деление русского языка на три группы: северную, восточную и южную. Великорусское наречие является результатом позднейшего слияния северной и восточной группы. В белорусском наречии он хотел видеть смешение восточной группы (акающей) с северной частью южной (малорусской) и даже с польскими племенами. Но при кажущейся некоторой вероятности и это деление не выдерживает критики, так как дреговичи и смоленско-полоцкие кривичи, легшие в основу белорусского племени, исконные жители в этих местах по Летописи, никакого отношения к польским племенам не имеют, а радимичи только вышли от ляхов, т.-е из занятой ими области, из соседства с ними, но были ли они поляки — очень сомнительно. Белорусское аканье вследствие редукции безударных гласных могло развиться и самостоятельно, без влияния восточной великорусской группы. В основу восточной русской группы Шахматов кладет вятичей и от них ведет южновеликорусское и белорусское аканье. Но ведь вятичи и радимичи по летописи „ѿ лѧховъ“, а редукция гласных и аканье польскому языку совершенно не свойственны.

Приведенное в первой теории *Шахматова* деление с внешней стороны может показаться верным: оно соответствует географическому распределению русской речи и находит для себя поддержку в историческом освещении. Однако если мы рассмотрим внутреннюю близость разных русских наречий из 4 указанных групп, то обнаружится, что эта близость не везде одинакова. Окажется, что оба великорусские наречия значительно ближе одно к другому, нежели в отдельности или же вместе к малорусскому; более близки они к белорусскому наречию. Последнее имеет, можно сказать, одинаковую степень близости к малорусскому наречию и к обоим великорусским, взятым вместе. Вследствие всего сказанного *мне* представляется более удобным предположить, что когда-то русский праязык распался на две группы говоров: южную (к югу от Припяти и Десны) и северную. Первую группу составляли

малорусские говоры. Отличительные черты их — долгота гласных в слогах закрытых (ō и ē, давшие со-временем дифтонги и *i*) и продвижение с течением времени *е—и* на границу среднего ряда, давшее твердость стоящих перед ними согласных. Северная группа говоров утратила вторичное продление гласных, явившееся как известно, после потери гласности ъ и ь, и удержала старинную русскую умягчительность *е* и *и*, развив небность согласных до крайности. Далее в северной группе произошло новое обособление двух групп, крайней северной (теперешние северновеликорусские говоры), отличительной чертой которой оказывается оканье и звук *г*=g, и южной — акающей, со звуком *г*=*h*. Последняя распалась на западную-белорусскую, дзекающую, имеющую точки соприкосновения и с малорусскими говорами и восточную — теперешнюю южновеликорусскую. В настоящее время под прикрытием речи литературной продолжается сильное развитие южновеликорусского наречия [1]). На границах соприкосновения перечисленных наречий развиваются переходные и смешанные говоры.

---

[1]) К литературе предмета прибавим: *Б. М. Ляпунов.* Единство русского языка в его наречиях. Одесса 1919.

Приложение.

Печатаемые ниже отрывки только отчасти имеют в виду познакомить читателя с разнообразием русской народной речи. Более обстоятельно это можно сделать по „Хрестоматии по великорусской диалектологии“ *Н. Дурново* и *Д. Ушакова*, которая, к сожалению, уже не имеется в продаже, и по „Хрестоматии по малорусской диалектологии“ *Н. Дурново*. Главная наша цель заинтересовать читателя и отчасти дополнить в подробностях те пробелы, которые оказываются в предложенных очерках.

Выдерживается по возможности *орфография* источников, конечно с устранением ѣ и ъ; в роли неясного гласного последний удерживается.

Образцы великорусского наречия [1]).

1. *Московской губ.* (Запись В. И. Чернышева).

Мóиш рубашти, пряжу, — хто-нибудь из радных памрёт. — Пришла каляда накануни Ражества; падайти карофку, маслину галофку, в пичи сидит, на нас глидит. — Он ис сваво дому и ушол на Рогачёфку; там на Рагачёфти и помир на дароги. Эта мне ф памити была. Па следу ево туды шли, а он уш не жиф.

Пад новай гот так ане (девушки) чудили-чудили, гаварят: „Дефти, падемти на авец хресты надевать в авшаник“. Ну там пашли, надели на авец хреiсты. Надемши пришли в избу, ну завеiли разгавор, на какую хто надел. Та гаварит: „я на камóлаю надела“. Там, можит, дефти три чеiтыре всё гаварят: на камóлаю я надела“. Ну а дефка адна... „А я, гат, на таку́ на рагастую“.

---

[1]) В большинстве случаев они имеются и в Хрестоматии *Дурново* и *Ушакова*.

2. *Рязанская губ. Зарайск. у.* (Запись Ю. Петровской).

Брат сте̇рёх скати́ну. К афца́м палзёть вȏлк испуд буγра́. А брад ду́мал саба́ка. А о́фцы ле̇жа́ли. И он ба́ялси, штӑ авец распуγа́ить саба́ка. А у не̇во была па́лъчкя. На па́лъчки был насо́жън винт жылёзнай. И он паткра́лси за̄ди; иза фсей мо́чи рӑзуда́рил па йэтай саба́ки. Пато́м эта саба́ка падьня́ла γо́лъву. Он ей па γьлаве винто́м къла́тить дава́й. Йэта са́бака аказалась валко́м. Пато́м он испуγа́лси, приγнал скати́ну, думӑл, шта собáку убил барскӯ.

3. *Тульская губ.* (Записи Е. Ф. Будде).

Ўзно́б брал дю́жа, ћӑлаўа́ бали́ть, ў ћло́тки с ниделю ћо́лӑс зыпада́л. Нидель чири́с шэ́сьть сляхка́ асы́пить ў но́си: вӑраћу́ша (лихорадка) была. Кашы̇ль бьёть но́ччю уш ниделйчькю бу́дя.

Я ўдава Татьянӑ, пя̇тьдеся́т бяз двух. — Уть е́ти-ти пе́рья иньдюшы́нъји нъ ћӑлаве́: ре́жым д сами кра́сим ды̆ у тарћоўсӑў пъкупаим. — У э́нтых зави́мшы у ба́бӑх, у жэнш̆ънах ко́сы-ти, у де́ва̄к так на спи́не а́пушшо́мшы каса́. — Плато́к — три сылко́вых пъкупа́им; тьвет-та а́ла̄й.

4. *Курская губ.* (Записи М. Г. Халанского).

Адда́й зипу́н, ниха́й ма́мка пӑкре́пить. Хӑлсты вы́мала, кык ки́пе̇нь ста́ли. Усё дабро́ у два сьвя́сла связа́ли ды унясли́. Купа́тца с вами ни жӑлаю. Я чюлки́ ве̇жу́, а Ду́нька̄ визёнки, визёть. У йиво ћре̇чиха пасеина у лӑшшы́ны, пӑзбачь нашай диля́нки.

Жыв дура́к е́та. Усё яћо́ ћаня́ють ва́ды́ наси́ть. Ён шшу́ку папа́в. Па Божиму блаћаславенью, па шшу́чьиму вяленью сами и́дуть вёдры. У ха́тя трищшы́ть, лапати́ть.

5. *Калужская губ. Медынский у.* (Матер. XI, редакция Н. Дурново).

Така́я вы́шла повéтрия, така́я го́ря; кра́сная пла́тья, одея́лу стега́ли. — Весь лéто работал, весь лицо́ у прыщах, один болото осушили, е́тот окно́, молоко́ проки́с. — Огуре́ц ни по чем, проскочи́л борови́к, ягода поспела, муха одоле́ла, свинья́ нынче в цене. — На Петры́ и Па́влы он именины справля́еть. — В ужине и в обеде шти едим. — Уж пять дён, как сноха ушла у Москву. — Отделёмши (= атделившись) ужа́сть как стал Пётра деньга́ми биться.

6. *Орловская губ. Брянский у.* ныне губ. (запись Е. Будде).

Мы ходим γ дъхтаря́м: он вады нъγаварьваить — э́тъ́ яγо́ де́ла́, и г ба́пка́м ходим: ваду дают. Мы ни маγём: шэ я мла́да, γъварять, по́льзы ни будить: като́рыи γадо́ў са́раки́, ат э́тъ́γа лу́ччи — по́льза; тады́ паўчюсь видьмувать: jе́тъ́ ш калду́ют: ёсь таки́и като́рыи — ўред: в аднэ́й али в другэй ёсь и ат абжо́γи выγава́рьвают, спасо́бия дают. Карто́шку трём сыру́я.

7. *Тамбовская губ. Шацк. у.* (запись Н. Дурново).

Карьми́льчь мой батюшка́, што же ты ничаво́ мне ня ба́иш, ни ътвячаиш? Скрепи́л ты своё се́рце кре́пшь бе́лыва́ каминя́. Нъ каво жь ты мине аста́вил и спаки́нул, нйдъкарьмле́ну й нйдъпае́ну[ю]? Я ищь мъляда́ и глупа́, тк каму́ жа́ мне сваю галовушку прикланить? Жала́нъй ты мой бра́тьч, ни паки́нь ты миня апо́сьли карьмиличь батюшки!

8. *Ленинградская губ. Лужский у.* (запись Н. Каринского).

Полюблю я молотьчика размоло́денькова,
Полюблю молотьчика молоденьково!
Буду роставатца с йим,
Не милитца мне ништо.
Мни не милитца беленькой свет,
Не матушко только отец.
Пойду я с горюшка в тёмной лис —
Мне во лесо́чки пользы нет.
В тёмном лесу берёзушка стояла́.
На эту берёзоньку
Птички-пташки слитались.
Онна птичка-пташечка,
Серая кукушечка
Тёпло гнездышко свила́.
Кукует кукушечка
Утром рано только по утру.
И на тую пору времечко
Калинушка росцвела,

Мать нешчастну дочку родила́.
Спородивши нешчасну дочку,
На ноже́ньки подняла,
Русу косу заплёла́,

9. *Олонецкая губ. Вытегор. у.* (редакция Христом. Дурново и Ушакова).

Отку́ды дет, идёш?—З города, корми́леч.—А какая неле́ккая тибя занесла́ в таку́ю даль?—Ох, роди́мой, нужда́ заста́вит хоть в Москву́ итти́: jона и старика́ делае молоды́м. А што у тя бы́ла така́я за ну́жда в го́роди?— Да другой-то ну́жды не бы́ло, окро́ми што Христо́вым и́менем побирался, кормилеч.—Куды́ же тепе́ричю, старина́, путь де́ржыш?—Бреду́, родимой, домо́й!—А гди́ твой, дедушко, дом?—Дом мой, милостивеч, там, гди у за́ичя лом!—А што дедушка, у тя в этых мешоцках?—В одном мешо́цке хлебныи кусоцки, а в другом, толоко́нчо. Х кому пристану на ноцле́к, вы́прошу ри́пничи (репяного квасу), сделаю тяну́шоцку (толоконная болтушка на квасу), наворзыха́юсь, да и сыт не на один день.

10. *Вологодская губ. Кадник у.* (записи Н. Попова).

Пот лёжа́цёй камень и вода не тецёт.—Первый-от гот и не надо потацьки давать.—Тесь любит цесь, а зеть любит взеть.—Мать плацёт—тоцьно река льётцо.—Хто сіёт в оприле, у тово овёс опріёт.—Вовцьи зубы, да лисей хвос.

Богат скотом: корова бурая, другая будёт, третьяя есь, цётвертую сулив тесь, пятая будёт, шестую купить надо.—У савдата никовда не бывает падежу.—В Ярослаф за писням.

11. *Архангельская губ.* (записи А. Маркова).

Уж ты гой еси, Илеюшка сын Иванович! сойди-ко-се со печки с кирписсния.—Уж вы гой еси, калики перехожия! не могу-то я сойти с пецьки-мура́вленки: не служат мои ножки резвыя; сижу-то я ра́вно тридцать лет.—А где твой-от отець-батюшко?—Мой отець-батюшко да полё чисьтит, а ломат ду́бье с кореньем из матушки из сырой земли.—А пойди, говорят, запусьти нас в дом свой, отво́рь нам да красно́ крыльцё.—А куды я, братцы, пойду, коль не могу я на́ ноги стать?—Спусти-ко ты резвы́ ноги с пецьки. Стал-то он ногами пошевеливать, стал он ноги подзы́нывать,—у его ноги не постарому, не попрежному.

12. *Новгородская губ. Череповецк. у.* (из ст. Е. Еремина. Описание Уломск. и Ваучск. говоров).

Вино, оно бóльно ударят ф гóлоу. — Он вы́пивши, я устáвшы, ёна уéхатци, ось сломáфшы. — У евó уéхано, другой гот как розойдёнóсь. — Нынь напасёнó жалéза. — У волкóф тутя ийдёнó. — Напи́тось ця́ю, досы́та наéдёнось. — Ф грудя́ф болúт; жыть в достáткаф. — Двум чёловекам охватить онá ель. — Поделал бы тово и другóе. — На свете фся́кова народу есь. — Есь у нас озёр фся́киф и больши́иф и малыф. — Вного из сибя воображáёт, рóвно и нить што дакóе. — Распрокинул глаза-те. — Мы дáеци так прошли — : то дáеци, а топерь-топéреця. — Во штях только премудросъ онна, а фся сила ф капусте.

13. *Казанская губ. и у.* (редакция Н. Дурново).

Рас мы пошли на барский двор, шты́бы пыпросить у барина дéник на покупку лышедéй, пытамушта они у нас пали; жиребя́ты были мылоды́, а скоро уж пашня. Лакéй, увидаф нас, спросил: „Зачем вы пришли?“ Мы сказали, шты нам нужна видить барина и кой о чем ёво пыпросить. „Ёму типерь не время, приходити посли“. Мы подумыли, шты мы знам ета посли та: можит, и конца ему не будит. Когда лакей ушол, скоре зашли в задню горницу и пыпросили у себе дыложить. Спустя не мала время барин велел нам взотти. „Што вам нады?“ закричал барин. Мы ему сказали свою нужду и упять пыклонилис. „У вас нет лышедей? ах вы дураки édыки! ды я та ехал на N-ских лугах, ды там каки пасутца кони та! На́ти вам деник, штыбы к за́фтрыму были кони, а то выдиру! Мы зачосали затылки та и с поклоным вышли.

14. *Вятская губ. Котельн. у.* (Матер. VIII).

Козел да баран пошли по дорожке. Шли да шли, до смолова пня дошли. Вечер уж, надо имя ночевать. Баран бает козлу: наа (надо) огня добывать. Баран разбежался, как боднул и огонь вылетел. И сидят греются. Прибежал к имям заец. Козел да баран, пусти погреться. — Гретца грейсь, на чужи дрова не надейсь. К имям бежит лисича. Козел да баран, пусти погретча.

15. Там же. Нолинск у. (Матер. VIII).

Уж вот иной человек как-то все петь умеет: пи́сни, але молитвы на все пропевы, а другой уж коли не пи́сельник, так не запост, хоть что хошь делай. Вот у моего Семена голос грубой, тону нет так ницево не умеет. Уж чечас видно целoвека, есле у него тон есь; писельник и в церкве-ту стоит, так все подпевает.

Образцы белорусского наречия.

1. *Витеб. г. и уезд* (МБ. № 18).

Як у дьвина́нцытым го́ди, у ту́ю ў са́мыю руи́ну, ды як жа зысла́в Господь-Корми́циль ды раць-си́лу низьмерную; пе́рьши-на́-пирьши усё бусурма́ний ды ўся́ких хра́ньцыв... Во, яны́ ишли́-ишли́, али́ тыки́ й ста́ли; ста́ли — ды й лидя́ць... Не, ўжа́, бра́тка, ляди́ ни ляди́ — а мы ды твоей не́хрисци пыга́ный ни пыддадёмся!.. По́ки што то́я — лядь! дви́нитца ящо́ раць-си́ла: як пывали́ло кряжжё — то ў пяць, то ў шесь конёв, ажно́ зимля́ дрижи́ць; як ныскоцы́ло выныра́лов, ды ўсё з пёркыми — шо-т твоё выроннё!.. Гомо́нюць, гулдуя́чуць по не́йкыму — а ни рызыбраць, кому што на́дыць... Оди́н — хто яго ведыиць — ци ён виныра́л, ци ён кымандо́ра? сам товсце́нный-товсце́нный, уве́сь красный, лоб ясный, а ў руце ў яго́ ци то тыни́на, ци то лучина. Во, ён кылы'днэй кряжи́ны туды́ й сюды зыходив, туды́ и сюды зирь, али тыки́ й со́в лучи́нинный... А йна-ж як лыпане́ць — грыманёць! и вы́скычила одту́ля ци то лату́шка, ци то цырянушка, ляци́ць-сипи́ць... Во, йна лице́ла-лице́ла, али́ тыки́ ны Няпро́вський мос и на́ныла. Нихай ляжи́ць! можа́ кому тыба́ку це́рци пригоди́тца — во, то́льки увы́йдуць! Дык нет-жа-ж! Кузёмка ня вытрывав — „мыя́“, кажиць, — у́зяв дый жупа́ным накрыв. А йна-ж як лыпане́ць! дык на́ських сорык цыловек як зьмия́ изыком злиза́ла. Мос зыгаревся, а хра́ниц зы нами ў дого́нку, ды ўсё з му́зыкый: ў пысвирелки сви́щуць, ў цыцвирики бьюць, а один — ў восьмину — як мызгане́ць-мызгане́ць! Ну, так жа до́бри, як вум прочь!.. Здае́тца, усё-б слу́хыв, ды слу́хыв!..

2. *Смолен. г. Пореч. у.* (Шейн. Мат. II, 522, 539).

Если цаго ў лесу спужаешься, аль ў ноцы, то энто на тябя наносное, знаниць, на тябя хозяин, аль лесной, аль домовой, ты яму́

и кажи: Лес цесной, царь домовóй... и прошу я вас з хлебом з солью, з белой рубашкой... з низким поклоном, просецици, благословици.

Коли у кого з раны, аль болесьць кроў идзець, а удзержи ей нетуци, то возьми воду клюцаву, холонную, ты яё заговори и цаловека помой той водой.

3. *Могил. г.*, ныне Гомельск. (Мат. Б. № 4).

Абицáнка — пыцанка, а дурнóму рáдысь.

Круць, верць — ў чырапóчку смерць.

Зъеж ты кукрáйчык — булзиць сын Микылайчык.

Ястрыб пашóў курéй драць, кýры пашлú чарвéй клювáць, черви пашлú... стральцы (реже стралцы) пашлú ваўкóў биць, ваўкú пашлú казý есьци, кыза пышлá с казлóм жыць.

Мне маркóтна мыладзéньке: нихтó зáмуж ни бярэць; гарэлычки пиць хóчыцца, хыдзяин ни даéць.

Шылдавúла — былдавúла пынямéцку гыварыла, рóгым траву ела.

4. *Быховский у.* той-же г. (МБ. № 16).

Жив сабе дзед и баба. Жили яны довга и родзилась у их дочка и три сына; дочка подрасла и пошла раз у лес за ягодами и заблудзила. Довга ина хадзила, а посли зайшла в нейкий двор, яе там схвацили паничи и запёрли дома. Яе у дваре ждали, ждали, ни дождались; тады больший брат паехав яе шукаць; заехав ён у тэй двор и яго там разбойники схвацили и закували: тады сяредний брат паехав шукаць большого брата и заехав у тэй двор, и яго там закували; тады старик со старухой остались одны и вочинь збяднели, так што им некаму было и дров привезць, и старуха была ужо стара и боли дзятей ни раждала. Раз старуха пашла вады и видзиць, кацицца чириз дорогу гарошик; ина яго зъела, а як зъела гарошик, то зачала сына и тираз год радзився етый сын. Дзед и баба назвали его Таратаем. Таратай скоро вырос и став помогаць сваим радзицелям работаць.

5. *Б. Виленская г. Дисн. у.* (МБ. № 6).

Жыў сабе дзет и бáба, и былá у их кабылка. Пашóў дзет у пóля арáць. Арéць, а кабылка прыстаéць. Дзет падгавáиць и крычыць: „но, кап це мядзьвець!“ Зáрас и прышóў мядзьвець: „ты, дзецька, казаў, каб я кабылу ўзяў?“ — Мой ты мядзьвецька, дай хоць

за́ганчыка ўзараць, а ты тымча́сам паляжы́ на панара́дчыку. „Ну, до́бра, паляжу“. Аре́ць дзет, аж бяжы́ць лися́ца: „дзецька-лябецька, дай ты мне мех кур, дык я табе згублю мидзьвидзя́“. А-ей, мая ты ли́сачка, чаму ш ни дам. Побегла лися́ца ў лес и тру́бицъ: тру-тру, лаўцы́ едуць, тру-тру, мидзьвидзя́ и́щуць. Бяжы́ць до дзеда: дзецька-лябе́цька, чы ня ви́дзяў ты мидзвидзя́?—„Не, ня ви́дзяў“.—А што́ ж гэ́та у цябе́ у панара́дзе?—„А гэ́та кало́да“.—Кап калода, то была́ и увя́заная. И изно́ў пабегла у лес: тру-тру лауцы́ едуць и т. д. Кап калода, то быў бы тапо́р у галаве. Мядзьвець и кажыць дзеду: „Дзецька, увяжы́ мяне“. Дзет увязаў. „Цяпе́р угани мне тапор у галаву́“. Як увогна́ў дзет, дык мядзьвець и здох.

6. *Той же г. Свенцян. у.* (МБ. № 13).

Кались у нашым каралеўстве жыу быў каро́ль, и азяў ён каралиху молодуя и бедную, а сам поехаў на вайну. А у каралихи радзиўся сын з месяцем у лыбе; але свякроў каралихи ня любила; зы злосьци хапила таго сынка и оддала яго згубиць зы свету, а каралисе подкинула щанё касматое, брыдкое и выслала пи́сьмо каралю, што жонка яго ня сына мела, а щанё. Кароль прыказаў щанё забиць и сам прыехаў з вайны. Прашло́ нескольки уремени, кароль узноў паехаў ваяваць, а каралиха радзила сына бяле́нькага, ладне́нькага и з звездачкой у лыбе. И знова старая каралиха подкинула ей ягнятко, а таго сынка прыказала удушыць, а сама пишыць каралю: „твая жонка радзила ягняце́“. Кароль распарадзиўся забиць яго, а сам вярнуўся дамоў злый на сваю маладую жонку и приказау войску, што скоро едзем на вайну. Маладая каралиха осталася, сьлизами абливаючыся, и скоро радзила сына зы слоньцем у лыбе, зграбнюткаго, кругла-личенькаго, а старая каралиха ухапила яго и сказала ў лес на ваўкоў кинуць, а каралисе падкинула мы́шу и дала гэту вядомосьць каралю. Кароль прыказаў гэта мышане́ згубиць разам з маладой каралихой. Але яна выенчыла у добрых людзей, што яну выпусьцили живую на свет. Кароль доўго, доўго ваяваў на войне, ня хацелось яму варочацца дамоў, бо ужо яго ладненькой каралихи ня было. Але старая каралиха просиць яго, штобы ён вярнуўся: што ей тужба (тоска) такая за им, и ён прыехаў, аж яна и сватаиць другую каралеву, и да й ажаниуся кароль з другой жонкай, а тая другая жонка была надто злая: и грызець усё караля, грызець, а старая каралиха усим спакою не даець.

7. *Б. Ковенская г. Новоалекс. у* (МБ. № 11).

Пашла Марылька цёмны куточки ли́чучы:
Яна сваю буйну гало́ўку хи́лючы,
Яна сваё белые ручки ло́мючы,
Яна сваёй родной матульки и́щучы.
Усе куточки, ўсе цёмные пирайшла́,
Нидзе сваей ро́дной мату́льки не найшла́.
Мая матулька вельми далёко од мине́,
Вельми далёко, ў зямли глыбоко — ни найду.
Настаньце буйныя ветры на дваре,
Раздзярыце траўку-мураўку зялёну,
Развейце жо́ўты пясочак на по́ли,
Разабице сосновы до́шки на кро́шки,
Подыми́це маю мату́льку на но́жки.
„Устань, ўстань, моя мату́лька, ни ляжы́!
„Устань, родная, свайму дзицяци парадок даци!“
— Рада ўста́ци к свайму дзицяци — ни магу́!
Сыра́я зямля́ на сэрце ўзлягла, ни магу́ ўздыхнуци,
Сасно́вы дошки списнули ножки, ни магу повярнуци,
Залезны цвечки скава́ли плёчки, ни магу́ пакрану́ци,
Траўкай-мураўкай зарасли дзьверцы — ни магу́ атчыници.

8. *Минская г. Игумен. у.* (МБ. № 7).

Жыли́ сабе дзед из бабаю и быў у их сын ду́рань. От раз ма́ци и гаво́рыць на сы́на: пайдзи́ ты принясі́ па́ру вады́; ён и пашо́ў. Вы́цягнуў ён адно́ вядро́ с крыни́цы, глядзиць, аж там пла́вае ры́бка и блищы́ць, так ек залата́я. Ён хацеў яе ўзяць у кишэ́ню, дак яна́ стала пачалавечу праси́ца: пусці́ мяне́ лепяй, хло́пец, я табе дам за то́е залаты́ пярсцёнак. Узяла и дала́ и сказа́ла: як ты яго́ пакру́ціш, дак што захо́чеш, то́е зро́бицца. Дурань так рад, и пашо́ў дадо́му. Прышо́ўшы, нико́му ничо́го ни сказа́ў, залез на печ и усё глядзиць на яго́. Маци крычы́ць и ка́же: падзи́ дроў прыняси́. А ду́рань сабе засмяя́ўся, пакруці́ў пярсцёнак и сядзи́ць на пе́чы. Так хатния глядзя́ць, што гэ́та дро́ва бягу́ць са́ми; дзве́ры расчыни́лися, и са́ми дро́ва ў печ пакла́лися. Ха́тния ня здзи́вяцца, што гэ́та тако́е.

*

9. *Там же, б. Новогр. у.* (МБ. № 24).

Салавей звязюльку да да бору кли́че:
„Ляцим, мая звязюлька, да ляцим да бору,
Добро ш нам было кукаваць с табою“.
Братко сястрыцу да да дому кличе:
„Едзьмо, мая сястрыца, едзьмо са мною,
Добро ш нам было да жыци с табою.
Была́ мая кашулька што нядзелю бяле́нька,
Была мая пасцелька што ночы мяке́нька,
Цяпер мая кашулька от слез макренька“.
— „Едзь, братко, да адзин да дому,
Вечна разлука нам же с табою,
Там табе кашульку жо́нка вы́мые,
Там табе пасцельку матка пасцеле.
„Жонка вымые,—да бела ня будзе,
Матка пасцеле,—мягкая ня будзе“.

10. *Там же, Мозырск. у.* (МБ. № 10).

Стары́, слабы́ ба́цько жыў пры своих замуо́жных сынуо́х и ниц ни муо́г робиць. Сыны й невиэ́стки обиждали его, и юон церпиэ́ў го́лод и хо́лод. Бачыць ба́цько, што беда́, й прыду́маў собиэ́ хоро́шу шту́ку. Сыны́ й невиэ́стки ба́чыць, як ба́цька ка́жны дзень одмыка́с цыма́лую скры́нку й ли́чыць сриэ́бные гро́шы; поли́чыць, поли́чыць, дай замкне́; а гдзиэ́ йдзе, то й скры́нку за собо́ю несе́. Вознали дзиэ́ци, што скры́нка тя́жкая, дай поду́мали: поўна гро́шай. С того́ дня стали ба́цька че́стоваць, до́бре кормили й задзева́ли, поили его горыэ́лкою немал кажны дзень. Сиэ́м годы́ так жыў ба́цько счасли́во дай помюо́р. „Годзи бацько носи́ў скры́нку й личы́ў гро́шы“, сказа́ли дзе́ци, дай ў раз одомкну́ли скры́нку й дзиэ́вяцца: поўна набито пилови́н, а на ве́рсе тра́пили 10 грывенки грошай.

11. *Б. Гродненская г., Волковыс. у.* (Федер. I. 5).

Nidaŋno kalè Zelwy byłò hetako zdarenio: adnà dzieŋczyna nàdto chacicła kab jejè chłopcy lubili, za parŋoch nigdy niĕ wyjdzie, kab lusterka z saboju niĕ ŋziać, nawät da kaścioła i to z lusterkâm chadziła

Adnahó razu pryszɥouszy na mszu, pácicraɥ nič zhawaryɥszy, cap za lusterko i ɥziràjccsie. Kali hlanie ażnò abamleła, bo na łobi stali raści rohi!

12. *Там же. Слоним. у.* (Федер. I, 139).

Niedaɥno kale Dziaciaława ɥ starszu nídzielu, adna dzieɥka, zamìż na mszu, paszła ź mièlszaju siestróju ɥ ɥies pa sunicy. Źbiraje, tak źbiraje, asiòż padchodzić da jeje niejakajaś asóba ɥ bieli i zajszlà ź jeju ɥ hùtarku: skul, szto, jak? Pośle źnialà z sibiè sznuròk pàcierak takich charoszych, czyrwònieńkich, jak jàhady i ɥłażyła jɥoj na szyju. Jenà użè takaja rāda! a taja osoba każä: A ty wièdajäsz ad kahò ty heto dastała? — Nic, załacieńka, ni wièdaju. — Heto ja Nidziela! — i samà paszłà. Liedźwo adyszłasia, asiòż ɥ woka widzi z tych pàcierkaɥ zrabiɥsie wielìzny uż i zaduszỳɥ tuju dzièɥczynu, a siestra czuć żywa da chaty prylacieła.

Образцы малорусского наречия.

1. *Б. Седлецкой г. Бельск. у.* (Сборн. ОРЯС РАН. LXXV).

Зобачив буог, що, нэдóбрэ зробив, що створив гадуов, ужуов, жабуов и ящурóк: позбирав йих всіэх в мишóк, завъязав ёгó и сказав Ивáнови: „Ивáнэ! на занэси́ той мишок на рикý, туолько нэ заглядáй в мишóк, а кинь ёгó в вóду“. Взяв Иван мишок на плечи и понюос ёгó до рики. Йде собіэ дорогою, йдэ, а ёго всё кортúт загля́нути в мишок, що там такое е. Пришов на муост, нэ вытэрпив и зачáв розвъязувати мишок. Як туольку трóшки розвъязав, гáдина вся и повтикáла и попáдала в вóду и порозбигáлася по зэмлíе. Тогды буог сказав: „Тэпэр жэ збирáй, Ивáнэ, гадуов, ужуов, жабуов, покуоль нэ позбираеш!“ Иван обэрнýвся в бýцьна и хóдит лíэтом и вэсною по болóти, збирáе, збирáе йих и нэ може ниякпозбирáти.

Ой казав-есь, кленовы листэ,
Нэ будэшь опадати,
Ой казав-есь, руодны батэньку,
Нэ будэшь оддавати;

А тэпэр даешь и нэ жалуешь,
Роботоньки нэ научивши
И до розумоньку нэ довьюовши.

2. *Там же* (Житецкий, 307, 308).

Поставлю свекорка протыв батенька,
Не буде свекорко як рюідный батенько.
Поставлю свекруху протыв матюнкы,
Не буде свекруха, як рюідна матюнка...
Склоны на стиіл гуловку...

3. *Там же. Констант. у.* (Житецкий, Очерк, 302).

Вієют вієтры, вієют буйны, аж тополі гнутся:
Ой як мене болiт серце, самы слёзы льются.
Трачу лiета в лютуом горе і кунця не бачу,
Только мнiе лекше стане, як троха поплачу...

4. *Б. Люблин. г. Грубешовский у.* (В. Шимановский, XIX).

Идэн раз шлы дурогою дид з бабой и сталы доходыты до сэла. Дид сказав: „Я тутай мулука попрушу". А баба сказала: „Я в мулуко хлиба накрошу". Дид злапав бабу и давай быты, прыговарываты: „Нэ крушы хлиба в мулуко, бу скэснэ". Прышлы ду сэла, а мулука ныхто ны дав.

Пукирноё тыле дви куровы ссэ.
Бэз бога ны ду пурога.

5. *Львов в Галиции.* (Етн. Зб. VI, 1).

Вкрав злодiй в дворі бугая. Та завiс го до хати, викопав пiд столом яму, положив там мнясо, та все по троха їв з жінкою та дiтьми. От раз вийшов вiн в поле, лиш синок малий грівсь перед хатою, випуливши живiт. А в хатi собака, Круць, сiв пiд столом над ямою та нюхає. От приходять на обійсте люде, шукати злодiя. От оден приходить до дитини, та штукає го пальцем в живiт:—Пук! пук! наiв есь ся круп!—Блезесь—каже дитина—неправда, паньского бугая.—А де вiн синку?—В хатi пiд столом, Клуцеві пiд хвостом.—От яке мале, кроть его мать, а що ти наговорило! каже другий. Вони засоромились і пiшли дальше.

6. *Коломыя.* (Етн. Зб. VI, 84).

Глухий и трембатий прийшли до церкви. Дивит сї глухий на трембатого, а далї лус его в лице.—Та за що бєш?—А чого, дурню, свищеш в божім домі?—Та я не свищу, я губатий.—А як ти богатий, то тобі вільно свистати? Тай лус другий раз!

7. *Бучацк. пов.* (Етн. Зб. VI, 246).

Захорува́ла ци́ганови дитина. А він кажи: Чобись схотїло, то́бим ти дав. А то було в зимі. Оно (циганча), подумало, чоби тато в зими ни міг дїстати, тай кажи: Мій татуню, я хо́чу суничо́к. Ка́жи: А су́вала би тобо́в хоро́ба по пе́цу, а я де тобі типер во́зьму?

8. *Бродск. пов.* (Етн. Зб. VI, 256).

Був сибі циган, прийшов до їдного ґосподаря, а вони са́ме гобі́дали. А як гобідают, то той, що прийде, каже: Час на гобід! А ті, що сидят: Просим. А той відповідає: Заживайте здорові!—Час на гобід! каже циган.—Просим! А циганови того й треба: взяв лижку, тай їсть. А він прийшов так раз і два рази. А той ґосподар змовився ж жінкою: „Як він, каже, прийде, то не гобзиваймо ся нїц до него!“ Але прийшов циган тай каже: Час на гобід! А вони не обзиваються до него нїц. А він думає, тай каже: Коб ви знали, ґосподару, що! Я, каже, йшов через лїс, а тамки щось таке колюще коти ся по дорозі. А той ґосподар каже: То то певне їж!—А коли кажете: їж, то добре, каже циган, та за ложку, тай їсть. Тай так вони знов цигана не збули.

9. *Мараморошская стол.* (Етн. Зб. XXVI, 24).

Чи чули ви, добрі люде, як звони звонили,
Та деж мого товариша в Белесенї ймили?
Нї вни его нї рубали, анї его вбили,
Прийшли пани з Вишейова, у Вишеїв взели.
Сїли пани коло стола та стали писати:
„Чи давно ви, ледїники, пішли розбивати?“
„Ой уже ж рік, наші панки, й чотири недїлї“.
Алеж бо сте напрятали сороківцї білі?
„Ой є тото, наші панки, много товариства,

„Як у лїсї в Медоборі букового листа“.
Ой вивели Насїенька, хотїли губити,
Ой уклякла Насїйчиха, стала говорити;
Ой уклякла Насїйчиха, стала присягати:
„Не піде мій Насїенько нїкди розбивати“
Закувала зазуленька ой під черленицев:
Поховали Насїенька та під шибеницев.
„Стиреглам тя, Насїеньку, від огня, від води,
„Не моглам тя устеречи від сеї пригоди!“

10. *Спишьской стол. Зап.-Угорск.* (Етн. Зб. IX, 96).

Бил йеден дыдо з ба́бом і жи́лі о́ні у̌ лысы на йедней польа́ні там ныхто ку́ ным не захо́діл, лем са́мі уше би́лі. Раз ви́йде дыдо на́ двір і віді́т на дво́рі медьве́дьа. То бил гость то́го дыда. І заво́лал го до хи́жі. А у дыда би́ло ве́льо ме́ду, бо мал дыдо пчо́ли і мал з ве́льком міском на столы і хтыл погостіті то́го медьве́дьа. Ме́дьвідь не́-хтыл іті. Узьал дыдо медьве́дьа за у́ха і прітьа́гнул ку сто́лы. Ме́дьвідь йак скошто́вал, та те́льо йіл, што ма́ло з'оха́біл.

11. *Пограничье Галичины и Подолии.* (Крымский. У. Г. I. 219).

Буу̌ сибі хлопиць і дїфка, і вни сибі любилисї дужи. Али хлопця віддали до воська, і вна чикала десїть лїт,—і нима хлопця. Кажут: „Ни боїсьсї, він тебе забуди?“ Кажи: „Ни боюсї“. Сидит она рас. Приходи дїт-стариць і питаї меленько: „Чоо ви плачити? Ф ті филї він звіци прийди“. І показау на поріх.

То же на литературном языке:

Був собі хлопець і дївка, і вони собі любилися дуже. Але хлопця віддали до войська, і вона чекала десять лїт, і нема хлопця. Кажуть: „Не боїшся, він тебе забуде?“ Каже: „Не боюся“. Сидить вона раз. Приходе дїд-старець і питає миленько: „Чого ви плачете? В тїй хвилї він звідси прийде“. І показав на поріг.

12. *Подольск. г.* (Житецкий, 341).

Ой по горі по высокі голубы літалы:
Не зазнала роскошонькы ні в тата, ні в мамы.
Ой по горі по высокі голубы літают:
Не зазнала роскошонькы—вже й літа мынают.
Літа ж мойі молоденькі, літа ж мойі слічні!

Як підемо за мылого, будьте довговішні!
Як підете за мылого, літа, продовжіться,
Як підете за нелюба, літа, вкоротіться!
Ой візьму я жыта в жменю, а в другу ячменю:
Завйазала -сь, лыха доле, рукы без ременю.
Лыху долю ні продаты, ані проміняты,
Тілько треба з лыхов долев свій вік к'рататы.

13. *С. Яревище, Владимир-волын.* у. (Запись В. Каминского).

В нас як умрэ чоловік, то як спывають йому: „вічну пам'ять", то жінка його повэнна розвъязаты йому зáстяжку, а як ны розвъ'эжы, то вжэ ны дóждэ выйты замуж другéй раз.

14. *Кіевск. г. Бердич. у.* (Драгом. Мал. н. пр. и р. 108).

Було собі три брати. Їден же такий,—ніяк не може нічого в смак попоїсти; а другий знов такий, шо ніяк не може господарства розвести; а третій,—сміх казати,—оженився та жінку дуже лиху взяв. Такі то три брати; сказано,—біда! В біді чоловік без ради не буде. Всім тром погано, всі три радяться... Далі кажуть: „ходімо до премудрого Салеміна, він нас порадіть". Приходять до царя. Спершу старшого впустили до нёго. Розказує старший ёму. Вислухав царь—і крикнув: „в ліс!" Середужший входить; ёму Салемін крикнув: „рано вставай". Вже йде той, шо жінку має лиху. Росказав Соломонові.—„В кузню", крикнув цар. Зійшлися брати, роспитали їден у другого. Самі собі не вірять, шоб це Салемін їм так порадив, не хтять вони робити того нічого, шо чули у Салемона. „Ет! це дурисвіт якийсь; нам така біда, а він що плете"... Алі далі радяться, що не трудно. Можна спробувати того, що він нам каже. Іде старший брат у ліс... В лісі дивиться: люди зрубали дерево і ніяк не вкладуть на віз кража того. Став він помагати тім людям, став помагати, поподвигавсь таки добре, вернувсь до дому, ззів хліба, такий ёму хліб смашний придався, ше й не їв він такого смашного хліба ніколи. Розказує він братам, вони роблять і собі теє, шо сказав їм Салемін. Почали робити. Середужший став рано вставати. Почало господарство поправлятись. Знаїте, як він раньше всіх встане, а пізніше всіх ляже, у ёго скрізь робота, скрізь лад... Менший дивиться на тіх братів, йде до кузні: що ж він бачить там? Нічого більш, окрім того, шо залізо в огні і під молотом мякшає. Гріють, думає він, ковалі залізо, можна мині жінку попогріти... Жінка, правда, помякшала трохи... Так вийшло з тими братами.

15. *Екатериносл. г. Александр. у* (Драгоманов, 7, 13).

Це, кажуть, були чоловік, та жінка; чоловік шось різав та покаляв руки у кров, а вона до ёго і прийшла та так біля ёго і вьеться. От він взяв її під бороду: „ластівко, кає, моя“, тай поцілував, та в двох і полетіли ластівками; отто у неї і знать під горлом красненьке.

16. *Черниг. г. и у.*

(Поправлен В. Зубком рассказ Гринченка I № 192).

Казаў здро́ку вуол: „Я б ат тебе́ утюок, ек бы не баяусь, шо земля права́лицце!“ А здруок ему й каже: „я б тебе́ на ду́ба загнау, дак не можу за ре́готам“. А вано́, бачыте, здруок ек уджыгне скатыну, то зарез и ўпадé дадóлу; тут його́ зарез и покрывай шапкою, а так зроду не поймаеш.

Напъе́цце й слюоз, абы въюоз.

Адна діеўчына вышла з хаты ы бачыть у церквы свіетыцце. Вана пашла туды, аж там мёртвые гавіеют. А хресна матка їе угледела, та й каже: „иды, дочко, швытче, а то ек угледыть тебе руодна матка, дак иззіесть. Дак вана́ и утёкла.

17. *Полтав. г. Зинков. у.* (Драгом. Мал. пр. и р., 167, 181).

У однім селі та був дяк, і брехуняка такий з ёго, що не збрехавши ніколи й не побалака. Раз ото він приходе до попа; піп був на веселі: „здоров, Хведоре, а ну лишень збреши що небудь!“ А Хведір наче б то й не він. „Е, батюшка, ніколи брехати, треба кобилу запрягати, та на село махати: у чумаків воли хворіють, так вони за мішок полови по два мішки соли міняють“. І! піп аж затрусивсь, звелів мерщій запрягти кобилу, наклав полови, поїхав. Іздив, їздив, коли се так уже надвечір вертається, кобила зморена, сам такий сердитий, та до дяка: що ти, сучий сину, брешеш, які там у біса чумаки?“—„А вже ж, батюшка, брешу, аже-ж ви й сами мене просили, щоб збрехав що небудь!“

А то, значить, один пішов позичати воза, а той, у кого він позичав, замітив уже ёго та й каже: „та я б тобі, сину, дав, та ти орючи як рубаеш що, або притісуеш, то далеко дуже од воза одіходиш“.—

„Є, ні, дядечку, єй Богу! що ни рубаю, то все до колеса“.—„Тим то, ...сину, як я тобі давав той раз, то все обідьдя було порубано!? іди ж собі, к лихій годині, та більш і не навертайся!“

18. *Харьковск. губ. Ольшан. у.* (Драгом. 125).

Ішов раз бог та святий Петро; дивляться: чоловік хлівець городе, лободу забива, лободою й запліта.—„Шо се ти, чоловіче, робиш? На шо се ти лободу забиваєш, лободою і заплітаєш?“—„Ато хіба? мені все одно завтра помірать!“—„А спитай, Петре, може він пити хоче?“—„Може б ти, чоловіче, напився?“—Є! колиб то у вас було!—„Є“.—Дали ёму напиться і пішлі. Ог, ідуть назад, а він уже такі дубья ворочає, та сарай строе.—„Шо се ти, чоловіче, ти ж казав, шо завтра помреш?“—„А хіба шо? діти остануться, то ті поживуть“.

19. *Воронеж. г. Богучар. у.* (Филатов, 238).

Стоить гора висока,
А під горою гай,
Зилиний гай, густисинький,
Ниначи справді рай.
А у ріцці край берешку
Привъязанний човник,
Де трі вербі схилилися
Тай журюцця собі:
Як пройде любо літечко,
Повеють холода́,
Посиплюцця з верб листячка,
Тай понесе вода.
Як я стою над річкою,
Шумить вода, бежить,
Чого ж моє серденько
Так нийе і болить.
Болить воно тай журицця,
Шо вернецця весна,
А молодость не вернецця,
Не вернецця ж вона.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Вместо предисловия	3
Предмет диалектологии. Необходимость ее изучения	5
Источники для изучения диалектологии	10
Великорусское наречие	12
Источники и пособия	—
Область, занимаемая великорусским наречием	19
Русская литературная речь	23
Фонетические явления	—
Звуки русского языка и их передача на письме	—
Гласные ударяемые	30
Гласные безударные	34
Согласные звуки	38
Морфологические явления	46
Южновеликорусское поднаречие	53
Северновеликорусское поднаречие	59
Особенности в фонетике	—
Особенности в морфологии	66
Переходные говоры от северновеликорусских к южновеликорусским („средневеликорусские“)	71
Белорусское наречие	73
Источники и пособия	—
Границы белорусского племени и языка	79
Образование белорусской народности и языка	81
Главнейшие особенности белорусской речи	82
Особенности в звуках	83
Морфологические особенности	99
Особенности синтаксиса	113
Белорусские говоры	117
Речь современных белорусских писателей	118
Малорусское наречие (украинский язык)	119
Источники и пособия	—
Область, занимаемая малорусским языком	126
Малорусский (украинский) язык	128
Особенности в области гласных	129
Особенности в области согласных	136
Склонения	139
Спряжения	144
Говоры малорусского языка	145
Заключение	147
Приложение	155
Образцы великорусского наречия	—
Образцы белорусского наречия	160
Образцы малорусского наречия	165

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА.

под ред. *Н. Л. БРОДСКОГО.*

Стр. 320. Цена 2 р. 75 к.

Содержание:

Предисловие Н. Л. БРОДСКОГО. *Н. А. Энгельгардт.* — Мелодика Тургеневской прозы. (Опыт анализа и обобщений). *К. К. Истомин.* — Роман «Рудин». (Из истории Тургеневского стиля). *М. А. Рыбникова.*—Один из приемов композиции у Тургенева. *М. П. Самарин.* — Тема страсти у Тургенева. *А. Белецкий.* — Тургенев и русские писательницы 30—60-х гг. *М. П. Алексеев.*—Тургенев и Марлинский. (К истории создания «Стук...стук...стук...»). *М. О. Габель.*—«Песнь торжествующей любви» (опыт анализа). *М. М. Клевенский.*— Литературные советники Тургенева. *А. Лаврецкий.*— Тургенев и Тютчев. *А. С. Долинин.*—Тургенев и Чехов. (Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова).

Творческий путь Достоевского.

под ред. *Н. Л. БРОДСКОГО.*

СОДЕРЖАНИЕ.

В. Виноградов. — Сюжет и архитектоника романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы.— *К. Истомин.*—Из жизни и творчества Достоевского в молодости. Введение в изучение Достоевского. *А. Гизетти.*—Гордые язычницы (к характеристике женских образов Достоевского). *М. Давидович.*— Проблема занимательности в романах Достоевского. *А. Скафтымов* Тематическая композиция романа Достоевского «Идиот». *Д. Дарский.*—Достоевский—мыслитель.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

Антуан Альбала.

ИСКУССТВО ПИСАТЕЛЯ

Перевод *О. Э. Мандельштама.*
С предисловием *Л. Л. Горнфельда.*
Стр. 166. Цена 1 рубль.

А. АРТЮШКОВ.

ЗВУК и СТИХ

Современные исследования фонетики русского стиха.
С предисловием **проф. А. М. Пешковского.**
Стр. 72. — Цена 50 коп.

Проф. В. В. СИПОВСКИЙ.

ПОЭЗИЯ НАРОДА.

Пролетарская и крестьян. лирика наших дней.
Стр. 141. — Цена 70 коп.

Из отзывов печати:

„Труд проф. Сиповского обнаруживает правильный и верный подход к взятой теме, что делает эту книжку наиболее ценной и удачной из всех имеющихся немногочисленных современных попыток критического анализа поэзии народа“.

«Книгоноша» № 3. 5 мая 1923 г.

«Книжку вполне можно рекомендовать в качестве пособия для новой средней школы».

«Известия В. Ц. И. К.» № 100. 8 мая 1923 г.

„Книга издана опрятно, написана простым языком и для любителей пролетарской поэзии явится прекрасным путеводителем“.

«Литературный еженедельник» № 22. июнь 1923 г.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

РОССИЯ и ЗАПАД В ПРОШЛОМ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

под редакцией *С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Е. В. Тарле.*

Редакция исторической библиотеки „Россия и Запад в прошлом“, ставя себе задачей изобразить в ряде очерков, основанных на научно-разработанном материале и изложенных в доступной форме, важнейшие моменты и явления западно-европейской и русской истории, будет, при случае, включать в эту серию также очерки по истории других народов. Вместе с тем, не ограничивая себя какими либо хронологическими рамками, Редакция позаботится о том, чтобы более подробно был освещен ближайший к нам период от середины 19-го века.

Е. В. ТАРЛЕ.—ЕВРОПА ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА. Стр. 232.

Содержание: Европа от Венского конгресса до революционных движений 1848 года и реакции 1849 г.г.—Европа в 1851—1871 г.г.—Великие Европейские державы от 1871 года до образования Антанты.—Европа от образования Антанты до начала мировой войны.—Мировая война.

С. В. СИГРИСТ.—У ПОРОГА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. Балканы, как очаг европейских столкновений. Стр. 122.

Содержание: Проекты раздела Балкан.—Балканские государства до войны 1912—1913 г.г.—Возникновение Балканского Союза.—Война против Турции и отношение к ней великих держав.—Дипломатическое соперничество России и Австро-Венгрии.—Распад Союза, и вторая война.—Мирные трактаты 1913 г.—Новое государство — Албания.—Результаты балканских войн и положение к 1914 г.—Балканы и мировая война.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ. — НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ. Стр. 223.

Содержание: Наследие смуты:—Борьба общественных классов в смутное время.—Ликвидация смуты—судьба Заруцкого.—Мятеж 1648 г. и „Соборное Уложение“ 1649 г.:—Развитие социальных отношений в первой половине 17 века.—Восстание 1648 г. и его результаты.—„Уложение“ и его влияние на развитие социального строя. Разиновщина:—Шестидесятые годы на Москве и на Дону.—Бунт Стеньки Разина.

Е. КОЦ.—КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. (От Пугачевщины до революции 1905 г.).

Содержание: Экономическое положение крепостных крестьян в 18 веке и волнения приписных крестьян.—Пугачевщина.—Крестьянские волнения при Павле.—Отечественная война.—Декабристы и отклики 14 декабря.—Экономическое положение крепостных крестьян в 19 веке.—Николаевская эпоха.—Движение в связи с манифестом 19 февраля 1861 г.—Крестьяне и революционное народничество.—Восьмидесятые годы.—Экономическое положение крестьян после реформы.—Движение в 1902—1903—1904 гг.—Весна и лето 1905 г.—Крестьянский союз.—Октябрьские дни 1905 г.—1906—1907 гг.

А. Н. ШЕБУНИН.—ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В I-ю ПОЛОВИНУ 19 ВЕКА (Печатается).

Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Телеф. № 5-47-76.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ.

Под редакцией проф. **Н. Г. ТАРАСОВА.**

ТОМ I.

Жизнь общества в первичных формах и сложных образованиях в Египте, Мессопотамии, Греции и Риме.

Составил **Н. Г. Тарасов.**
Стр. 251. Цена 2 р.

ТОМ II.

Формы организации труда и общества в эпоху преобладания натурального хозяйства.

Составили **Н. П. Грацианский, Е. А. Мороховец** и **Н. Г. Тарасов.**
Стр. 336.

ТОМ III.

Жизнь общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма.

Составили **А. А. Деконский. К. В. Котрохов** и **Н. Г. Тарасов.**
Стр. 258.

ТОМ IV.

Жизнь общества в эпоху новейшей мировой торговли, капиталистической промышленн. и развития социализма.

Составил **Г. О. Гордон.**
Стр. 336.

ТОМ V.

Капитализм и социализм. Экономические и государственно-правовые основы общества.

Готовится к печати.